

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Александр

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Проза для детей:
повести, сказка

Волгодонск
2018

84 Рос 6

С 79

Степанов А. В.

Собрание сочинений Т. 4/4: Проза для детей: Повести, сказка / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск: Самиздат, 2018. 308 с.

В четвёртой части четвёртого тома собрания сочинений представлены повести для детей: «Закадычные друзья», «Ботаник», а также четвёртая часть сказочной тетралогии о приключениях кота Васьки, его Хозяйки и их друзей «Путешествие в подземелье»

ЗАКАДЫЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

(Повесть)

Глава первая

Мы с Шуркой закадычные друзья. Самые закадычные, закадычнее не бывает. Мы с ним расстаёмся только на ночь и то не всегда. Иногда он ночует у меня, иногда я у него. Родители наши вначале ворчали, мама даже возмущалась:

– Ночевать к Шурику не пойдёшь, что у тебя дома нет? Вы и так целыми днями вместе, хоть уж ночью побудьте врозь.

Шуркина мать тоже была недовольна и тоже ему наговаривала что-то подобное. Но прошло время, они ко всему привыкли и даже сами стали волноваться, если мы вдруг ни с того ни с сего появлялись где-нибудь по одному.

Учимся мы с ним в одном классе, сидим за одной партой. Учителя говорят, если спросить Шурку, и он ответит на «пятёрку», то и Сашке, то есть мне, тоже надо ставить «пятёрку», даже не вызывая к доске. Правда, Шурка не всегда до «пятёрок» дотягивает. У него чаще «четвёрки» выходят, хотя уроки мы обычно делаем вместе и никогда не откладываем учебники в сторону, пока не сделаем домашние задания.

Мы с Шуркой и вправду очень похожи. Моя бабушка как-то сказала;

– Ой, ребята, вас с ходу и не различишь, такое ощущение, что одна мать родила.

А сказала она так, когда сшила мне новую рубашку с красивыми пуговицами и двумя карманами. А Шуркина мама, увидев её, пошла к бабушке и попросила сшить такую же для Шурки. Бабушка сказала, что это просто, поскольку снимать с него мерку не надо, можно шить и по моему размеру.

Назавтра рубашка была готова, и мы с Шуркой целый час прогуливались по деревне. А потом пришли домой. Вот тут бабушка и сказала о том, как мы с Шуркой похожи. А мы сняли рубашки и надели старые майки, их, если даже и запачкаешь, не так жалко.

А ещё мы похожи причёсками. Как только начались каникулы, Шуркин отец усадил нас во дворе рядом на лавочке и подстриг обоих «под ноль».

— Летом вам эта краса не нужна, — сказал он, — а к школе мы, надеюсь, отрастим что-нибудь получше.

Мы с Шуркой, к слову сказать, и не сопротивлялись, без волос и вправду лучше: не надо их мыть, не надо расчёсывать и не надо бояться, что кто-то тебя сдуру ухватит за чуб.

Наталья Петровна — это наша учительница, тоже говорила:

— Саша и Шура (я дословно не помню, может быть, она сказала: «Шура и Саша»), вы у нас в классе во всём пример: и в учёбе, и в дружбе, и в

поведении, и в отношении к старшим. Я думаю, что нам всем можно гордиться вами и брать с вас пример.

Конечно, об этом можно было бы и не писать, это вроде бы как хвастовство. Но я клянусь, что так она и говорила, любой человек из нашего класса может подтвердить.

А ещё мы любим читать книги, делать своими руками какие-нибудь поделки. Правда, в этом наши интересы немного расходятся. Я больше люблю читать, а Шурик – мастерить. Когда мы идём в библиотеку, я всегда выбираю книгу потолще, а он – потоньше, да чтобы картинок в ней было побольше, а буквы покрупнее. Я ему не раз говорил, чтобы он не уваливал от чтения, а он всегда делает вид, что плохо понимает меня.

– Я читаю ровно столько книг, сколько и ты. Я же не виноват, что книжки, которые меня интересуют, – тонкие и с картинками. Ты тоже можешь выбирать такие, я не против.

Ну что ты поделаешь с ним. Ладно, решил я, пусть он читает сказки, а я буду читать только серьёзную литературу: про корабли, самолёты, путешествия. Я уже прочёл про Робинзона Крузо, про Гулливера, про пленников Барсова ущелья, книгу «О смелых и умелых».

Зато Шурка может делать своими руками разные нужные нам предметы, да так ловко, что мне и в мечтах не представить. Моя мама не раз и не два говорила, что у Шурки руки из правильного места растут.

Наталья Петровна как-то обратилась к классу:

– Ребята, может быть, вы сделаете мне указку, а то наша кривая, неприглядная, её и в руки брать стыдно?

– Сделаем, – дружно закричали все.

Мы с Шуркой тоже кричали, а когда пришли домой, Шурка сказал мне:

– Давай, каждый будет делать свою указку. У кого лучше получится, ту и отдадим Наталье Петровне.

Я согласился, хотя точно знал, что

Шуркина указка будет самой лучшей. До поздней ночи я строгал палки, сделал десяток указок, но все они почему-то получались такими же, как была у нас в классе, или даже хуже. Потом пришёл Шурик и принёс свою указку.

– Вот, – показал он, – целый час делал.

– Не ври, – вырвалось у меня, – я бы такую красоту и за неделю не сделал.

– Сделал, если бы постарался.

Наталья Петровна из целого вороха указок отобрала три: Серёжки Фомина, Кольки Марченко и Шурки. Она похвалила их и всем сказала: «Спасибо». И тогда Шурка поднял руку и попросил слова.

– Говори, – разрешила Наталья Петровна.

– А мы, – сказал он, – делали эту указку вдвоём.

– Я и не сомневалась, – засмеялась она, – значит вы оба молодцы.

На перемене я сказал Шурке:

– Зачем ты соврал? Я ведь к этой

указке не имею никакого отношения.

– А что же ты не сказал это на уроке при всех? Выходит тоже соврал?

– Это другое дело. Я не хотел ставить тебя в неловкое положение.

– Спасибо и на этом. А я вот тоже не хотел, чтобы ты оказался в неловком положении. Что бы подумала Наталья Петровна, вот пятиклассник, а не смог несчастную указку сделать.

– Так-то оно конечно, так, но всё равно мы поступили нечестно. Я сам сделаю указку и тогда всё расскажу Наталье Петровне.

Слово своё я сдержал, хотя и корпел над этой указкой два месяца. Шурик предлагал свою помощь, но я отказался и всё сделал сам.

Наталья Петровна внимательно выслушала мой рассказ, взяла мою указку, повертела в руках:

– Отменная работа, я думаю, что она нисколько не хуже, чем та, которую вы сделали «сообща» с Шурой. А на него ты не обижайся. Оба вы немножко

ошиблись: один сказал неправду, второй скрыл её. Но оправдывает вас одно: сделали вы это только для того, чтобы помочь другу. Держитесь вместе, и никто никогда не сможет сломить вас.

А мы и так держимся друг за друга уже всю жизнь. Вернее, почти всю жизнь. Потому что мы в первый раз встретились, когда нам было ещё по семь лет и осенью предстояло пойти в школу.

А вышло это так. Как-то утром я вышел на улицу, чтобы проверить обстановку: а вдруг кто-то из знакомых мальчишек уже вышел погулять. Поглядел налево – никого, прямо – тоже никого, направо... а вот там стоял мальчик и смотрел на меня. «Интересно, – подумал я, – чей же это пацан? Ни разу не видел». И чтобы зря не ломать голову, решил спросить у него самого.

– Привет.

– Привет.

– Ты чей?

– А ты чей?

- Тебя как зовут?
- Шурка, а тебя?
- Сашка.
- Ишь ты, тёзки.
- Какие же мы тёзки? Ты Шурка, а я Сашка.
- Тёзки, тёзки, – засмеялся он,
- ты Александр и я Александр. А знаешь, отчего Шура получился?
- Нет.
- От Саши. Сначала человека звали Саша, потом стали звать Сашура, а потом, когда он уже повзрослел, стали звать просто Шура.
- Ловко ты придумал.
- Да это не я, это мне мама рассказала.
- А что ты тут делаешь? В гости приехал?
- Нет, мы сюда жить переехали. А вот наш дом, – он указал на неподалёку стоящий небольшой домик, в котором жила тётя Маша, известная гроза всех деревенских мальчишек.
- Так здесь тётка Машка живёт.

– Жила, наверное. А сейчас мы.

– Вот здорово. Тогда давай будем дружить.

– Давай.

Так мы целый день вместе и провели. А потом второй день, а потом третий. И так изо дня в день. А потом в школу вместе пошли. Моя мама попросила нашу первую учительницу Александру Дмитриевну посадить нас вместе. Та согласилась. И вот уже шесть лет мы сидим за одной партой, и делаем всё вместе и всё остальное, о чём я уже рассказывал.

Глава вторая

Однажды, вернувшись из магазина, мама сказала:

– Посмотри, что я тебе купила, – и подала мне небольшую книжечку.

Книги я люблю всякие и этой тоже обрадовался. Однако это была не книга, а записная книжка в твёрдом переплёте. У меня ещё никогда не было ничего

подобного. Я сразу же побежал к Шурке:

– Смотри, что мне мама подарила.

– Ух, ты! Сильная вещь!

Мы сели на диван и долго рассматривали диковинку. В этой записной книжке сто листов в клеточку, все листочки пронумерованы, обложка твёрдая цветная, на ней золотом выдавлено слово «Блокнот» и Спасская башня Кремля. Но самое главное, что от неё исходил вкусный запах типографской краски, что для любителей чтения и книг является самым приятным ароматом.

Как только мы закончили осматривать блокнот, Шурка спросил:

– А что мы будем записывать в него?

– Не знаю.

– А давай...

И мы начали наперебой предлагать разные варианты. Но всё, что предлагал Шурка, не нравилось мне, а всё, что предлагал я, с ходу отвергалось Шуркой. Наконец, это надоело нам, и мы решили

взять перерыв до завтра и подумать о судьбе записной книжки дома.

Дома я сел на диван, достал из кармана записную книжку, полистал страницы и снова начал думать над тем, что можно записать в неё. Рассуждал я так: мы с Шуркой любим читать книги, значит, в блокнот можно записывать все сведения о прочитанном. Это, во-первых. Во-вторых, мы любим мастерить. А это значит, что в записную книжку можно заносить все данные о наших поделках. В-третьих, мы с удовольствием занимаемся спортом: играем в футбол, в шахматы. В-четвертых, и Шурка, и я чуть ли не каждый день пропадаем на речке: то купаемся, то загораем, а то рыбачим. И обо всём этом также можно записывать в записную книжку. И тогда получится, что это не какие-то важные и нужные записи, а самый обыкновенный дневник. А вести его вдвоём, скорее всего, не получится. Если записывать буду я, то я смогу рассказать только о себе. А если

он, то обо мне там будет очень немного.

«Ладно, – решил я, – пусть записная книжка полежит в шкафу. А когда мы что-нибудь придумаем, тогда её оттуда и достанем». На завтра я так Шурке всё и объяснил. Он согласился:

– Конечно, на всякую ерунду переводить такую вещь не стоит, прочитанные книги и так надо помнить, а дневники только девчонки ведут.

И на несколько дней мы забыли об этом блокноте.

Как-то мы лежали с Шуркой на берегу реки, загорали, любовались природой.

– А знаешь, что я подумал, – неожиданно спросил Шурка, – вот мы лежим с тобой, валяемся, ни о чём не думаем. А вдруг мы бы оказались как Робинзон Крузо на необитаемом острове. Как, по-твоему, смогли бы мы там выжить?

Книгу о Робинзоне Шурка не читал. Это я ему рассказывал про него. И вот надо же, зацепило человека.

– Наверное, выжили бы, – отозвался я. – Тем более у него и ружья были, и инструменты всякие...

– А что мы с тобой стрелять умеем? – перебил Шурка. – А, кроме того, не всем ведь так везёт, как Робинзону. Вдруг мы с тобой попадём на необитаемый остров с голыми руками. Что тогда делать будем?

– Не попадём. Сейчас время другое. Нас быстро найдут.

– А вдруг не найдут, или найдут через месяц? А этот месяц как-то прожить надо.

Вот тут и мне в голову пришла интересная мысль, я аж подскочил на песке:

– А давай тогда будем готовиться к жизни на необитаемом острове.

– Давай, – обрадовался Шурка, – это интересно. Об этом можно и в записной книжке записывать.

– Правильно, – поддержал я, – только, чур, никому об этом не говорить. Кто проболтается, тот предатель.

– Я не проболтаюсь, – пообещал Шурка.

И мы с ним поклялись страшной клятвой: «Мы – закадычные друзья Сашка и Шурка клянёмся, никогда и никому не открывать наших тайн и секретов даже под самыми страшными пытками. Пусть наши тайны умрут с нами. Каждый, кто нарушит клятву, будет покрыт несмываемым позором».

Текст этой клятвы мы торжественно записали на первой странице моего блокнота и расписались внизу под ним. Шурка предложил подписываться кровью, но я отговорил его, а почему и сам не знаю. Крови я не боюсь, и резануть осколком стекла по пальцу для меня пара пустяков. Просто, наверное, так уж получилось, хотя позже я даже пожалел, что не согласился с Шуркой. И причины на это не заставили себя ждать. Но об этом позже.

А пока мы с Шуркой полностью ушли в наши мечты о выживании на необитаемом острове. Одна беда, мы

никак не могли придумать ситуацию, из-за которой окажемся там. Пешком туда не дойдёшь, на самолётах мы не летаем, на кораблях не плаваем, поездом не доберёшься. Вот когда вырастем, тогда, может быть, с нами что-нибудь приключится. Но к этому и готовиться не стоит, потому что взрослые и так всё знают.

Наконец, нам надоело такое пустое фантазирование, и я предложил:

– Давай, Шурка, этот этап подготовки пока оставим. Попадём мы на этот остров или нет, не важно, главное, что мы будем готовы.

– И правильно, – согласился Шурик, – сдался нам этот остров, необитаемых, поди, уже и в помине не осталось.

И тут мне в голову пришла ещё одна гениальная идея:

– Шурка, – закричал я, – точно, давай готовиться не к жизни на острове, а к походу, это будет интереснее и полезнее. В поход мы сможем выбраться

в любое время.

— Не выберемся, родители не пустят.

— Если не подготовимся — не пустят, а подготовимся — тогда и разговаривать будем.

Глава третья

На следующий день мы до самого обеда ничего не делали и только мечтали о самых настоящих походах со страшными трудностями и ужасными приключениями. Шурка говорил о том, что хорошо бы заблудиться в тайге, где на сотни километров нет никакого даже маломальского человеческого жилья. Я поддержал его и стал придумывать разные трудности, которые нам могут встретиться в тайге. Потом я сказал, что лучше путешествовать не по тайге, а плавать по реке, потому что тайга от нас далеко, а река рядом, за нашими огородами. Шурка спорить не стал, и мы быстро переключились на приключения

на воде.

Мечтать было приятно, дома никого не было, мы сидели у нас в комнате на диване, время летело незаметно. Так, наверное, мы бы и просидели до вечера, вернее до прихода моих родителей с работы, если бы вдруг не спохватились.

– Шурка, что же мы с тобой делаем? Ведь уже полдня прошло, а мы с тобой ничему не научились, только языки чешем.

– А чему надо учиться? Я не знаю. Ты книжки толстые читаешь, вот ты и говори.

– Я и сам не знаю, давай составим план, чему мы должны научиться.

– Правильно, – поддержал меня Шурка, – давай. А ещё надо решить, что будем с собой брать в поход. А то подойдёт время, и мы будем хватать всякую ерунду, которая в походе сроду не пригодится, а нужное будет лежать дома.

– И то верно, – сказал я.

А Шурка вдруг обрадовался:

– Тащи свой блокнот, мы в него сейчас и план запишем, и список нужных для похода вещей. А то время идёт не в нашу пользу.

Я тоже обрадовался. Вот и блокнот сгодится: не для пустых записок, а для серьёзного дела.

На второй странице (на первой у нас записана клятва) я крупными буквами написал заголовок: «План подготовки к походу». На этом мои познания по составлению плана закончились, хотя я добросовестно думал над тем, что надо писать дальше. Как на беду ничего умного в голову не приходило.

– Шурка, – взмолился я, – ну чего ты молчишь? Давай, тоже думай.

– А что надо думать?

– Думай, чему мы с тобой должны научиться прежде, чем в поход идти.

– Сено косить.

– Ты что, Шурка спятил что ли? Зачем нам в походе надо сено косить?

– Как зачем? – искренне удивился Шурка. – А где ты спать будешь? А так сена накосим и будем спать, как на перине.

– Ты что же в поход косу с собой потащишь?

– Ну да...не подумал, – Шурка помолчал, – а давай сначала напишем список вещей, которые надо будет взять с собой. А когда будет список, тогда можно решить, чему надо учиться.

– Правильно.

Я сразу же согласился, потому что это предложение мне показалось разумным, и тут же на следующей странице блокнота крупными буквами вывел: «Список вещей, необходимых в походе».

– Так, Шурик, давай диктуй.

– Чего тут диктовать? Перво-наперво, я думаю, топор нужен.

Не успел я и рта раскрыть, чтобы возразить ему, как Шурка опередил меня.

– Ты, Сашка, сам подумай, как

можно без топора. Дров нарубить надо? Надо. Колья вырубить надо? Надо. Шалаш будем строить? Значит, ветки будем рубить. И вообще, вдруг зверь какой нападёт, а у нас будет чем отбиться. Топор обязательно нужен.

– Ну ладно, уговорил.

И я записал: «1. Топор».

– Давай дальше.

– Может быть, ножовку? – осторожно спросил Шурка.

– А ножовку зачем?

– Дрова будем пилить, колья...

– Ветки на шалаш, – перебил его я.

– Ты что городишь? А зачем же мы топор берём?

– И чего ты рассердился? Я ведь просто предлагаю, ну предлагай ты.

Он засопел носом и отвернулся от меня. Я задумался, а потом на меня снизошло озарение.

– Шурка, – радостно закричал я, – не сердись, перво-наперво нам нужны рюкзаки, в которые мы будем складывать все нужные вещи.

– А у вас дома есть рюкзаки? – поинтересовался Шурка, как мне показалось, не без ехидства.

– У нас нет.

– И у нас нет. Где же их брать будем?

– Нигде, сами сошьём.

– А ты умеешь?

– Научимся. А вот тебе и первый пункт в план подготовки к походу: научиться шить, штопать одежду. Согласен?

– Согласен. В лесу порвать одежду не мудрено. А ходить оборванцем неудобно. А в список тогда добавь: нитки и иголки.

– Вот видишь, – обрадовался я, – так мы с тобой постепенно и план напишем и список составим. А когда начнём рюкзаки шить?

– Давай завтра с утра и начнём. Я думаю, удобнее всего их шить из мешков. Надо только, чтобы они одинаковыми были по размерам.

– А ножницы с собой брать будем?

плодотворным началом подготовки к походу мы поздно вечером разошлись, чтобы назавтра с новыми силами приступить к реализации наших планов.

Глава четвертая

Утром я подскочил ни свет ни заря. Умылся, съел пирог с картошкой, запил молоком, отыскал в чулане крепкий чистый мешок и сел на лавочку возле дома дожидаться Шурика. Прошло десять минут, двадцать, но он не появлялся. «Вот засоня, – подумал я, – и когда он только выспится?»

Я подождал ещё немного и пошёл будить этого горе-путешественника. «Ну, – думал я, – задам же тебе перцу по первое число, недели две спать не захочешь». Но, когда я увидел на двери его дома большущий замок, пыл мой поостыл и сменился удивлением. Получается, что ни отца, ни матери, ни самого Шурика дома нет. С раннего утра они куда-то испарились. «Хорошо,

подумал я, – время есть, можно и подождать, не навсегда же они уехали».

Я ещё подождал, ещё раз сходил к ним и опять, как говорит моя бабушка, «поцеловал пробой». Я ещё несколько раз бегал к соседям, наконец, мне это надоело. Я залез на чердак на своё потаённое место и стал мечтать о наших с Шуркой будущих походах. Однако без него мечталось плохо. Плюнув на это занятие, я принялся читать первую подвернувшуюся под руку книгу. Но и чтение не отвлекало меня от мысли о Шурке: интересно, куда он пропал, почему мне ничего не сказал? Тоже друг называется.

Я прочёл несколько страниц и только тогда заметил, что не понимаю смысла прочитанного. Отложив книгу, спустился с чердака, походил по двору, но и здесь не нашёл ничего интересного. Мама увидела меня и спросила:

– Что ты как неприкаянный шастаешь из угла в угол? С Шуркой что ли поругались?

– Нет, не ругались. Просто их никого дома нет. Он с родителями куда-то исчез.

– И что? Стоит ли из-за этого расстраиваться. Может, дела у них какие-нибудь, может, в город поехали за покупками. Не горюй, приедут.

– Я и не горюю, просто у нас уговор есть.

– Уговор от вас не убежит. Сходи лучше на рыбалку. Там на берегу, поди, весь ваш класс собрался.

– Нет, один я не пойду, лучше Шурика подожду.

Шурка появился неожиданно. Я только разинул рот, чтобы сказать ему что-нибудь обидное, как увидел, что он не один. Из-за его плеча выглядывала незнакомая девчонка. Я тут же закрыл рот, потому что при чужом человеке выказывать своё недовольство мне не хотелось.

– Вот, – сказал Шурка, – познакомься, это моя сестра Вера. Она из Ростова, сегодня ночью со своей

мамой прилетела к нам в гости. А мы ездили в город встречать их. Вер, — он обернулся к сестре, — а это мой закадычный друг Сашка, я тебе про него уже рассказывал.

Девочка улыбнулась:

— Очень приятно познакомиться.

Мне тоже было приятно, потому что, честно говоря, мне она сразу же понравилась. Но я постарался не показать этого, буркнул что-то в ответ и напал на Шурика:

— Ну, друг, ты даёшь! У нас ведь столько дел ещё! А ты...

Я долго нёс какую-то чушь, наверное, от смущения перед этой девочкой. А она стояла, смотрела на меня и улыбалась широкой и доброй улыбкой.

— Ты не ругайся, — примирительно сказал Шурка. — Верка — хорошая девчонка. Она до школы проживёт у нас. Мы ей деревню покажем, походим в лес, на рыбалку. Я ей уже рассказал, что мы с тобой в поход готовимся, а она тоже с

нами собралась. Втроём все-таки веселей. Да она и готовить умеет, всё нам попроще будет.

От такого признания у меня отнялся язык. «Вот болтун, – мысленно возмутился я, – трепач, предатель, первому встречному разболтал нашу главную тайну. А ещё клялся, что никому ни слова».

Шуркина сестра оказалась сообразительной девчонкой, она, видимо, поняла, что нам надо остаться наедине.

– Ой, мальчики, – спохватилась она, – мне надо идти, я ведь с дороги даже и не умылась. И вещи надо разобрать, а то мама устала и ей не до того.

Она резко повернулась на каблуках, косички с бантиками разлетелись по сторонам, но тут же, как по команде, собрались на спине. Хлопнула калитка. Мы с Шуркой остались вдвоём.

– А скажи-ка, друг Шурка, твоя

сестра всё лето будет вертеться возле нас?

– А куда я её дену?

– Куда, куда... А давай её с Галькой Сидоровой познакомим. Пусть они в куклы играют, всякие там наряды примеряют, сплетни девчоночьи собирают. Ты вот по своей безголовости пообещал, что мы её и на рыбалку поведём, и в поход возьмём. А она, наверное, обрадовалась, губы раскатала, думает, поди, что походы – это прогулки по бульвару, что мы с тобой будем рюкзаки таскать, а она цветочки нюхать да дышать чистым воздухом. Ты прежде, чем обещать, мог бы трижды головой своей подумать. И со мной не мешало бы посоветоваться.

Шурка, придавленный моими доводами, сник, опустил вниз глаза и молчал, как каменный истукан. Я думаю, ему всё-таки было стыдно за то, что, не спросив меня, разболтал все наши секреты самой обыкновенной девчонке, причём городской, которая и траву,

кроме как на газоне, нигде не видела.

Глава пятая

На следующий день с утра я начал поджидать Шурку. По-моему, он должен был прийти первым, поскольку наши тайны разбалтывал не я. Но и он не торопился. В десять часов я всё-таки не стерпел и решил сам пойти к нему. Но Шурки дома не оказалось.

– А они с Верой на речку убежали,
– сказала тётя Маша, Шуркина мама.

– А-а-а, – сказал я, – тогда ладно.

И, не солоно хлебавши, пошагал домой. Я сделал безразличный вид, но в душе у меня забегали черти с чертенятами. Если бы в данную минуту мне на глаза попался Шурка, я бы, наверное, повесил его на первой осине. Потолкавшись несколько минут во дворе, я вдруг отчётливо понял, что без Шурки уже не смогу жить: у меня пропало желание что-то делать, к чему-то стремиться и даже просто думать. Я

уже решил тоже отправиться на речку, чтобы там найти Шурку с сестрой, но в это время они появились сами. Оба с мокрыми волосами и с довольными рожицами. У Шурки улыбка была до ушей и взгляд как у невинного младенца. Я вначале хотел для форса обидеться на них, потом подумал и плюнул на всё. Если начать обижаться, то можно всё лето дуться. Так и не заметишь, как оно пролетит.

Но всё равно Шурке я высказал:

– Что же ты один на речку убежал?

А ещё другом называешься.

Шурка заморгал глазами, не зная как ответить на мой справедливый упрёк. Выручила его Вера:

– Ты, Саша, прости нас. Шурик не виноват, он хотел зайти за тобой, а я его с пути сбила. «Мы, – говорю, – только на минутку сбегает на речку, даже купаться не будем». Он и согласился. А когда пришли туда, не устояли, решили по разу нырнуть.

– Ага, – подхватил разговор

Шурка, – ты знаешь, как она классно плавает и ныряет. Она почти всю нашу речку переныривает.

– Вот видишь, – подкусил я Шурку, – я ведь тебе не раз говорил, чтобы ты серьёзней относился к плаванию.

Сам-то я плавал неплохо, в крайнем случае, лучше Шурки, но вот ныряю тоже не очень, всю речку перенырнуть я бы конечно не смог. Поэтому я быстренько поменял тему разговора, переведя его на Шуркину сестру.

Вера оказалась словоохотливой, нет не болтливой, как многие девчонки, а просто откровенной, с удовольствием рассказывающей о своём житье-бытье. Она рассказала, что живёт в Ростовской области, окончила восемь классов и нынче пойдёт в девятый, что учится хорошо, любит биологию и литературу, много читает и ходит в кино. А ещё, оказывается, она занимается в нескольких кружках и спортивных секциях. Я считал, что она, как и все

девчонки, ходит в кружки рукоделия, пения и танцев и занимается художественной гимнастикой.

Оказалось, что это не так. Вера увлекается шахматами, теннисом, ходит в секцию туризма.

— Ого, — сказал я, — а давно ты в ней занимаешься?

— Да нет, — засмеялась Вера, — недавно, всего два года.

— Ого, — опять сказал я, — да за два года можно многому научиться.

Тут к разговору подключился Шурка:

— Она и так много чего знает, она вот мне рассказывала, что они и в походы ходили.

— Ого, — в третий раз сказал я, — так неужели ты и в походы ходила?

— Ходила, — снова засмеялась она.

— Так ты, наверное, много чего изучила?

— Немного, — ответила она, — но всё-таки кое-что знаю. Знаю, например, как палатки ставить, знаю, как костёр

разжигать, знаю, как первую медицинскую помощь оказать пострадавшему

– Стой, стой, стой, – закричал я, – а давай-ка ты у нас с Шуркой инструктором будешь. Будешь нам помогать к походу готовиться.

Конечно, мне было очень обидно, что Вера будет главной в этом деле, а я останусь вроде как на вторых ролях. Но тут уж ничего не поделаешь, сам-то я в этом деле абсолютный ноль.

– Ну какая же я инструктор, – стала отнекиваться Вера, – я ведь тоже ещё только учусь.

– Конечно, – почти в один голос отозвались мы с Шуркой, – вот ты уже учишься, а мы даже и не приступали к учёбе. Чему-то ты нас сможешь научить. Тем более ты уже ходила в походы, а мы ещё ни разу.

– А что, – удивилась Вера, – вы и вправду ни разу в поход не ходили?

– Нет, – подтвердил Шурик, – ни разу.

— Да, не ходили, — я тоже поддержал Шурика. Хотя мне сразу же припомнился тот случай, когда мы всё-таки с Шуриком были в походе. Случилось это, правда, давным-давно, когда мы только-только с ним познакомились.

Пошли мы как-то в лес погулять, просто так без всякого умысла, природой полюбоваться. Благо, что лес у нас рядом, только руку протяни. Гуляли недолго, но всё-таки устали, присели на травку отдохнуть, достали по куску хлеба, который заранее припасли, и стали потихоньку, не торопясь, жевать его.

Тут кто-то из нас и говорит:

— А хорошо бы костерок разжечь.

— Да, было бы здорово, — поддержал кто-то другой.

— Плохо, что спичек нету.

А Шурка похлопал себя по карману и случайно нашёл коробок со спичками. Мы насобирали сухой травы, коры, веточек и разожгли огонь. Пока

костёр разгорался, мы не переставали удивляться своему везению. Надо же, как все благополучно совпало: захотели костерок, и спички нашлись. Попали же они каким-то образом в Шуркин карман. Шурка удивлялся в пять раз больше, чем я, во-первых, потому, что карман был его, а, во-вторых, потому, что дома он к спичкам даже не прикасался. В конце концов, мы пришли к выводу, что они случайно упали из печурки и нечаянно попали в Шуркин карман, или же, что тоже правдоподобно, кто-то из взрослых по ошибке сунул спички не в свой карман, а в Шуркин.

Пока мы решали эту сложную задачу, костерок разгорелся и превратился в большой костёр и уже перекинулся на сухую траву. Мы, понятно, испугались, но всё-таки не дрогнули, а принялись безжалостно забивать пожар ветками. Однако и огонь не собирался сдаваться, а продолжал захватывать всё новые и новые участки.

— Шурка, — закричал я, — так мы

никогда этот пожар не потушим, нужна вода!

– Сам знаю, – а где её взять? Не побежим же в деревню. Давай так тушить.

Он снял с себя новенькую курточку и стал хлестать ей самые упрямые языки огня, которые пытались вырваться на свободу. И это дало положительные результаты, огонь хоть ещё и сопротивлялся, но постепенно стал угасать. Мы тоже пострадали немного, но были довольны, потому что сумели потушить лесной пожар. Если рассуждать правильно, то нам надо было бы дать по медали, потому что лесные пожары это страшное явление. В них, бывает, гибнут не только деревья, но и животные и даже люди, которые по каким-то причинам не успевают выбраться из леса.

Мы шли домой и горячо обсуждали эту тему. Правда, чем ближе подходили к деревне, тем тревожнее становилось на душе. Родители, скорее всего, за это

приключение по головке не погладят. Шурка, вон, новый костюмчик насквозь прожёт. Я свой тоже. Правда, у меня не новый, но всё равно хороший. И обидней всего, что я даже не помню, когда его скинул с себя, как-то само получилось. Увидел, что Шурка для дела костюмчик не пожалел, и сам, наверное, последовал за ним.

Дома нам, конечно же, влетело, правда, не сильно, потому что мы не сказали, кто лес поджёг, посчитали, что это не важно. Главное, что пожар мы ликвидировали, и многое что спасли.

Правда, Вере об этом приключении рассказывать было не обязательно. И мы скромно промолчали.

Глава шестая

Утром мы показали Вере записную книжку. Она быстренько просмотрела все записи и похвалила нас.

— Это вы правильно придумали план подготовки составить и список

необходимых для похода вещей. Если вы не возражаете, то я возьму ваши записи с собой, дома посмотрю их внимательнее. Может быть, что-то добавлю или убавлю. А сейчас займёмся вашей подготовкой. Я предлагаю проводить занятия теоретические и практические.

— А на кой ляд нам эти теоретические, ты давай ближе к делу.

— Хорошо, — согласилась Вера, — берите палатки, я покажу, как правильно их устанавливать.

— А откуда у нас палатки? — Шурка недоумённо уставился на сестру.

— Если нет палаток, несите рюкзаки, будем учиться правильно укладывать их.

— И рюкзаков у нас нет. Ты что, Верка, издеваешься?

— Вот беда. Тогда давайте учиться ходить по азимуту. Где ваши компасы?

— Вер, — тут уже не выдержал я, — а нельзя научить чему-нибудь попроще, чтобы без палаток, рюкзаков и компасов.

— Правильно, — поддержал меня

Шурик, – научи хотя бы нырять далеко. Я думаю, в походе это может пригодиться.

– Эх, лодыри, – тяжело вздохнула Вера, – как хотите. Я с удовольствием искупаюсь.

День как специально для нас выдался тёплым и солнечным. На берегу, несмотря на ранний час, собралось много народа. В основном это были ребяташки из пришкольного лагеря, которых привели наш физрук Николай Николаевич и учительница начальных классов Наталья Петровна. Николай Николаевич молча стоял на берегу и внимательно наблюдал за малышнёй, которая плескалась у берега, а Наталья Петровна бегала по берегу и звонким голосом раздавала нужные и ненужные команды.

Мы, искупавшись, лежали на тёплом песочке, перебрасывались какими-то ненужными и даже пустыми фразами. А в основном молчали и думали о чём-то своём. И вдруг меня

осенила прямо-таки гениальная мысль.

– Ребята, я придумал...

– Что ты придумал?

– Что, что... Подождите немного, позагорайте, а я сейчас.

Шурик что-то кричал вослед, но я не слушал его, потому что сердце моё стучало о грудную клетку, как дятел клювом о дерево, а голова от радости не хотела воспринимать другую информацию, кроме той, что неожиданно пришла в неё и заставила меня мчаться напрямик к нашему физруку.

– Здравствуйте, Николай Николаевич.

Учитель, увидев меня, широко улыбнулся:

– Здравствуй, Саша. Что же вы с Шуриком не ходите в лагерь? У нас интересно: кружков много, мероприятия есть диковинные, концерт готовим, как видишь, и купаться ходим.

Николай Николаевич ещё долго расхваливал преимущества

коллективного отдыха. Я делал вид, что внимательно слушаю его и соглашаюсь с его доводами, хотя сам был занят одним: всё выжидал, когда он позволит вставить хоть одно слово. Наконец это мне удалось. Николай Николаевич сделал малюсенькую паузу в своей речи, и я воспользовался ей.

— А не ходим мы с Шуриком в лагерь, потому... — я тут припомнил некоторые неприятные моменты прошлогоднего пребывания в нём. Это и дневной сон час, и каши на завтрак, и передвижение строем и кое-что ещё. — А вот если бы был у нас туристический кружок, мы бы ходили обязательно.

Николай Николаевич снова улыбнулся и развёл руки:

— Вот уж чего нет, того нет, извини. Хотя инвентарь туристический в школе имеется.

— Как имеется? — удивился и одновременно обиделся я. — Инвентарь есть, а кружка нет. Это же не правильно.

— Конечно, не правильно. Но у нас

в школе нет руководителя-туриста. Сам я никогда в походы не ходил. Я, если честно, даже не знаю, как палатку поставить. Может быть, зимой полистаю специальную литературу, подучусь, подкуюсь теоретически, тогда на следующее лето и займёмся этим делом.

– Ого! – вырвалось у меня, – целый год. Мы с Шуриком не доживём до этого. А давайте...

И тут я изложил ту гениальную мысль, которая пришла ко мне, когда я нежился на тёплом песочке. Я подробно рассказал о наших мечтах, нашей подготовке и главное о том, что у нас есть свой тренер, руководитель – Шурикова сестра Вера. Она хоть и молодая, но уже два года занимается в туристическом кружке и уже несколько раз ходила в поход.

Я видел, что мой рассказ заинтересовал Николая Николаевича:

– Хорошо, приходите завтра, познакомите меня с вашим наставником, и вместе посмотрим инвентарь. Надо

ведь и с директором посоветоваться. Как ты думаешь?

– Конечно надо!

Это я уже крикнул на бегу. Мне не терпелось обрадовать друзей.

Глава седьмая

Утром, когда солнце не успело ещё как следует выглянуть из-за горизонта, мы уже сидели на школьном крылечке. Разговаривать не хотелось, потому что было не до этого: каждый тёр глаза и зевал во весь рот. Спать хотелось как никогда, но в тоже время и не хотелось. У каждого в голове роились свои мысли, каждый ожидал чего-то необычного от сегодняшнего дня. Я, например, мечтал о путешествиях, мне почему-то представлялась жизнь на необитаемом острове, хотя мы с Шуриком уже давно перестали фантазировать на эту тему. Шурик твёрдо заявил, что на наш век необитаемых островов не осталось. Я согласился с ним, и потому мы

полностью отказались от подготовки к жизни в роли Робинзона Крузо. Все силы единодушно бросили на подготовку к походам по родному краю.

Когда человек думает о чём-нибудь хорошем или просто мечтает о приятном, время пролетает со скоростью бешеной собаки. Я ещё не успел толком домечтать до конца, как появился Николай Николаевич. Увидев нас, он рассмеялся.

– Вот молодцы, сразу видно, что толк из вас получится. Когда люди настойчивы и даже настырны, они много чего могут достигнуть. Ладно, хватит загорать, пойдём туристическое снаряжение на свет божий вытащим. А то я ведь и сам не знаю, всё ли там на месте.

Он открыл входную дверь. Мы тут же просочились через неё в школу и наперегонки бросились в спортивный зал.

Туристический инвентарь лежал в дальнем углу подсобного помещения,

заваленный старыми матами. Николай Николаевич отбрасывал их в сторону, а мы вытаскивали палатки, спальные мешки и рюкзаки.

— Ну вот кажется и всё, — откинув в сторону последний мат, сказал Николай Николаевич. — Теперь всё это добро надо вытащить на школьный двор. Пусть оно просохнет на солнышке.

Нам два раза повторять не надо. Мы этой минуты ждали, как нам казалось, долго, поэтому и палатки и всё остальное уже через минуту вялилось на солнце.

Вера тоже не стала терять времени даром. Она стала разворачивать палатку, осматривать её и рассказывать нам пока ещё теоретически, как правильно устанавливать её.

— А давайте сейчас поставим палатку, — предложила она.

— Давай, — обрадовались мы.

— Только вот беда, — внезапно огорчилась она, — с палаткой в комплекте должны быть металлические

колышки. А их нет. Можно, конечно, использовать и деревянные. А для этого их надо вытесать из подручного материала. А у нас ни материала, ни топорика.

— Вот видишь, — радостно воскликнул Шурик, обращаясь ко мне, — не зря я тебе говорил, что топор в походе — первое дело.

— А я помню, как ты говорил, что ножовка в походе — это тоже первое дело.

— Будет тебе старое вспоминать, спросил бы лучше у Николая Николаевича, не завалялись ли эти колышки где-нибудь в спортзале.

Я засмеялся, хотел было ещё чем-нибудь уколоть Шурку, но раздумал, что зря время терять.

Злополучные колышки мы всё-таки обнаружили, правда, не там, где лежали палатки, а на полке, где хранился спортивный инвентарь, диски, гранаты, ядра и прочая мелочь.

С помощью Веры мы с Шуриком

установили палатку в центре школьного двора минут за тридцать. Мы думали, что Вера похвалит нас за отличную работу, но она сказала, что такой результат никуда не годится, и поэтому сегодня мы будем отрабатывать технику установки палатки.

А в это время на пришкольный участок стали подходить ребята. И каждый из них считал первой своей необходимостью подойти к палатке и спросить у нас:

— А что вы тут делаете?

Мы с Шуриком популярно объясняли, что при нашей школе организуется туристический кружок, все, кто будет успешно и регулярно заниматься, уже через месяц пойдёт в поход.

— А куда? — спрашивали они.

— Это мы ещё не решили, но обязательно с ночёвкой. В школе есть две палатки, в каждой из них может разместиться пять-шесть человек. Так что в кружок могут ходить 14 человек.

Это ответила им Вера. Кто-то из наиболее продвинутых мальчишек засмеялся:

– Здорово вы считаете. Если в палатку входит шесть человек, а палаток две, то и надо всего 12 человек.

– Нет не так, – снова серьёзно стала объяснять Вера, – два человека – это дежурные, они всегда находятся вне палаток: сторожат сон друзей ночью, а днём собирают дрова, готовят обед, моют посуду и делают ещё много других нужных дел.

Я не вмешивался в эти разговоры, но краем уха слышал, как один мальчик, указывая взглядом на Веру, спросил у Шурика:

– А это что за девчонка, она кто будет?

– Она? – Шурик улыбнулся, – это руководитель нашего туристического кружка, а зовут её Вера Васильевна.

– Так ведь она ещё совсем молодая.

– Ну и что? Зато очень опытная, знающая и умелая. Кстати, Николай

Николаевич дал Саше тетрадь, в которую он будет записывать всех желающих заниматься в кружке.

Я не успел и глазом моргнуть, как ко мне выстроилась большая очередь желающих, правда, я записывал не всех, а только учеников седьмых классов. Пришлось также приписать и двух девчонок из шестого, потому что девчонки из седьмого почему-то заниматься туризмом наотрез отказались. Я только потом понял, что это, скорее всего, из-за нежелания подчиняться молоденькой девочке, практически их ровеснице.

С этого дня наша небольшая группа любителей путешествий начала усиленные занятия. Каждый день мы собирались вместе и учились всему, что надо было знать и уметь в походе.

Глава восьмая

Вера Васильевна (на занятиях мы не договариваясь, решили звать её

только так, а дома уж как у кого повелось) уже на второй день озвучила план занятий. За 20-25 дней мы должны научиться устанавливать палатки, разжигать костёр, ориентироваться на местности (ходить по азимуту) и пользоваться компасом, оказывать первую медицинскую помощь, в том числе переносить пострадавших, преодолевать различные препятствия, вязать узлы и много ещё чего.

Ставить палатки мы научились быстро. Любая пятёрка управлялась с этим заданием быстрее, чем за 10 минут. С кострами тоже проблем не было. Хотя в природе существует десяток разных видов костров, мы все дружно решили, что для нас достаточно знать только «шалаш», «колодец» и «звёздный». А если кому-нибудь захочется побольше узнать о других видах, пусть читает специальную литературу. Лишние знания никому ещё не навредили.

Вера оказалась жёстким учителем, у неё было всего две отметки —

«хорошо» и «плохо». Она свою позицию объяснила на первом же занятии:

– Ребята, вы не обижайтесь, но тройки ставить я не буду. В походе должны быть только знающие люди. Представьте себе, что ваш товарищ получил серьёзную травму, истекает кровью или может от боли войти в шоковое состояние. А у вас знания на тройку. Вы что-то знаете, а что-то нет. Пока вы раздумываете, пока пытаетесь вспомнить недополученные знания, ваш товарищ может умереть. А ещё представьте, что человек, получивший травму, это вы. Захочется вам умирать из-за того, что ваш товарищ пошёл в поход неподготовленным. Я считаю, что троечников в поход ни в коем случае брать нельзя.

С ней согласились все, но назавтра на занятия многие не пришли. Нас осталось всего 12 человек, считая и Веру.

Через десять дней Вера сказала:

– Завтра мы пойдём в первый тренировочный поход.

– Ура, – закричали мы, даже не дослушав её.

– Не шумите, – строго сказала она, – и не очень-то радуйтесь. Этот поход рассчитан на четыре часа, пройти мы должны не более двух километров.

– Фу, – завозмущались мы, – что это за поход. Мы и без похода целыми днями в лесу гуляем.

– Не путайте одно с другим. Во-первых, мы проверим все полученные вами знания, во-вторых, проведём соревнования и выясним, готовы вы к серьёзным испытаниям или нет. Нас двенадцать человек, или две команды по шесть. Предлагаю главным в одной команде назначить Сашу, а в другой – Шуру. Я согласна быть рядовым туристом в любой из команд. Разделились мы быстро. Ко мне записались все мальчишки, а Шурику достались девочки.

Они серьёзно возмутились, так что во всём пришлось снова разбираться Вере.

– Мальчики, – сказала она, – вы

серьёзно решили победить девочек?

— А что? — возмутился Витька Петров, — раз они идут в поход, то пусть будут наравне со всеми.

— Я согласна, — отозвалась Вера, — девочки должны быть сильными, но ни одна из них не сможет стать такой как ты или другие мальчики. Если, например, у вас кто-то из мальчиков не сможет идти сам, вывихнет ногу, например, вы его возьмёте на руки и унесёте хоть за тысячу вёрст. А девочки, смогут ли унести свою больную подругу? Я думаю, нет. Поэтому вы должны разделиться так, чтобы и мальчиков и девочек в каждой команде было поровну.

Конечно, без разногласий не обошлось, но, в конце концов, команды были укомплектованы. Вера вошла в мою команду, что вызвало самые жаркие споры. Особенно долго возмущался Шурка, но Вера — молодец быстро его успокоила.

— Мы, Шура, с тобой родственники, — сказала она, — а значит

должны быть в разных командах, чтобы не было никаких недоразумений.

Шурка ещё поворчал немного, но через несколько минут и он успокоился. Надо было расходиться по домам и самостоятельно готовиться к походу. Таково было первое условие, которое выдвинула Вера. Утром каждый турист будет показывать свой рюкзак, чтобы все проверили укомплектованность рюкзака и правильность укладки вещей. А второе условие заключалось в том, чтобы каждый из нас оделся и обулся согласно сезону и предстоящей погоде. Казалось бы, всё это мелочи, а на самом деле успех похода складывается из таких вот мелочей. Кто-то забудет кружку, другой не возьмёт запасное бельё, третий – не положит в рюкзак ложку или ещё что-нибудь по мелочам – вот и возникнут проблемы, из-за которых может сорваться весь поход.

Думаете всё это чепуха? Да нет. Представьте себе, забыл какой-то растяпа кружку. На привале все пьют чай, а он сидит, облизывается. Конечно,

кто-нибудь даст ему кружку после того, как сам напьётся чая. Он будет пить, а весь отряд ждать, когда он встанет от костра, помоем кружку и вернёт её хозяину, а тот уложит в свой рюкзак. Это сколько же времени мы потеряем из-за халатности одного. Ещё хуже, если этот растяпа забудет ложку. А если неправильно уложит рюкзак, то тут и вовсе может трагедия произойти. Уложит поближе к спине не мягкие вещи, а кружку, какие-нибудь железки или деревяшки и после первого же перехода так набьёт спину, что уже не сможет самостоятельно нести груз. Придётся за него работать другим.

То же самое и с одеждой. На улице 30 градусов тепла, жара, духота, а он вырядится в зимние ботинки, натянет комбинезон и будет потом весь день ныть да стонать. Так что здесь тоже надо иметь соображение.

Весь вечер я готовился к походу, вроде бы всё собрал, уложил в рюкзак необходимые вещи и решил сбегать к Шурику, узнать, собрались ли они с

Верой. Но как только я зашёл к ним во двор, Шурка закричал на меня, иди, мол, домой. Мы ведь решили собираться самостоятельно. Я даже не смотрел, как Верка собирается.

— Хорошо, — сказал я в ответ на Шуркин выпад, — пойду, делайте, что хотите.

Глава девятая

Наш первый поход прошёл без особых приключений. Были, правда, кое-какие шероховатости, но они, скорее всего, не помешали нам, а наоборот способствовали улучшению нашего настроения и вообще настрою на успех.

Как только мы собрались в школьном дворе, Вера приказала открыть рюкзаки и показать их содержимое, быстренько проверила укладку и осталась, в общем-то, довольна. Единственное существенное замечание в адрес нас, туристов, заключалось в том, что никто не догадался взять котелок.

– Молодцы, – серьёзно сказала Вера, глядя на нас с Шуркой, – вы же командиры отрядов, а почему не побеспокоились о котелках? В чём ваши ребята будут кипятить воду для чая? Надо исправить свой промах.

– Исправим, – с досадой ответил я и тут же попросил ребят поднять руки, у кого дома есть котелок.

Отозвались четверо. Ближе всех к школе живёт Вера Васюра. Она и побежала сломя голову домой, а минут через пять вернулась с увесистым чугунным котелком, в котором хозяйки обычно готовят плов.

– Верка, – закричали мальчишки, – ты с ума сошла, мы же его и впятером не утащим.

– Я же дотащила до школы, не надорвалась.

– Не обижайся, Вера, – успокоила её вторая Вера, наш руководитель, – ничего страшного не случилось, не рассчитала немного. Сейчас мальчишки помогут тебе унести его обратно.

Мишка и Колька подхватили его и бегом помчались к Веринному дому. С ними же побежал домой и Толик Середа, он пообещал принести настоящий котелок. Котелок, в самом деле, оказался настоящим, правда, у него дужка, за которую его можно было бы повесить над костром, почему-то отсутствовала.

– Это не беда, – авторитетно заявил Толик, – душку я вмиг сделаю из проволоки.

И действительно он отлучился на одну минуту и вернулся с куском толстой проволоки. Когда котелок был отремонтирован, мы дружно двинулись в сторону леса.

Сначала мы шли молча, вернее, смеясь и болтая друг с другом о всяких пустяках. А потом Вера предложила:

– А давайте, друзья, споём песню. С песней идти веселей и легче. Недаром же солдаты ходят в строю с песней.

Мы согласились, но долго не могли решить, какую песню спеть. Девчонки предложили какую-то девчоночью, а

мальчишки отказались от неё и стали требовать «красных кавалеристов». В конце концов, спели и ту и другую и ещё несколько песен. Мальчишки вначале немного стеснялись, а потом кричали в три горла так, что девчонок не стало слышно.

План похода был несложный. Нам предстояло пройти два-три километра, разбить лагерь, для чего установить две палатки, подготовить место для костра, развести его, используя всего одну спичку, и приготовить обед из двух блюд – первое и второе.

О том как мы соревновались, я рассказывать не стану, потому что все оказалось предсказуемым: победителей ко всеобщей радости выявить не удалось. Победили все, потому что каждый из нас знал своё место и делал своё дело. Вера на это сказала:

– Всё у нас получилось и это здорово, а на будущее вы должны заранее наметить, кто будет брать котелок, кто верёвку, кто нитки с

иглой, а кто аптечку. Каждому туристу брать эти вещи не обязательно, а по одному комплекту на группу иметь надо, чтобы больше не повторилось сегодняшнее недоразумение с котелком.

А потом мы сидели у костра, пели песни, рассказывали разные истории и пили чай. Заварку мы с собой не брали, чай со смородиновым листом оказался намного вкуснее заморского напитка.

Кто-то из ребят спросил:

– А скажи, Вера, кто придумал туристический кружок?

– Не знаю, наверное, какой-нибудь великий человек.

– Нет, не вообще, а у нас, в Суминке.

– А у нас Саша и Шура. Не хотите, – она обратилась к нам, – рассказать друзьям с чего всё это начиналось?

Нам скрывать от ребят нечего, поэтому мы честно рассказали и о записной книжке, и о нашем желании попасть на необитаемый остров и научиться на нём выживать.

– А потом, – заключил наш рассказ Шура, – мы поняли, что на необитаемый остров никогда в жизни не попадём, поэтому решили готовиться к походу по нашему краю. И это оказалось намного интересней, чем жить вдали от людей. А тут, кстати, в гости приехала Вера Васильевна, она уже ходила в походы в своей Ростовской области и вот кое-чему научила и нас и вас.

Вера рассмеялась, выслушав Шурку:

– Ты уж, Шура, пожалуйста, не преувеличивай. Вы с Сашей – отцы основатели, а я просто ваша попутчица. А теперь о главном. Завтра к нам на занятие придёт Николай Николаевич. У него будет важное сообщение, так что явка на занятия обязательна.

Лучше бы она не говорила этого, потому что все кружковцы стали задавать Вере вопросы, большая часть которых, на мой взгляд, были глупыми. Ну откуда Вера знает, что он нам скажет или когда мы пойдём в большой поход и

куда пойдём. Шум поднялся такой, что мы с Шуркой были вынуждены отдать приказ о построении, свёртывании лагеря. Сегодняшний поход завершился, пора отдыхать. Завтрашний день должен быть тоже интересным.

Глава десятая

И правда, на завтра действительно выдался интересный день. С утра мы обсудили вчерашний поход, поговорили о том, о сём. А потом пришёл Николай Николаевич и принёс нам хорошую, а если быть точнее, замечательную, долгожданную новость. Мы даже и не думали, что всё случится так скоро.

— Ребята, — сказал он, — сегодня вторник, а в пятницу мы отправляемся в большой поход.

— А куда, куда? — закричали все в один голос.

— Не шумите, — Николай Николаевич поднял руку, — сейчас я вам всё по порядку объясню. Вы меня

внимательно выслушайте, а потом можете задавать вопросы.

Итак, в поход пойдут двенадцать кружковцев, все, кто вчера принял участие в походе и соревнованиях, а также трое взрослых: я, папа Веры Васюры, он как вы знаете, хороший спортсмен и умелый во всех отношениях человек, а также ваша учитель по биологии Анна Павловна. Она тоже любит спорт и хорошо знает природу нашего края. По этому пункту у вас возражения будут?

— Нет, — дружно закричали мы.

— Все кружковцы, — продолжил Николай Николаевич, — не позднее, чем завтра должны принести и отдать Вере Васильевне письменные согласия от родителей. Без письменного подтверждения брать вас в поход я не имею права. Ясно?

— Ясно, — снова крикнули мы, правда без особого энтузиазма, потому что кое-кто подумал, что придётся разговаривать с родителями по-

взрослому.

– В походе мы будем четыре дня, – снова начал говорить Николай Николаевич. – Конечный путь нашего путешествия посёлок городского типа Рябухино. Вы знаете, что он находится на другой стороне озера, которое можно переплыть или обойти стороной. Я предлагаю часть пути пройти пешком, а часть проплыть на лодках. Я набросал схему нашего путешествия, – он достал из кармана тетрадный листок, положил его себе на колено и стал показывать нам. – Вот смотрите, в 8 часов утра в пятницу мы выходим из нашей родной Суминки и идём по берегу реки до Мышкино. Это всего четыре километра. Там отдыхаем, обедаем и отправляемся в райцентр Крутиху. Это ещё шесть километров. Здесь мы останавливаемся на первую ночёвку. Ночевать будем в местной школе.

– А почему не в палатках? – стали возмущаться мы.

– Не шумите, – выслушав наши

возражения, ответил Николай Николаевич. – Всему своё время. В Крутиху мы придём поздно и устраивать палаточный лагерь будет некогда, да и подустанете вы. Тем более, назавтра предстоит тяжёлый день. Мы пойдём в Рябухино на лодках. Хотя вы все и умеете грести, но пройти за один день восемь километров непросто.

А вот в Рябухино мы остановимся на берегу озера и заночуем в палатках. Кстати, о лодках. Я вчера был в Крутихе и договорился насчёт лодок на лодочной станции. Нам дают на два дня четыре штуки.

Не знаю, может быть, я что-то упустил, так вы не стесняйтесь, задавайте вопросы, а я постараюсь ответить на них. Кроме того, у вас в запасе двое суток на подготовку. Если что-то будет волновать вас, что-то будет непонятно, обращайтесь к Вере Васильевне, она вам поможет, а если не сможет, то приходите ко мне домой. А теперь, Вера Васильевна, возьмите схему

похода и внимательно изучите с ребятами.

Тут он передал листок бумаги в руки Вере и попрощался с нами.

Внимательно никто этот план изучать не стал, а просто все заботы свалили со своих плеч на Веру. Пусть, мол, она сама всем этим занимается.

– Хорошо, – сказала Вера, – я дома изучу маршрут, а если мне что-то будет не ясно, думаю, Саша и Шура помогут. А теперь всем пора по домам. Сегодня

вы должны собрать письменные разрешения от родителей и в основном подготовиться к походу. Я предлагаю завтра ещё раз собраться на школьном дворе и окончательно обговорить нашу готовность.

Глава одиннадцатая

Первый этап нашего сухопутного путешествия прошёл незаметно. Мы шли довольно быстро и весело. Девчонки пели песни, мальчишки по мере надобности подпевали им, смеялись, болтали между собой, толкались, задирали девчонок, те с визгом и смехом гонялись за нами. Правда иногда Анна Павловна подзывала нас к себе, показывала какое-нибудь растение, поднимала его над головой и торжественно провозглашала что-то вроде этого:

— Кружковцы, кому из вас известно это растение? — Выждав несколько секунд, она назидательно продолжала, —

это растение должен знать каждый человек, особенно ребёнок. Называется оно белена чёрная из семейства паслёновых. Известно как одно из самых ядовитых растений нашего края. Есть у нас и другие опасные растения, но белена отличается от них тем, что является довольно таки распространённым сорняком. Она встречается на полях и огородах, растёт вдоль дорог, возле мусорных куч. Её даже животные обходят стороной, но вот маленькие дети иногда по незнанию едят её семена, принимая их за семена мака, тем более, что её семена сладкие. Отравления белой очень тяжёлые и нередко приводят ребёнка к смерти. Вам всё ясно?

— Ясно, — дружно кричали мы и снова принимались за свои дела.

Так не спеша, но довольно таки быстро мы добрались до соседнего села Мышкино. Мы решили пообедать в местной столовой, отдохнуть за околицей на берегу реки полчаса или час

и шагать дальше к цели нашего сегодняшнего путешествия райцентру – посёлку Крутиха.

Надо признаться, что после обеда и отдыха мы немного расслабились. Вся наша весёлость постепенно стала куда-то уходить, а усталость и тяжесть в ногах по мере нашего приближения к Крутихе всё чаще напоминали о себе. Особенно допекала жара. Солнце палило так, словно собиралось сделать из нас шашлык. Правда ребята не жаловались, а только тяжело отдувались и кулаками вытирали потные лбы.

Но как бы то ни было в Крутиху мы всё-таки пришли. Ночевать остановились в местной школе, где в двух классах были сдвинуты в стороны столы, а на полу разостланы спортивные маты. В столовую решили не ходить, а обойтись сухим пайком. Солнце ещё вовсю разбойничало на небосводе, а мы уже попадали на маты. Однако быстро уснуть не получилось. Несмотря на распахнутые настежь окна, в классах

было душно. Не знаю когда, но уже в потёмках, я, наконец, отключился и крепко уснул.

Глава двенадцатая

На лодочную станцию мы пришли к девяти утра. Казалось бы, солнце едва выбралось из-за горизонта, а зной уже расползлся по всем улочкам и закоулочкам, обжигая деревья, цветы, бездомных собак и кошек, ну и конечно нас, людей. Особенно, как мне казалось, бедных уставших и не выспавшихся туристов.

Анна Павловна, как я нечаянно подслушал вечером, говорила Николаю Николаевичу:

– Мне кажется, мы рано пошли в пятидневный поход. Не все ребята физически готовы к таким испытаниям. Видите, почти все из них раскисли.

– Ничего, ничего, – рассмеялся в ответ Николай Николаевич, – именно этот поход укрепит их, поможет

развиться физически и закалить волю. Тем более, завтра мы поплывём вниз по течению, торопиться нам некуда. Как только заплывём в озеро, сможем вдоволь отдохнуть, искупаться, порыбачить. А там смотришь, разобьём на берегу лагерь, наварим ухи, будем сидеть у костра, петь песни и рассказывать байки. И весь следующий день полностью посвятим отдыху на природе. Так что, Анна Павловна, не беспокойтесь, назад пойдём, хорошо отдохнув и набравшись массы приятных впечатлений.

Пока Николай Николаевич разговаривал с лодочником, подписывал какие-то документы, мы успели осмотреть лодки. Они были почти новенькие, с высокими бортами, выкрашенными в зелёный цвет, спереди скамья, или, как называют её наши рыбаки, банка, для гребца, сзади — для пассажиров. В каждой лодке пара вёсел, тоже выкрашенных в зелёный цвет.

Лодки для наших ребят, в том

числе и для нас с Шуркой, не новость. Все мы выросли на речке, каждый, даже девчонки, могли грести и управлять лодками.

Закончив свои дела, Николай Николаевич подошёл к нам.

— Друзья, — сказал он, — вот эти четыре крайние лодки — наши. В каждую из них усаживается по три человека. Я как руководитель нашего похода, беру на себя право назначения экипажа на каждую лодку. Итак, слушайте и не говорите, что не услышали. Капитанами будут: в первой лодке я, во второй — Анна Павловна, в третьей — Вера Васильевна и в четвёртой — Иван Семёнович Васюра. Возражений нет?

— Нет, — дружно отозвались мы.

— А теперь об экипажах. Со мной поплывут Маша Семёнова и Коля Марченко, с Анной Павловной — Толик Середа и Оля Маслова, в третьей лодке — Саша и Шура, в четвёртой Вера Васюра и Миша Семёнов. Жалко, но Серёжу Фомина, Галю Сидорову и Витю

Петрова не отпустили родители. Предупреждаю сразу: плывём друг за другом в порядке номеров, запрещается устраивать гонки, обгонять друг друга, прыгать за борт рыбачить и пить воду из-за борта. Грести будем по очереди: и мальчики, и девочки, и капитаны. Разрешается в свободное от гребли время любоваться природой, петь песни, рассказывать стихи и разные истории. Как только заплывём в озеро, сделаем привал на воде и пообедаем сухими пайками. Ближе к противоположному берегу искупаемся и порыбачим. А на берегу разобьём палаточный лагерь, разведём костёр, наварим ухи и до полуночи будем сидеть у костра. Идёт?

– Идёт! Ура! – закричали мы во всю мощь своих глоток и кинулись занимать места в лодках.

Каждый старался занять место на первой скамье, чтобы первым поработать вёслами. Но Николай Николаевич всё расставил по своим местам:

— Первыми за весла садятся капитаны, они выводят лодки на средину реки. Они же устанавливают очередь и строго следят за её исполнением.

Река наша равнинная, течение медленное, на глаз почти незаметное, поэтому чтобы спуститься вниз к озеру, надо хорошо поработать вёслами. Вера уступила вёсла мне, я передал их Шурке, затем снова гребла Вера. После третьей или четвёртой смены почувствовалась лёгкая усталость, но никто не сказал об этом, я тоже промолчал.

Сначала мы болтали на разные темы, потом разговоры стали умолкать и мы в свободную смену больше глядели по сторонам, так сказать, любовались природой. По берегам стоял густой лес, в основном здесь царствовали берёзы, ивняк, но нередко к самой воде подступали могучие вековые сосны.

Чем дальше уплывали мы, тем яростнее обжигало нас солнце. Больше всего хотелось прыгнуть за борт и поплескаться в прохладе сверкающей

солнечными бликами воде. Однако каждый помнил наказ Николая Николаевича, и всё, что мы позволяли себе, это время от времени смачивать головы и плечи.

Солнце стояло высоко над нами, когда мы, наконец, достигли устья. Первая лодка остановилась, и Николай Николаевич зычным голосом скомандовал:

– Сушить вёсла.

Это означало, вытащить вёсла из воды, уложить их на дно лодок, собраться всем вместе. Намечался часовой отдых и лёгкий обед.

Во время обеда Шурка заметил:

– Глядите, вон на горизонте облачко показалось, может, дождичек пройдёт.

– Хоть бы уж, – тяжело выдохнула Анна Павловна.

Она, как мне показалось, сильнее всех страдала от жары, хотя возможно, мне это только показалось. Просто я видел, что её глаза за очками заливал

пот, и она была вынуждена раз за разом снимать их, чтобы вытереть платком глаза и обтереть покрасневшееся, как после бани, лицо.

К концу обеда облачко разрослось и уже заняло добрую треть неба. Мы радовались, всё и в самом деле шло к перемене погоды. Дождя ждали не только мы, но и вся природа, изнывающая от жажды под обжигающими солнечными лучами.

Как только наша эскадрилья всплыла в озеро, дунул лёгкий приятный ветерок, сразу же принёсший своим нежным прикосновением облегчение нашим измученным зноем телам.

Глава тринадцатая

Мы гребли не торопясь. Спешить было некуда, времени оставалось много, можно было и отдохнуть, и покупаться, и порыбачить. Николай Николаевич тоже, наверное, так подумал, и потому приказал «сушить вёсла». Два раза

повторять команду ему не пришлось. Мы с Шуркой тоже быстренько разделись и уже приготовились сигануть за борт, но задержались, потому что Вера, по всему видно, не собиралась купаться.

– А ты что сидишь, – удивились мы, – тебе особое приглашение нужно?

Вера посмотрела на нас, как на маленьких детей, и с укоризной покачала головой.

– Вы что вправду не понимаете или бестолковыми прикидываетесь? Разве можно всем разом покидать лодку?

– Да что с ней случится, что у нас шторм на море? – в тон ей ответил Шурка.

А я подумал: «Скорей всего, Вера права», а вслух добавил:

– Ладно, вы купайтесь вдвоём, а я посижу в лодке.

Шурик попытался было что-то возразить, но я перебил его:

– Купайтесь, купайтесь, я ещё успею, день длинный. Кстати, между

делом удочки настрою.

Пока мы разбирались со своими проблемами, никто и не заметил, что маленькое облачко уже превратилось в огромную тёмную тучу, которая реально была готова закрыть солнце. Прошло ещё несколько минут, и свои грозные намерения она исполнила: скрыла солнце от глаз людских. Но на этом она свои захватнические намерения не прекратила, а наоборот, усилила натиск на голубизну неба.

Правда, нас это нисколько не расстроило: во-первых, мы думали отдохнуть от сумасшедшей жары под тёплым летним дождиком; во-вторых, надеялись по-серьёзному порыбачить, потому что во время дождя должен быть классный клёв.

Шурка с Верой уже вылезли из воды, я подготовил удочки, и в этот самый миг дунул ветер, сначала небольшой, потом всё сильнее и сильнее. Николай Николаевич отдал приказ, всем собраться в лодках и

продолжить движение к месту назначения. А ветер всё усиливался и усиливался, пошёл дождь, загремел гром, засверкали молнии. Что произошло потом, я не могу описать. Это было что-то ужасное, туча упала на озеро, скрыв от нас даже ближайшие лодки, дождь перешёл в ливень. Он не только превращал белый свет во мрак, заливая нам глаза, но не позволял даже вдохнуть полной грудью воздух. А ветер, нет, это уже был не ветер, а самый настоящий ураган. На озере разыгралась буря!

Жаль, что писатель из меня никудышный, мне даже слов не хватает, чтобы описать этот разгул стихии и все наши страхи и переживания. Я сидел и мучился над этими строками, пока не вспомнил, что что-то подобное я уже где-то читал. Ну, да, у Пушкина в «Капитанской дочке». Я открыл книгу, вот это место. Пушкин описывает, как Гринёв попал в пургу и что из этого вышло. Если вы в пушкинское описание

вместо «снег» вставьте «дождь», а вместо «метель» – «буря», вместо «лошадей» – «лодку», то вы сразу же поймёте, в какой ситуации оказались мы.

«Ветер между тем час от часу становился сильнее, - писал Александр Сергеевич. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом - и скоро стали».

Правда, у Пушкина лошади встали, а нашу лодку несло неизвестно куда, волны перехлёстывали через край, грозя полностью захлестнуть её.

– Шурка, – немного придя в себя, закричал я, – поворачивай лодку носом к ветру, а то её может перевернуть.

Я прочёл много книг о морских путешествиях и точно знал, что опытные моряки никогда не подставляют борт волне, а ещё в моём мозгу пробежало много ненужных мыслей, вычитанных в тех книгах. Ну, например, как погасить волны с помощью масла, или когда надо рубить мачты во время шторма. Шурик был на вёслах, он и сам уже начал поворачивать лодку, налегая на левое весло. Я кинулся к нему, чтобы перехватить правое, не нужное при этом маневре, но не успел. Бешеный порыв ветра подхватил его, сломал словно спичку. Оторванная лопасть описала какую-то замысловатую дугу, ударила Веру, сбила её с банки и улетела в озеро. Рукоятку весла тоже вырвало из уключины. К моему ужасу она пролетела мимо меня и своим изломом впилась Вере в ногу. Когда я подполз к ней, она лежала без сознания, из страшной раны в ноге струёй била кровь.

Глава четырнадцатая

Всё это произошло так стремительно и неожиданно, что я на какое-то мгновенье впал в ступор. Не скрою: я смертельно испугался, потому что подумал, будто с Верой произошло что-то ужасное. Я даже сейчас не хочу упоминать то страшное слово, которое в первую же секунду пришло мне в голову. Я что-то кричал, плакал и совершенно ничего не соображал. Но уже через мгновенье я вспомнил, чему нас всё время учила Вера: первым делом надо остановить кровотечение, а для этого правильно наложить жгут. К сожалению, жгута под рукой не было, он находился в рюкзаке у Анны Павловны. Мы почему-то не предусмотрели такую ситуацию. Все были уверены, что наши пути никогда не разойдутся, а поэтому нужды в нескольких аптечках не было.

Рана казалась большой и страшной, с рваными краями. Я старался не смотреть на неё и видел только

вытекающую кровь. «Жгут можно сделать из любого подручного материала, – пронеслось в моей голове, – конечно можно, для этого подойдёт моя майка». Я быстро скинул её, разорвал пополам, одну половину скрутил и начал перетягивать Верину ногу выше раны, кровь постепенно, как бы нехотя, стала замедлять свой бег и, наконец, вовсе остановилась. Второй половиной майки я очень аккуратно прикрыл рану. Вера не подавала признаков жизни, а я не знал, что делают в этом случае. Правда потом догадался проверить пульс: я взял её руку и с радостью почувствовал, что сердце бьётся, значит, живая.

– Шурка, – сквозь вой ветра и шум волн позвал я друга, – иди к Вере, а я сяду на весло. Ты уже, наверное, измучился.

Я промолчал о том, что лучше уж мучиться с этим веслом день и ночь, чем наблюдать за страданиями закадычного друга, не зная, чем можно помочь ему.

А ветер и дождь не стихали, высокие волны кидали лодку из стороны в сторону, грозя каждую секунду перевернуть её. Честное слово, я не боялся за себя или Шурку, если бы Вера была здорова, я бы не боялся и за неё. Втроём, я думаю, мы сумели бы выбраться на берег даже в самую дурную погоду.

И вдруг в самую последнюю секунду этих размышлений я почувствовал, что лодка затормозила бег. Я оглянулся и с радостью понял, что мы въехали в прибрежные заросли камыша. Весло уже спокойно доставало дно и, воспользовавшись им, как шестом, я погнал лодку дальше всё ближе и ближе к берегу. Правда, далеко продвинуться не удалось, путь преградили настоящие дебри прибрежной растительности. Но это нас всерьёз не расстроило, теперь-то мы были уверены, что по-любому доберёмся до берега.

Шурка спрыгнул в воду:

– Здесь уже не глубоко. Надо протоптать тропинку, чтобы перенести Веру на берег.

Я тоже хотел спрыгнуть за ним, но Шурик прикрикнул на меня:

– Останься с Верой, я и без тебя протопчу.

– Ты что, Шурка, вдвоём быстрее.

– Оставайся с Верой, а вдруг что-нибудь случится. Он махнул рукой и пошагал прочь, ломая руками и ногами камышовые заросли. В другое время я бы обязательно сказал ему, что он пробирается сквозь чащу, как толстопузый бегемот.

– Саша, – услышал я слабый еле уловимый девичий голосок.

– Вера, Вера, – обрадовался я, – это ты? – Я повернулся к ней. Она всё ещё лежала с закрытыми глазами, но губы слегка, чуть заметно в этой проклятой мгле, шевелились. Я понял, что она что-то хочет сказать.

– Вера, – я наклонился к ней, ты помолчи, не говори, не теряй силы. Лодку уже прибило к берегу. Сейчас Шурик протопчет тропинку, и мы перенесём тебя туда. Не знаю, слышала ли она меня, но мне всё равно хотелось говорить ей самые хорошие слова, чтобы обнадёжить, вдохнуть в неё новые силы, которые помогли бы бороться с недугом.

Усталый, но довольный вернулся Шурик.

– Берег тут недалеко, метров двадцать или тридцать, дорогу я проломал, что надо. Как Вера?

– По-моему, пришла в себя.

– Ну, слава богу, – он говорил солидно, сознавая, что ребячеству в настоящей ситуации нет места. Мы с ним понимали, что, несмотря на то, что мы победили стихию, ещё не всё кончено. У нас на руках был тяжело раненый товарищ, которого надо без промедлений доставить в больницу. Как это сделать, ни он, ни я ещё не знали.

Глава пятнадцатая

Мы выбрались на берег и решили заночевать на месте, чтобы утром, разобраться в обстановке, и определиться с дальнейшими действиями. У нас было два варианта. Первый – плыть на лодке вдоль берега, пока не встретим кого-нибудь из своих или пока не доберёмся до Рябухино. Второй – на случай, если непогода не уляжется. Кто-нибудь один должен пойти, а лучше побежать вдоль берега, за помощью.

В наших вещмешках были спальные мешки и чистая одежда. Я занялся Вериной ногой, ослабил жгут, кровь почти не сочилась.

– Ну вот и хорошо, – негромко проворчал я, – сейчас наложим чистую повязку. Я оторвал от своей рубашки широкую полосу ткани и закрыл страшную рану. А потом мы наломали целую кучу камыша и устроили из неё лежанку. На неё постелили один

спальник и уже на него уложили нашу больную, прикрыв от дождя и ветра вторым. Сами, укрывшись третьим мешком, остались сидеть рядом с ней.

Однако усталость сделала своё дело. Несмотря на дождь и ночную прохладу мы с Шуриком всё-таки задремали. В какой момент это произошло, я не заметил. Но когда я открыл глаза, дождь уже прекратился, ветер утих, а из-за горизонта медленно выползало огромное тёплое солнце. Я поглядел на Веру, она лежала с открытыми глазами. Лицо её было спокойно, хотя гримаса боли оставила на нём след.

— Вера, — тихо позвал её я, — как ты себя чувствуешь?

Она скривила губы:

— Хорошо, только уж очень больно.

— Потерпи немного, сейчас мы перенесём тебя в лодку и поплывём к нашим или в Рябухино. Там у них хорошая больница. Шурик, — толкнул я друга в бок, — хватит спать, бери

спальники и дуй к лодке, расстели их на дне, а потом пулей сюда, перенесём Веру.

Шурик – молодец, возражать не стал, подхватил оба спальника, наш и тот, которым укрывалась Вера, и ломанул сквозь заросли. Прошло минут десять, а Шурка не появлялся. Я стал нервничать: «Уснул он там, что ли? За смертью только посылать». Прошло ещё несколько минут, и Шурка всё-таки явился с открытым ртом и выпученными глазами.

– Сашка, – закричал он, – а лодки-то нету, я всё осмотрел, как в воду канула.

– Не сочиняй, куда она могла подеваться из камышей, ты, наверное, спросонок не там глядел. Ну-ка посиди с Верой, я быстро.

И я побежал сам, надеясь найти лодку, хотя в душе не верил в это. Я знал, что Шурик не дурак, и уж если он не нашёл, то и я, скорее всего, тоже. Место, где мы причалили лодку, я нашёл

сразу, но вид этого места подсказывал, что налетевший в какое-то время сильный порыв ветра вырвал её из камышей и унёс в неизвестном направлении. Так это было или нет, я не знал, но посоветовавшись, мы все трое признали такую возможность за действительность.

— Да шут с ней с этой лодкой, — попытался успокоить нас Шурик, — и без неё выберемся. Вы сидите здесь, а я за час или два добегу до Рябухино.

— Хорошо, Шурик, не расслаживайся, поднимайся и вперёд.

— Да я и не сижу, — Шурик поднялся, повертел головой по сторонам, — только я не знаю куда бежать.

— На север, — чуть слышно сказала Вера, — возьми мой компас.

Она протянула левую руку, на которой вместо часов был нацеплен компас. Шурик быстро снял его, положил себе на ладонь и начал определяться.

– Так, – он долго смотрел на компас, а потом, видимо, сообразив, указал пальцем на самые густые заросли камыша, – мне туда.

Через секунду он исчез в них, а ещё через минуту вернулся обратно.

– Ты почему вернулся?

– А там вода.

– Какая вода?

– Озеро. Надо, наверное, в другую сторону.

И он рванул на восток, но и там оказалось озеро. Ни слова не говоря он метнулся в сторону юга. Вернувшись оттуда, он, понутив голову, сел рядом с нами:

– Хотите верьте – хотите нет, но мы на острове, – потом, помолчав, добавил, – на необитаемом.

Глава шестнадцатая

– Не расстраивайтесь, ребята, – голос Веры уже стал заметно твёрже, – даже если мы на необитаемом острове,

всё равно к вечеру нас обязательно отыщут. Мы ведь не в море-океане, наше озеро в сравнении с ним лохань с водой.

— Так-то оно так, — отозвался Шурик, — но на карте Николая Николаевича никакого острова нет.

— Ну и что, — вмешался я, — он его специально не обозначил. Наш маршрут и близко с ним не пролегал. Но всё это ни о чём не говорит. На карте, может быть, и не обозначен, но местные рыбаки и охотники обязательно о нём знают. Не образовался ведь этот остров вчера.

— Давайте ждать. И не будем отчаиваться, — сказала Вера.

«Вот это девчонка, — подумал я, — тут бы и здоровый мужик не выдержал, изнылся, а она лежит без движения и ещё нас успокаивает».

— Может быть, костёр разведём, — предложил я.

Шурик только вздохнул:

— Я и сам об этом думал, спички есть, не намокли, а вот поджигать

нечего. Кругом только сырой камыш, ни одной веточки, ни одной палочки. Надо подождать, когда камыш просохнет. Вер, ты хочешь есть?

– Пока нет, – чуть слышно ответила она и прикрыла глаза, давая, по-видимому, нам понять, что разговор на эту тему закончен.

– А что у нас есть? – это уже я к Шурке.

– Немного. У меня банка консервов и немного размокших конфет, у Веры пачка печенья, тоже размокшая. А у тебя?

– У меня вообще ничего. Мама хотела что-то всунуть, так я отказался, сказал, что продовольствие у нас в рюкзаке Николая Николаевича на всю группу. Да я ничего и не хочу. Давай всё это прибережём для Веры.

– А для кого же ещё? Мы и так перебьёмся. Человек без еды может прожить целый месяц, главное, чтобы вода была. А её у нас целое озеро, пей – не хочу.

На этот Шуркин выпад я не ответил, а поднялся и сам пошёл проверять его изыскания. Я также, как он, сунулся было на север, на запад и на юг – везде была вода. И ни в одну сторону не было даже намёка на то, что где-то неподалёку находится земля. Мне почему-то припомнились слова Пятницы из «Робинзона Крузо», когда он увидел вдали землю: «Там мои люди, моя земля». Я этого сказать не мог. Вернувшись назад, я сделал Вере перевязку. Рана по-прежнему оставалась большой и страшной, но, кроме этого, я заметил, что края её отекли и покраснели, что означало только одно – началось воспаление.

Весь день прошёл в ожидании. Мы с Шуркой не находили себе места. У Веры поднялась температура: она покраснелась, в глазах появился нездоровый блеск, она поминутно облизывала пересыхающие губы и просила пить. Когда день стал сдавать свои позиции, мы наконец-то, сумели

разжечь костёр, согрели в кружке воду и напоили Веру таким «чаем» с конфетами. Она сделала несколько глотков, сказала: «Спасибо» и уснула. Мы не знали к лучшему это или к худшему. Но на всякий случай решили спать по очереди.

В тревоге и волнениях прошла вторая ночь. Утром стало заметно, что состояние Веры ухудшилось. Температура не снизилась, а ткани вокруг раны устрашающе отекали и покраснели. В ране появился гной. Она по-прежнему отказывалась от еды и только просила пить. Для перевязки разорвали Шуркину рубашку.

Прошли ещё один день и ночь. Наше положение становилось отчаянным. Шурка отозвал меня в сторону.

— У Верки уже не просто температура, а жар. Я посмотрел, а у неё уже вся нога опухла. Она умрёт. Если мы ничего не сделаем, она умрёт, — повторил с такой болью в голосе, что я

не выдержал:

– Не каркай, никто не умрёт. Вы оставайтесь здесь, а я поплыву к берегу.

– Куда ты поплывёшь? Ты ведь даже не знаешь, в какую сторону плыть.

– Знаю, на север. Компас у нас есть. Не знаю, за час, два, за десять, но я доберусь до берега, найду людей и приведу их сюда.

– Саш, давай лучше я поплыву, Вера ведь моя сестра.

– Вот поэтому ты и останешься с ней, а для меня она самый лучший друг, закадычный друг, а друзей в беде не бросают. Тем более, я плаваю лучше тебя.

Я нацепил на руку компас и уже направился к берегу, как Шурка тормознул меня:

– Постой, тебе много сил понадобится, съешь консерву.

– Нет, Шурка, я не хочу есть. Как только я уплыву, ты попробуй скормить её Вере. Вот кому нужна сила.

Я вошёл в воду, определил

направление и поплыл. Плавать я могу по всякому: и кролем, и брасом, и «саженками», но тут пригодился самый экономичный в смысле затраты сил способ «по-собачьи». Я не торопился, вернее, не форсировал своё продвижение, потому что просто-напросто боялся выбиться из сил. Не знаю, сколько времени я пробыл в воде, но только солнце уже начало опускаться к горизонту. Силы тоже стали покидать меня. Каждый гребок давался с напряжением, руки потеряли способность слушаться. А тут вдобавок я почувствовал, что левую ногу стала сводить судорога. Я пытался распрямить её, но боль оказалась настолько сильной, что мой рассудок отказался воспринимать действительность. Я закричал, в рот попала вода, я начал захлёбываться. Наверное, сознание покинуло меня, потому что я уже не помнил ничего, кроме одного. Кто-то подхватил меня под руки, кто-то кричал на ухо:

– Ты откуда, мальчик?
Мне кажется, что я успел ответить:
– С острова.
Больше я не помню ничего.

Глава семнадцатая

В себя я приходил медленно. Первое, что увидел, приоткрыв глаза, – белые потолки. Мне показалось, что я где-то в неведомом мире, потому что в нашем мире над головой человека всегда находится голубое небо. Затем в поле зрения попали белые стены, потом голубые панели и снова представилось, что я плыву только не в озере, а в голубом море, а вокруг ни души. Я снова закрыл глаза, а когда в очередной раз открыл их, увидел маму, её заплаканное лицо. Я очень удивился: почему это мама плачет, я же здесь с ней. И вдруг меня сразила мысль: она плачет по Вере.

– Мама, что с Верой?

Мама оттого, что я пришёл в себя, заплакала ещё сильнее:

– Сыночек, маленький, очнулся, жив, слава тебе господи.

– Мама, перестань плакать, что с Верой? – уже с высокой ноткой в голосе спросил я.

– Лежи, не волнуйся. Вера твоя тоже здесь, ей уже сделали операцию. Врачи сказали, что ты вовремя поплыл, чем и спас её.

– А Шурка?

– А дружок твой жив и здоров. Рвётся к тебе в палату, но врачи не пускают. Боятся, что он может помешать твоему выздоровлению.

– Мама, – уже почти закричал я, – как же Шурка может помешать мне. Наоборот, он лучше всякого лекарства.

– Хорошо, хорошо, я поговорю с твоим лечащим врачом, может быть, он разрешит Шурику навещать тебя.

Доктор разрешил, и Шурик сразу же нарисовался в палате. Он был чистенький, при параде, одет в пионерскую форму: белая футболка и чёрные наглаженные брюки. Это тётя

Юля, Верина мама, а Шурикова тётя, заставила его так одеться.

— Больница, — сказала она, — серьёзное учреждение, там работают солидные уважаемые люди, и нам вертеться перед ними в трусах и майках неприлично, поэтому, племянник, надевай свою самую лучшую одежду.

Вот Шурик и вырядился, несмотря на то, что на улице снова разгулялась жара. Едва моя мама вышла по делам из палаты, как Шурик тут же занял её место рядом со мной.

— А ты знаешь, почему нас так долго не могли найти?

— Нет, конечно.

— Если бы не ты, они бы никогда нас не нашли, а если бы нашли, то скорее всего наши трупы. Мы там от болезней и голода просто-напросто окочурились бы.

— Шурка, не тарахти, рассказывай всё по порядку.

И он рассказал:

— А что тут рассказывать? Ветер

разбросал лодки по всему озеру, но их обнаружили сразу же: кого через час, кого через два, после того, как их прибило к берегу. И только мы куда-то пропали. На поиски подняли все окрестные деревни, всех рыбаков, охотников, милицию, к утру подтянулись добровольцы. Только из Рябухино пришли на помощь двести человек. Искали, искали и, наконец, нашли в камышах нашу лодку, она была перевернутой, без вёсел, ну, и, сам понимаешь, без нас.

Что тут началось! Народ руками вырвал в окрестностях весь камыш, искали наши тела. Ни у кого не было сомнений, что мы просто-напросто утонули. А что ещё можно было подумать? Никому и в голову не пришло, что мы пропадаем на этом чёртовом необитаемом острове.

— Не ругайся, Шурка, — прервал его я, — наоборот скажи «спасибо» этому острову. Не окажись его, нас, может быть, и вправду захлестнула волна.

– И то верно, – согласился Шурик, потом, помолчав, добавил, – вот ведь как бывает. Помнишь, как мы хотели готовиться к жизни на необитаемом острове? Помнишь? А потом передумали, решили к походу готовиться. Мы думали, что в наше время необитаемых островов днём с огнём не сыщешь. А ещё помнишь, гадали, как до этого острова добраться? На самолётах не летаем, на пароходах не плаваем и вообще из дома, считай, никуда не выходим. А оказывается, остров этот у нас под боком был и нас поджидал.

В палату вернулась мама:

– Шурик, тебя тётя Юля звала, надо возле Верочки посидеть, а она сходит на почту. Ей сейчас будет звонить твой дядя Серёжа.

– Приходи потом, – попросил я Шурика, – ещё поговорим.

– Придёт, – засмеялась мама, – куда он денется, успеете наговориться.

Глава восемнадцатая

Прошло много дней. Я уже давно дома, чувствую себя превосходно. Поначалу мне казалось, что все эти страшные события никак не повлияли на меня. Потом появились сомнения, потому что наша жизнь, как по мановению волшебной палочки разделилась на две части: одна «до злополучных событий», вторая – «после». До этих событий мы были детьми, которые живут настоящим днём, а после... Я стал ловить себя на мысли, что неожиданно повзрослел лет на пять или десять, что уже давно закончил учёбу и самостоятельно шагаю по жизни. Думаю, что и с Шуркой происходит что такое, очень похожее на моё. Мы с ним уже не дурачимся, как прежде, чаще задумываемся о будущем.

О том, что было, я не люблю вспоминать. И даже, когда люди начинают говорить об этом, я стараюсь уйти от таких разговоров. Все твердят,

что я герой, спаситель, а я не чувствую себя героем. Мне даже стыдно за то, что произошло. Вот если бы меня покалечило, как Веру, а я прыгнул бы в воду и доплыл до спасателей, это было бы одно. А я допустил, что моего лучшего друга Веру настигло такое несчастье... не хочется даже говорить. Верочка уже почти умирала на этом острове, а я здоровый пацан поплыл на поиски людей только на третий день... Мне стыдно.

Когда уезжала Вера, она подошла ко мне, обняла, поцеловала и сказала:

– Спасибо тебе, Саша, если бы не ты, я бы, конечно, умерла.

Глупая, глупая, девочка, из-за меня ты столько времени страдала, я даже не могу представить те муки, которые навалились на тебя. И не дай бог ни кому испытать их.

В тот же день, как только Вера уехала домой в свою Ростовскую область, я написал ей письмо, на второй день тоже, потом на третий, на

четвёртый, на пятый. Наконец, я получил ответ на первое письмо, затем на второе, на третье. Так мы и стали с ней переписываться. Я пишу каждый день, Вера ухитряется иногда в один день отправить два письма. В каждом письме она обязательно благодарит меня за своё спасенье. А мне стыдно, я умоляю её не благодарить меня, а она не слушается.

Вчера приходил Шурик. Он сказал, что летом они с мамой собираются в гости к Вере. Если бы моя мама согласилась, то они могли бы взять и меня.

Я своей маме ничего не сказал, скорее всего, она меня никуда непустит. Она считает, что в этом злополучном походе чуть не потеряла меня, и даже, как мне кажется, во всём случившемся она в какой-то мере винит Веру. Она ни разу не сказала об этом, даже не намекнула, но я заметил, она не любит, когда я говорю о Вере и даже просто вспоминаю о ней.

Как-то мы сидели с Шуриком у нас на чердаке, каждый думал о чём-то своём.

— А знаешь, Сашка, — глядя куда-то мимо меня сказал Шурка, — а ты ведь действительно мог утонуть. Рыбаки, которые подобрали тебя, рассказывали, что плыл ты не на север, а на восток, как раз вдоль озера. И проплыл ты к тому времени километров семь-восемь.

Я хотел сказать, что этого не может быть, но промолчал, только подумал, а сколько километров оставалось до берега. Это был последний мой с Шуркой разговор на эту тему. Правда, через много, много дней Шурка сказал, что после окончания школы он будет учиться на геолога.

— А ты? — спросил он меня.

— Не знаю, не думал, но скорее всего, я поступлю в тот институт, где будет учиться Вера.

— Но ведь это далеко от нас.

— Ничего, в нашей стране поездкам и самолётам расстояния не страшны.

БОТАНИК

(Повесть)

Глава первая

– Всё, Саша, хватит дурака валять, доставай свою математику и садись за стол, будем решать задачи. Не захотел в течение года учить, будем заниматься летом.

Мама говорила строго и решительно. Взглянув на неё, Саша тяжело вздохнул и пошёл в свою комнату за учебником. Он не торопился, долго ковырялся в книжном шкафу, делал вид, что ищет учебник, потом искал ручку, тетрадку. В конце концов, всё отыскалось, и он нехотя, словно на казнь, побрёл в зал, где за круглым столом ожидала мама.

Саша тоже уселся за стол, подвернув под себя ногу, ещё раз тяжело вздохнул. Заниматься математикой ему

не хотелось, потому что он просто-напросто не любил её, не нравилась ему и учительница: вредная такая, всё время придиралась к нему по пустякам. Когда писали последнюю контрольную, он циферка в циферку списал её у Кольки. Колька получил за эту противную контрольную «четвёрку» а ему вклеила «три с минусом». Мало, того ещё и маме пожаловалась. А маме что оставалось делать? Она пообещала летом с ним позаниматься. Десять дней дала побегать на улице, покупаться с ребятами на речке, а вот сегодня лафа кончилась.

Самое обидное, что Саша и троечником-то не был, имеется в виду круглым, всего три тройки. Одна по природе, вторая по истории и третья по этой самой математике. По тем предметам никто заниматься летом не заставлял, а вот математичка... Да что говорить про неё, взъелась и всё тут.

— Значит так, сынок, — пока не прочтёшь учебник три раза и пока не порешаешь все задачи, я с тебя не слезу.

Кстати, у тебя тройки ещё и по истории и по природоведению. Так?

– Так, – еле слышно прошептал Саша, а затем с надеждой на справедливость ещё тише добавил. – Но меня по ним заниматься летом не заставляли.

– Вот и хорошо, значит, это будет твоя личная инициатива. Я думаю, за это учителя на тебя не обидятся.

Сашу охватил ужас, а мама продолжила:

– Я вот тут набросала для тебя режим дня на время занятий, то есть с сегодняшнего дня и до тридцатого августа. – Она придвинула к нему листок. Саша сквозь слёзы взглянул на него и ничего не увидел, только подумал: «И мама предала, так со своими детьми не поступают». Он хотел об этом сказать, но не смог.

– Заруби себе на носу. Утром встаёшь в восемь, зарядка, туалет, уборка в комнате, завтрак – всё это прописано, затем уроки. На каждый

предмет 45 минут, после чего будешь рассказывать мне, чему научился за это время. Если ничему, будешь всё повторять с начала. После обеда два часа на речку и футбол. Вечером читаешь книги, которые задали на лето, телевизор, в десять часов отбой.

— Вот это я влип, — с тоской подумал Саша. Правда у него ещё теплилась надежда, что, может быть, мама забудет про эту кару небесную, или ей надоест заниматься с ним. У взрослых ведь нередко бывает: говорят одно, а делают другое. Тем более у мамы с папой он был единственным сыном, а значит, немного построятся, а там, смотришь, и пожалеют. Надо просто в первые дни немного постараться. Он почесал затылок, раскрыл учебник и задумался над самой же первой задачей.

Глава вторая

Прошло две недели, Саша усердно занимался, а мама не делала никаких

поблажек, словно он был не её сын, а, скажем, соседки тёти Клавы. Она ни разу не забыла напомнить ему о начале занятий и, как обещала, строго спрашивала за выученные уроки. Так строго не спрашивали даже учителя, даже вредная математичка была в сравнении с матерью младенцем.

Саша сначала пытался увильнуть от занятий, но после того, как мама заставила его переучивать прочитанное, он сдался и даже сам стал уделять урокам больше внимания. Он рассчитал, что если подойти к занятиям серьёзно и вместо одного параграфа в день повторять или изучать два или три, то наказание закончится намного быстрее.

Но беда не приходит одна. Вчера мама пришла из магазина и пока вытаскивала из сумки продукты, рассказала довольно неприятную новость.

— А ты знаешь, кого я сейчас встретила? Не догадаешься. Анну Павловну.

– Какую ещё Анну Павловну? – Сашка прикинулся бестолковым. Он понимал, что встреча матери с учительницей по биологии добром закончиться не могла.

– Анну Павловну. Вашу учительницу по биологии. Она, кстати, сказала, что дала всему классу задание на лето.

Сашка тут же вспомнил, что Анна Павловна просила их собрать гербарий. Сашка вначале хотел сходить в лес, но потом махнул на это рукой, мол, лето длинное, успею. А мама продолжала:

– Она сказала, что каждый шестиклассник должен осенью принести в школу гербарий. Так что ты не увиливай, а сходи в лес и поищи подходящие растения. Каждый, как сказала Анна Павловна, должен принести по три гербарных листа.

– Да это же пустяковое дело. Долго ли три травинки сорвать. Успею ещё. Я уже придумал, сорву крапиву, лебеду и ромашку. Они прямо у дома растут. Тут

и голову забивать не надо.

– Ты, сынок, не прав. Анна Павловна просила поискать растения, которые вам не знакомы. На уроках вы будете определять их названия. Так что давай-ка сегодня и займись этим. Заодно и от математики отдохнёшь.

– А-а-а, – обрадовался Сашка, – тогда другое дело, – а про себя добавил, – травинки травинками, а я ещё успею и на речку заглянуть.

Он забежал на кухню, отрезал большой кусок хлеба, сунул его в карман. Это для того, чтобы на обед не возвращаться. А затем прыгнул на велосипед, который сиротливо стоял во дворе, нажал на педали и, как говорится, был таков.

Глава третья

В сторону леса и в сторону реки один путь, поэтому выбирать его не приходилось. Река протекала чуть дальше, но к ней надо было попасть в

первую очередь. Не будешь ведь потом с собранными травками на берегу загорать. При такой жаре они быстро завянут и для гербария уже вряд ли подойдут. Придётся снова ехать в лес за новыми растениями. А это уже называется расточительством драгоценного времени.

Сашка с упоением думал о своей смекалке, усердно давил на педали и, возможно, через несколько минут оказался бы на берегу реки, если бы не одно но... Как ни спешил он, как ни мечтал погрузиться в прохладу речной воды, но то что он увидел, заставило его на минуту притормозить, а потом и вовсе остановиться. Он увидел недалеко от леса две большие палатки и большую группу молодых людей. Они разбрелись по опушке, что-то выискивая в траве, одновременно с этим громко смеялись, о чём-то говорили – видно, что занимались каким-то делом.

– Наверное, геологи, – подумал Сашка, – скорее всего, будут искать

нефть. Значит, началось.

Сашка уже давно ждал геологов, ему очень хотелось, чтобы рядом с их посёлком нашли нефть. Тогда бы на его месте разросся огромный город, может быть, даже с миллионным населением. А в большом городе интереснее жить. В нём всё есть для отдыха и развлечений: стадионы, бассейны, кафе-мороженое, парки, луна-парки и всякое другое, что не пересказать словами, и чего в их посёлке нет, и никогда не будет.

Сашка, может быть, и не подумал о геологах, если бы не Колька Карпов. Однажды он принёс в класс какую-то фотографию, на которой было большое чёрное пятно. Он показал её и спросил:

– Знаете, что это?

Все промолчали.

– Это нефть, – важно сказал он, причём слово «нефть» у него прозвучало как «нэфть». И это показалось Сашке весомо и солидно. Такими вещами не шутят. Из Колькиного рассказа выходило, что эта «нэфть» обнаружена

недалеко от их родного посёлка, но пока в небольших количествах. Но то, что она есть – это факт. И промышленная добыча её просто вопрос времени.

Сашка уже давно забыл о речке, ему страстно захотелось первым узнать, чем же занимаются эти люди. Он снова сел на велосипед и подкатил к молоденькой девушке в светлой косынке, которая оказалась ближе всех к нему. Она и одета была точь-в-точь как геолог. Сашка и представлял себе их такими: в защитных куртках, резиновых сапогах или ботинках, с лопатой или молотком в руке и обязательно с рюкзаком за плечами. Правда, у этой девушки рюкзака не было, а вместо лопаты маленькая лопаточка, а возле её ног лежала объёмистая коробка.

– Здравствуйте, – поприветствовал её Сашка.

– Девушка подняла на него глаза, улыбнулась и сказала:

– Здравствуй, Миша.

Сашка как-то растерялся,

поскольку не понял, откуда здесь взялся Миша. Он покрутил головой по сторонам, кроме него никого не было. Ни Миши, ни Гриши.

– А я не Миша, я Саша.

– Ну вот и познакомились. А меня зовут Лена. Ты в этом посёлке живёшь?

– Да.

– А в каком классе учишься?

– В шестой перешёл.

– Хорошо учишься?

Сашке очень хотелось сказать «хорошо», но, подумав, честно признался:

– Не очень. Три тройки за год.

– Всего-навсего? – засмеялась Лена, – это же ерунда. В шестом классе наверстаешь. А к десятому отличником будешь. Если, конечно, постарайся.

Тема для разговора Сашке не понравилась, и он тут же поменял её.

– А вы геологи будете?

– Нет. А почему ты так решил?

– Потому что в наших краях, – он перешёл на заговорщицкий шёпот, –

нефть нашли, правда пока немного, но по всем данным может оказаться несметное количество. Как только проведут разведку, так здесь такое начнётся...

– Да что ты говоришь? – также шёпотом отозвалась Лена. – Может случиться, что здесь вместо посёлка крупный город разрастётся. Ты бы хотел жить в крупном городе?

– А как же, – с достоинством ответил Сашка, – в большом городе и жизнь большая.

– Да ты, Саша, прямо афоризмами говоришь. А нам, – она широким жестом указала на ребят, которые увидев незнакомого мальчишку, стали потихоньку подвигаться к ним, – городская жизнь не очень нравится. Мы хоть и горожане, но любим бывать на природе.

– Одно другому не мешает, – снова важно заметил Сашка. – А кстати, ты мне так и не сказала, что вы тут ищите?

– Ничего мы не ищем, мы собираем

гербарий. Мы студенты пединститута и сейчас находимся на полевой практике.

– Вот это да, – обрадовался Сашка, – а я тоже приехал гербарий собирать. Нам Анна Павловна, биологичка наша, задала на лето задание, собрать и засушить три растения.

– Ну это немного, – сказал кто-то из обступивших Лену и Сашку парней, – это можно в три счёта.

– Не так-то всё просто, – Сашка смахнул пот со лба, растения должны быть самые редкие, которые никто из наших не знает. Мы потом зимой будем определять их.

В это время к ним подошёл совсем взрослый мужчина в шляпе, очках и светлом костюме.

– Здравствуй, молодой человек, – он протянул Сашке руку.

– Здравствуйте, – скромно-прескромно поприветствовал пожилого человека тот. – Меня зовут Саша. Я вот приехал гербарий собирать.

– Что ж, – засмеялся мужчина. В

нашем полку ботаников прибыло. Давай-ка поработай с нами, а там, смотришь, и мы пригодимся. Это я тебе как профессор обещаю. А зовут меня Сергей Мстиславович Новиков, хотя вот эти милые оболтусы за глаза меня величают не иначе, как ботаник. А теперь, — он обратился ко всем студентам, — давайте немного отдохнём, посидим в тени, а потом уже вплотную приступим к формированию наших гербариев.

Глава четвёртая

Сашка математику, как бы это помягче выразиться, не очень уважал, но считать любил. Проходя по улице, он мог сосчитать количество домов, окон в этих домах. Он всегда знал, сколько рублей у него в кармане, сколько яблок осталось в холодильнике. От него всегда можно было узнать, сколько минут осталось до перемены и даже сколько страниц осталось до конца учебника. Обычно так никто не считает, но у него

получалось именно так. Не преминул сосчитать и студентов, собравшихся в тени большой развесистой берёзы. Всего пятнадцать. Один профессор, четыре парня, девять девушек и он сам. Ему было очень приятно, что сидит он в одной компании со взрослыми парнями и девушками, которые разговаривают с ним как с равным, а профессор называет его «молодой человек» или «коллега».

Вначале разговор был не особо интересным. Девчонки рапрашивали его о посёлке: где можно купить продукты, есть ли кинотеатр или клуб, устраиваются ли дискотеки и так далее и тому подобное. Наконец, когда всё, что надо было выяснено, начался более интересный разговор. Инициативу взял в свои руки Сергей Мстиславович. Профессор внимательно оглядел всех и, задержав свой взгляд на Сашке, сказал:

— Друзья, вы посмотрите, пожалуйста, на этого молодого человека, тебе сколько лет, коллега? — обратился он уже к Сашке.

– Скоро двенадцать.

– Видите, ещё и двенадцати нет, – продолжил профессор, – а он уже озабочен сбором гербария, он уже нацелен на науку. Другой бы, оказался на его месте, гонял на велосипеде, купался в реке, или просто бездельничал. Вот вы, дорогие друзья, в его возрасте занимались гербарием?

Все студенты скромно промолчали, правда, один паренёк после небольшой паузы отозвался:

– А я, Сергей Мстиславович, всё детство собирал почтовые марки «Флора и фауна». Они у меня ещё и сейчас сохранились, полных два класса. Классеры, – он обратился к Сашке, – это такие альбомы для марок с кармашками, – а потом опять ко всем, – время от времени достаю и рассматриваю. Через них я и биологию полюбил. У меня в школе никогда ниже пятёрки оценки не было.

– Что ж это интересно, – отметил профессор, – кстати, очень полезное

занятие. Насколько я знаю, на каждой марке есть не только изображение самого растения, и название на языке государства, выпустившего эту марку, но и название на латинском языке, то есть его научное название понятное каждому учёному мира. Будь ты русским, французом, китайцем, прочитав латинское имя растения, ты сразу поймёшь, о чём идёт речь.

— Так там же картинка есть, — удивился Сашка, — поглядел и понятно, что это за растение.

Профессор улыбнулся:

— Не всё так просто, юный друг. Конечно, если на рисунке будет крапива, ромашка или на худой конец иван-чай, то, скорее всего, ты поймёшь, о чём идёт речь, а если это будут растения из тропических стран, которые не видел ни ты, ни даже я, то помочь определить что же это за диковинка поможет только латинское наименование. С его помощью можно будет заглянуть в справочник, найти описание и

познакомиться с этим растением. В природе, если хочешь знать, существует четыреста тысяч видов растений, кроме того, множество подвидов, разновидностей, а сортов вообще несметное количество. Так что узнать в лицо их не всегда получится. И что, больше никто не занимался гербарием?

– Знаете, скажу честно, – отозвался ещё один паренёк, – мне доводилось делать гербарий, но растения не собирал.

– А кто же за тебя таскался по полям и лесам?

– Никто. Нам тоже в школе и тоже в шестом классе давали такое задание на лето. Я тогда всё лето пробегал на улице и ни разу не вспомнил о нём и только 31 августа, перед тем, как лечь спать, спохватился. На улице темно, идёт дождь, практически все растения, что росли возле дома, завяли или уже затоптаны в грязь. Вы, наверное, представляете моё положение. Оставалась одна надежда на маму. Она-то и выручила. На завтра я принёс свой

гербарий в школу. На первом листе красовался лавровый лист. Я его подписал: «Лавр благородный – листья». На втором – разместилась веточка от берёзового веника. «Берёза белая», – подписал я. А та третий мы поместили соцветие комнатной герани. Мама хорошенько прогладила его горячим утюгом, а я пришил к бумаге чёрными нитками.

– А что сказала учительница, как она оценила твоё старание?

– Положительно. Правда, она сделала одно замечание. Я герань обозвал иранкой, я думал, что она из Ирана, поэтому её так и называют.

– Молодец, Миша, – похвалил паренька Сергей Мстиславович, – ты такие интересные вещи не забывай. Они делают честь не только тебе, но и твоей умной и находчивой маме.

– А вы, Сергей Мстиславович, собирали в детстве гербарий, – спросила Лена, – или, может быть, ещё что-нибудь?

– Собирал, но уже гораздо позже, чем этот молодой человек. Первый свой гербарий я собрал только на первом курсе института, так же как и вы. Увы, это так. И не горжусь этим, потому что нечем гордиться. Человек науки должен начинать заниматься ей с раннего возраста. Вот если Саша начнёт серьёзно заниматься ботаникой, – он погладил его по голове, – прямо сейчас, из него получится первоклассный учёный.

Лену, видимо такой ответ не удовлетворил.

– А как же вы тогда стали большим учёным, профессором, если в детстве даже не думали об этом?

– Мне просто повезло, у меня была очень умная мама. Она работала в библиотеке и потому с раннего детства приучила меня к книгам. Наверное, с этого всё и началось, а может быть, и не с этого. – он на некоторое время задумался, – а впрочем, если хотите, я всё расскажу по порядку.

– Хотим, хотим, – дружно

закричали все. И Сашка как-то незаметно для себя тоже кричал со всеми.

Глава пятая

История моя началась в раннем детстве. Жили мы в крупном городе, мама водила меня в детский сад, а по выходным в городской парк. Однажды воспитательница сказала:

– Ребята, приближается праздник Первого мая. Все люди в этот день выходят на улицу, несут в руках красные флаги, цветы, всюду гремит музыка, все смеются и радуются. В это день обычно тёплая погода, светит солнышко, взлетают к небу воздушные шарики. Сейчас и мы начнём готовиться к нему. А сделаем мы вот что.

Она достала из шкафа веточку к которой были привязаны белые цветочки, вырезанные из бумаги.

– Красиво? – спросила она нас.

И все закричали, что очень

красиво.

— Ну тогда я покажу вам как надо вырезать цветочки и как привязывать их к веточке. А поскольку до праздника ещё много времени, вы попросите родителей, чтобы дома они помогли сделать такие веточки. Можно делать цветы из белой бумаги, а можно и из разноцветной.

Вечером я рассказал обо всём маме. Она внимательно выслушала:

— А мы с тобой, сынок, привяжем такие цветы не к сухой веточке, а к живой, на которой листочки будут.

Я хоть был и маленьким всё же понимал, что зимой на деревьях листочков не бывает. Но мама успокоила меня:

— Будут листочки, не волнуйся. В тот же день она принесла домой несколько веточек, на которых естественно листочков не было.

— А где же листочки? — тут же поинтересовался я.

Мама показала почки на веточках:

— Видишь, эти шишечки. Они

называются почками. В них спрятаны листочки. Для того, чтобы они выглянули наружу, надо веточки поставить в воду. Вот я поставила их в вазу, а ты теперь наблюдай за ними. А когда почки лопнут, скажешь об этом мне.

Каждый день я заглядывал на подоконник, где стояли эти веточки, но они по-прежнему оставались голыми. В конце концов, мне это занятие надоело, и я забыл о них.

Как-то утром мама, собирая меня в садик, спросила:

– Серёжа, а ты смотрел на веточку?

– Нет.

– А ты посмотри.

И я посмотрел. В вазочке стояла веточка, на которой уже не было почек, вместо них красовались маленькие зелёные листочки. Я считаю, что этот день стал знаковым, именно благодаря ему и зародилась моя любовь к растениям.

На следующий год я уже пошёл в

школу, однако каждый выходной день мы с мамой по-прежнему ходили в городской парк. Мы гуляли по его тенистым дорожкам, а я непрестанно интересовался: «А как это дерево называется, а зачем оно нужно, а почему у деревьев листочки разные?».

Надо признать, что у мамы было много терпения, она отвечала на все вопросы и даже поощряла мой интерес к растениям. Так я узнал, что в парке растут берёзы, тополя, клёны, сосны, ели. Уже в четвёртом классе этот объём знаний перестал устраивать меня. И мама, вы помните, что она работала в библиотеке, стала подбирать мне литературу по биологии. Кстати сказать, я любил книги не только о растениях, но и о животных. Меня привлекало всё живое. В пятом или шестом классе мама принесла определитель растений нашей области. И вот тогда я потерял ощущение действительности. Целыми днями ходил по улицам, отыскивал растения и определял их названия.

Проходил день-другой, я забывал, как они называются, и всё начинал по новой. Я почему-то страшно спешил, старался определить, как можно больше. но в спешке плохо запоминал их в лицо и при следующей встрече не узнавал. Я вам, друзья, хочу открыть истину, которую знают все биологи: чтобы запомнить растение или животное, надо повстречаться с ним несколько раз. И было бы хорошо, если при каждой новой встрече вы говорили: «Здравствуй, одуванчик (*Taraxacum*), здравствуй, крапива (*Urticum*), я вас помню».

Начиная с седьмого класса, я понял, что каждый ботаник должен собирать гербарий, чтобы в любой момент иметь растение для всестороннего изучения под рукой. Я вам уже говорил, что эту мечту я исполнил только в институте. А вот раньше этого сделать не мог. Причина-то была самая заурядная. Просто мы с

мамой жили в однокомнатной квартире, а для хранения гербария надо много места и надлежащие условия по микроклимату. У нас же не было ни места, ни того самого необходимого микроклимата. В квартире постоянно была высокая влажность, а высушенные растения этого не любят. Ну что, друзья, заболтал я вас?

– Нет, – закричали ребята и Сашка с ними, – рассказывайте ещё.

– Стоп, – Сергей Мстиславович поднял вверх руку, – мы ведь с вами приехали сюда не сказки слушать, а работать. Давайте все дружно в поле, а свою история я расскажу вечером.

– А как же я, – чуть ли не со слезами на глазах протянул Сашка, – я ведь не услышу? Меня ведь вечером никто в поле не пустит.

– Да, – согласился с ним Сергей Мстиславович, – я этого не учёл. А как вы считаете, друзья, не перенести ли нам посиделки назавтра, когда Саша снова

приедет к нам в гости?

— Конечно, — согласилась молодёжь.

Минута и все разбежались по широкой поляне, выискивая то, что им надо для своей коллекции растений. Сашка тоже собрался с ними, но профессор тормознул его.

— Ты, молодой друг, сегодня не думай о гербарии, а приходи завтра. Леночка поможет тебе. Собирать растения и делать гербарий — это тоже наука, притом более серьёзная, чем ты можешь себе представить. Кстати, в своё время я написал брошюру — пособие для студентов по сбору растений и изготовлению гербария. Написана она простым понятным даже для школьников языком. — Он нырнул в палатку и через мгновение вышел из неё, держа в руках книжицу. — Сегодня на досуге почитай её, а завтра, просим к нам.

Сашка, как помешанный схватил

эту брошюру, прыгнул на велосипед и, не помня себя от счастья, покатил домой.

Глава шестая

Дома его ждала мама.

– Ну, слава богу, вернулся, жив и невредим. Где же ты пять часов пропадал? Я уже сама собиралась идти на речку из воды тебя за уши вытаскивать. Гербарий-то хоть собрал?

– Нет, мама, не собрал. И в речке я не купался и вообще вёл себя правильно. У нас за посёлком в палатках живут студенты из пединститута. Они на полевой практике, собирают гербарий. Я с ними познакомился и с профессором познакомился. Его Сергей Мстиславович зовут, он по профессии ботаник. Вот, – Саша показал матери брошюрку, которую ему подарил профессор, – он дал её, чтобы я прежде чем собирать гербарий, познакомился с ней. Гербарий, сказал он, – не пустяк, а основа всей ботаники, поэтому собирать его надо по

науке. Завтра ребята обещали помочь сделать его по всем правилам.

– Так ты и завтра уйдёшь на весь день?

– Мама, ты только не волнуйся, я математику не брошу, увидишь сама. Студенты завтра работают в поле последний день. Я хочу, чтобы мой гербарий был самым правильным.

– Ох, смотри, сынок, если опять обманешь, не сносить тебе головы.

– Не обману.

Весь вечер Саша просидел за руководством по изготовлению гербария. Да, трижды был прав Сергей Мстиславович, когда сказал, что собирать растения, высушивать, размещать на гербарных листах надо умеючи. Во-первых, надо приготовить плотную бумагу, на которой будут крепиться высушенные растения. Размер такой бумаги 35 на 25 сантиметров. Саша тут же замерил линейкой величину альбомного листа. Он оказался намного меньше рекомендуемого. А другой

бумаги дома не было и, где её взять, Саша не знал. «Ладно, – решил он, – завтра у Сергея Мстиславовича спрошу, может быть, он разрешит и альбомные листы использовать». Второе что понадобится – небольшая лопатка для выкапывания растений. Саше и в голову бы не пришло, что растения надо засушивать с корнями. Это, конечно улучшает качество гербария, но создаёт для собирателя дополнительные проблемы.

В-третьих, надо заранее определить способ крепления растений к бумаге. Приклеивать их нельзя. Можно или пришивать нитками, или закреплять с помощью бумажных полосок. А для этого понадобится клей. Канцелярский клей для этих целей не пригоден, потому что он может разрушать бумагу и сухие растения, а гербарий должен храниться в специальных хранилищах сотни лет. И, наконец, каждый лист надо обязательно подписать, по-другому, наклеить на него этикетку. В ней указать название

растения на русском языке и обязательно на латинском. И это ещё одна загвоздка, по поводу которой завтра надо будет расспросить Сергея Мстиславовича. Есть же, наверное, какой-нибудь метод определения растений, кроме определителя, о котором рассказывал Сергей Мстиславович.

Глава седьмая

Назавтра рано утром, едва продрав ото сна глаза, Сашка помчался в поле. Студенты, увидев его, подходили по одному, здоровались, задавали ему всякие, как показалось Сашке, глупые вопросы. Подошёл и Сергей Мстиславович. Он поздоровался, как взрослому пожал ему руку.

— Ну как, молодой человек, отдыхалось? Надеюсь, руководство по сбору гербария проштудировал. Вижу, вижу, что изучил. Вон и лопатка с собой и ботанизирку соорудил. Это похвально.

А вопросы какие-нибудь появились или так всё ясно?

– Появились, Сергей Мстиславович и не один.

– А что я не ясно что-нибудь изложил?

– Да нет, всё ясно, кроме... – Сашка на секунду умолк, подбирая нужное слово

– Некоторых моментов, – подсказал ему профессор.

– Да, да, – радостно согласился Сашка.

– Что ж давай тогда дело в долгий ящик откладывать не будем.

– Давайте, – согласился Сашка. У вас вот написано, например, что размер гербарного листа должен быть 35 на 25 сантиметров. А у меня такой бумаги нет, у меня только альбомные листы 20 на 29, а их можно использовать?

– Можно, Саша. Для урока биологии в школе не возбраняется. А вот для научных целей нужны листы общепринятого размера 35 на 25. Так что

выбирай цель гербаризации и согласно назначению выбирай бумагу.

– Да где же её взять? У нас в магазине такая не продаётся.

– А подумай, может что-нибудь и придёт в голову.

Сашка подумал, вернее, он и не думал, потому что на эту тему он размышлял весь вечер.

– Нет, Сергей Мстиславович, ничего не придумал

– Ладно, не ломай голову, просто возьми два альбомных листа, склей их, а потом обрежь по размеру. Ясно?

– Ясно, – засмутился Сашка, и как это я сам не додумался.

– Так, давай следующий вопрос.

– А второй вопрос такой. На этикетках названия растений надо писать на русском языке и на латинском. Вы-то знаете, как они называются, а мне что делать? Я не знаю даже, как ромашку назвать по-латински. И определителя у меня нет.

– Да, этот вопрос более серьёзный

и решить его просто так на ходу не получится. Действительно, определителей на свете много. Но, не в каждом магазине продают их, да и чтобы научиться ими пользоваться, надо серьёзно заниматься ботаникой. Я думаю, что тебе в определении растений поможет ваш школьный учитель, а позже ты научишься это делать сам, если, правда, захочешь принести пользу науке.

Сергей Мстиславович поглядел по сторонам, нашёл взглядом Лёну и позвал её.

— Лёночка, я убедительно прошу вас, позанимайтесь немного с этим прекрасным молодым человеком, покажите ему, как собирать растения, как их укладывать в ботанизирку, как написать этикетку и, наконец, как формировать гербарный лист.

Сашка был очень доволен, что профессор поручил его именно Лёне, а не кому-то другому. Лёна ему понравилась с первого взгляда, и он не

ошибся, отдавая ей свою симпатию.

– Давай, Саша, бери свою лопату, ботанизируй, пойдём заниматься наукой. Сколько растений тебе надо выкопать, три?

– Три. Но я, наверное, соберу больше, потому что хочу, чтобы мой гербарий был самым лучшим.

– Что ж, давай начнём вот с этой красоты, – Лена указала на толстое пушистое растение с красивыми синими цветками, собранными в верхней части в красивое соцветие.

– На колокольчик похоже, – заметил Сашка.

– А это и есть колокольчик, только не простой, а скученный. Такое его ботаническое имя. Колокольчик скученный, или *Campanula glomerata*. Срывать или срезать его нельзя, а что надо сделать?

– Выкопать, конечно.

– Выкапывай.

– Без проблем.

Глава восьмая

Сашка многому научился у Лены. Оказывается даже выкопать из земли растение надо умеючи. Это тебе не картошку на огороде выковыривать. На поле надо аккуратненько подкопать растение со всех сторон, стараясь не повредить корешки, потому что, как сказала Лена, иногда корешки помогают точнее определить растение. После того, как ты вынул растение, надо обязательно и желательно без промедления засыпать ямку землёй. Это делается для того, чтобы не страдали соседние растения и не погибали живущие в земле насекомые и полезные микроорганизмы от воздействия солнечных лучей. Корни надо обязательно отряхнуть от прилипших к ним комочков почвы, если земля сухая, а если липкая, то желательно отмыть их в воде.

Лена не только рассказала всю последовательность приготовления гербарного листа, но и всё показала на

практике.

– Возьми карандаш и запиши названия твоих растений, – посоветовала она Саше и продиктовала их названия. На первый случай он приготовил пять растений и был несказанно рад этому. Он прекрасно понимал, что никто из класса лишние заботы на себя не возьмёт. Некоторые, скорее, вообще забудут об этом задании.

Солнце поднималось всё выше и выше, становилось жарко. Ребята утомились и стали подаваться ближе к палаткам. Наконец, все собрались. Несмотря на усталость, они шутили, смеялись, громко разговаривали. Подошёл Сергей Мстиславович. Шум и гам немного улеглись.

– Все собрались? С заданием справились? Молодцы. – Сергей Мстиславович сел на складной стульчик, который стоял рядом с палаткой. – Сейчас я вам расскажу, почему мы с вами приехали именно в это место. Его я выбрал не случайно.

Так вот. Ровно сто лет назад в этих местах работал наш известный русский путешественник, большой знаток растений академик Введенский Андрей Петрович. Он именно здесь, в этих краях, собрал богатую коллекцию местных растений. Собранный им гербарий хранится в Петербурге. У меня есть опись всех растений этого гербария. Я поставил перед собой задачу: вместе с вами проверить, какие изменения произошли в местной флоре за эти сто лет. Боюсь, что какие-нибудь виды могли исчезнуть.

— А почему они могли исчезнуть? — это Сашка спросил Сергея Мстиславовича.

— Много причин для этого. — профессор на минуту задумался. — На наших глазах меняется климат. Раньше во времена Андрея Петровича вашего посёлка не было. На его месте была степь да болота. Сейчас ни того ни другого. Степь распахали, болота из-за нехватки влаги исчезли с лица земли.

Вместе с этими потерями, я думаю, мы не досчитаемся многих видов. Так вот, друзья, мы должны это проверить и материально подтвердить те или иные изменения в видовом составе этих мест.

— Ясно? — поинтересовался он у Сашки.

— Ясно, конечно, — подтвердил тот.

— Конечно, ясно, — загалдели притихшие было студенты. — Значит, мы завтра домой ещё не поедем?

— Я бы хотел задержаться. Дня три нам вполне хватит, чтобы собрать полноценный гербарий и составить список местной флоры.

— Ура! — разом закричали четырнадцать человек, считая и Сашку.

— Тихо, ребята, — это уже Лена, подняв руку, принялась успокаивать разбушевавшихся от восторга друзей. — Раз такое дело, быстренько раскладываем собранные растения, обедаем и на речку. Сегодня пусть будет выходной.

— Какой выходной, —

разочарованно спросил Сашка, – а Сергей Мстиславович ещё не закончил вчерашний рассказ.

– И правда, – спохватилась молодёжь, – спасибо Саше, а то у нас головы дырявые.

– А я предлагаю сначала пообедать, а уж потом заняться историей. Саша, не убегай, обедать будешь с нами.

Глава девятая

После обеда Сергей Мстиславович продолжил рассказ, как будто и не прерывал его.

– Так вот, вместо гербария я стал зарисовывать растения. Сначала я просто-напросто срисовывал их отовсюду: из книг, журналов, с открыток, спичечных этикеток. Получалось, скажу вам, прескверно, сами понимаете, что и рисованию надо учиться. Все ранние рисунки я через некоторое время уничтожил, но зато

сумел набить руку и уже по-серьёзному начал рисовать растения с натуры.

Это занятия так увлекло меня, что я начал серьёзно задумываться над тем, чтобы стать натюрмористом, или, по-другому, художником-флористом. Рисовать растения мне нравилось, и я нередко показывал друзьям рисунки. Дошли они до школьного учителя рисования. Он как-то попросил показать их ему. Я принёс пятьдесят лучших, по моему мнению, рисунков.

— Ты можешь оставить их мне на несколько дней?

— Конечно, — согласился я, — не подозревая, что в дальнейшем последует за этим. А последовало следующее. Он обратился к преподавателю ботаники нашего института профессору Быкову, ныне уже покойному, и попросил того оценить рисунки на соответствие действительных и художественных образов. Проще говоря, его заинтересовало, похожи рисунки на оригиналы или нет.

Профессору мои рисунки понравились, и он пожелал познакомиться со мной. Вы представляете, наверное, моё волнение, когда я в назначенное время пришёл в институт. Игорь Григорьевич (впоследствии он стал моим учителем) встретил очень тепло. Мы долго говорили о моём увлечении, он сделал несколько замечаний по поводу моих работ, посоветовал рисовать не только цветы, но и растения целиком, с корнями, семенами, то есть, по сути, наглядные пособия. И вот когда я занялся рисованными гербариями, я понял, что навеки останусь человеком, верным и преданным науке ботанике.

А рисование мне в жизни пригодилось. В моих трудах все рисунки выполнены мной, так что искать художника-иллюстратора не было нужды.

А потом институт, дружба, не смотря на огромную разницу в возрасте, с Игорем Григорьевичем, работа в

студенческом научном обществе, ежегодные исследовательские экспедиции, наконец, аспирантура. После её окончания и получения кандидатской степени научная деятельность только началась. И вот, к счастью, не заканчивается по сей день.

– Вот так, – дорогой друг, – Сергей Мстиславович обратился к Саше, мотай на ус, жизнь свою надо делать со школы. Совсем не факт, что ты станешь ботаником, можешь стать учителем, врачом, строителем. Не это главное. Важно, чтобы уже сейчас ты наметил цель и изо дня в день добивался приближения к ней.

Пока Саша ехал на велосипеде домой, он всё время думал, кем же ему стать. Учителем он не хотел, врачом тоже. «Может быть, правда, ботаником? Изучать растения интересно. Окончу школу, поступлю в институт и буду учиться у Сергея Мстиславовича. Он, наверное, обрадуется, когда узнает, что я поступил учиться на ботаника. Может,

только забудет меня. Ну, ничего, я напомним. Всё решено, стану ботаником». Он сильнее нажал на педали, чтобы поскорее добраться до дома и обо всём рассказать маме.

Глава десятая

Прошло много дней. Сашина мама никак не могла взять в толк, что же произошло с Сашей. Сын с виду такой же, как и был, но всё остальное в нём поменялось. Бывало, сесть за книгу, его нельзя было заставить даже с помощью палки. А теперь он самостоятельно одолел историю, математику, а с биологией настолько сдружился, что даже записался в поселковую библиотеку и уже перечитал все книги о животных и растениях, которые имелись там.

А недавно он подошёл к ней и спросил:

— А ты, мама, не хочешь сходить со мной в библиотеку?

— А что ты там натворил? — испугалась мать.

— Ничего, просто у них в библиотеке нет книг, нужных мне. Но как сказали там, их можно заказать в областной библиотеке. Но сделать это могут только взрослые, у которых есть паспорт.

— А что это за книги? — поинтересовалась мать.

— Это книги по ботанике, тебе, наверное, не интересно, но мне они нужны. Сходишь?

— А когда?

— Хоть сейчас. Они до шести работают. Только паспорт не забудь.

— Хорошо, если тебе надо, давай сходим.

В библиотеке их ждали. Видно, Саша уже подготовил библиотекарей.

— Так, — сказала Ольга Анатольевна, заведующая библиотекой, — давайте паспорт, сейчас заполним бланк. Фамилия, имя, отчество. Для какой цели выписываете книги?

Сашина мать немного растерялась, но Саша тут же пришёл на помощь:

– Для учёбы.

– Для учёбы? – Ольга Анатольевна серьёзно посмотрела на него, – это же научные издания, ты вряд ли что поймёшь. Закажи что-нибудь попроще.

– Может и правда, Саша, давай выпишем что-нибудь попроще.

– Мама, ты ничего не понимаешь. Мне нужна именно эта книга. Её написал Сергей Мстиславович. Я должен её прочитать.

Когда они шли домой, Саша признался:

– Может быть, я не всё пойму в ней, но зато я хотя бы подержу эту книгу в руках. Для меня это важно.

Мать только тяжело вздохнула:

– Сын, слава богу, растёт, умнеет и хорошо, что в его жизни появился человек, который становится для него примером.

Глава одиннадцатая

Лето всегда неожиданно и быстро заканчивается. Вроде бы только вчера прозвучал последний звонок, а вот завтра надо уже в школу. Сказать, что Саша не хотел идти в школу, было бы неправдой. Просто ему было грустно, что кончилось лето. Он уже привык сидеть за книгами, ходить в библиотеку и гулять за посёлком, откуда каждый день приносил зелёные трофеи. Каждый день он делал два-три гербарных листа, а потом сидел над ними и с помощью определителя растений пытался самостоятельно узнать их настоящее имя. Определитель он тоже с помощью мамы выписал по межбиблиотечному абонементу. Плохо только, что долго задерживать эти книги не разрешалось, поэтому большую часть собранных растений он так и не определил

– Ладно, – решил он, – это не беда. Сергей Мстиславович говорил, что учительница по биологии поможет. А

если не поможет, тоже не беда. Зимой ещё раз определитель выпишу.

На этом он и успокоился. На первом же уроке биологии Анна Павловна попросила:

– Кто летом собирал гербарий, поднимите руку?

Подняли руки все девочки и Саша, больше ни один мальчик задание не выполнил.

– Я так и думала, – с сожалением в голосе сказала учительница. – А, может быть, кто-нибудь принёс гербарий на урок.

По классу прошёл шумок, оказывается, никто до этого не додумался, все ждали особого распоряжения.

– Я принёс, – отозвался Саша, встал из-за стола и начал доставать папку, в которой хранились гербарные листы.

– Посмотрим, посмотрим, что ты нам приготовил, – Анна Павловна просто не могла поверить, что Саша,

никогда не отличавшийся особым прилежанием, сможет сделать что-нибудь ценное или хотя бы сносное. — Доставай, доставай, нам всем интересно.

Наконец, Саша положил на стол папку, развязал тесёмки и вынул несколько листов бумаги. Анна Павловна взяла их в руки, посмотрела и долго молчала, потом недоверчиво спросила:

— А ты сам всё это сделал?

— Сам.

— А откуда тебе известно, как собирать и сушить растения, как оформлять гербарные листы, в конце концов, как заполнить гербарную этикетку? Ты что и до этого сам дошёл?

— Нет. Мне Сергей Мстиславович помог.

— Какой Сергей Мстиславович?

— Новиков, он профессор ботаники педагогического института.

— Да как же он помог тебе? — глаза Анны Павловны раскрывались всё шире и шире.

– А он со студентами у нас полевую практику проходил. У них палатки за посёлком стояли. Я там с ними и познакомился.

– Анна Павловна, – загалдели ребятишки, – а мы тоже палатки видели, думали это цыгане приехали или туристы какие.

– Тише, тише, ребята, не галдите. Сейчас я вам расскажу новый материал, а в конце урока мы посмотрим Сашин гербарий. Скажу только одно, я никогда ничего подобного не видела.

– А мне Сергей Мстиславович дал специальную брошюрку, она называется «Как собирать гербарий». Я всё сделал так, как в ней написано. И у меня получилось. Я только пять листов принёс, а у меня дома ещё осталось сто штук. Правда, я их не все определил, потому что определителя не было.

– Это не большая беда, – сказала Анна Павловна, – мы как-нибудь займёмся этим вместе.

Глава двенадцатая

С тех пор Сашу в классе стали звать «ботаником». И это не ребяташки придумали, а Анна Павловна. Она всегда говорила:

— А как там наш ботаник себя чувствует?

И вызывала его к доске. А уж потом это прозвище прилипло к нему намертво, и весь класс стал называть его так. Он ничуть не обижался на них, даже наоборот, ему это очень нравилось. И если кто-нибудь по старой памяти называл его Сашкой, то он чувствовал лёгкое разочарование.

Учёба давалась Саше легко. Родители, учителя да и одноклассники удивлялись его успехам. За три четверти он не получил ни единой четвёрки, не говоря уже о тройках. Особенно выделяла Сашу Анна Павловна. Она никогда не упускала возможность похвалить его. А однажды, это было в самом конце учебного года, возможно,

на последнем уроке биологии она попросила у ребят внимания:

— Друзья, — торжественно произнесла она, — я хочу спросить, кто из вас лучше всех знает биологию.

— Ботаник, — закричали все.

— Правильно, я тоже так думаю. Мало того, что он отличник, но он ещё подарил нашей школе свой чудесный гербарий, по которому мы можем теперь, не выходя из кабинета, изучать флору нашего края. Спасибо тебе, Саша. — Класс зааплодировал, а Анна Павловна продолжила, — но это не всё. Я хочу от себя и от всего класса сделать тебе, Саша, подарок. — Она достала из ящичка стола книгу и подала ему, — эта книга — определитель растений нашего края и написал её твой хороший знакомый...

— Сергей Мстиславович? — вырвалось у Сашки.

— Да, Сергей Мстиславович Новиков, профессор педагогического института. Я недавно была на встрече

выпускников и разговаривала с Сергеем Мстиславовичем. Он помнит тебя и передал тебе эту книгу. Смотри, не подведи его.

– Не подведу.

Глава тринадцатая

Прошло много времени: часов, дней, месяцев, лет. Саша успешно окончил десятый класс. Но с прозвищем «ботаник» так и не расстался. Он усиленно занимался биологией и теперь уже точно знал, что по окончании школы будет поступать в педагогический, на биофак. Нынешнее лето было последним, когда он мог посвятить каникулы своему любимому делу. В следующем году такой роскоши не будет. Придётся готовиться к вступительным экзаменам в институт.

А пока он едет в деревню, в гости к бабушке – маминой маме. Она живёт недалеко от города, на автобусе два часа езды. Саша уже бывал там, но только

зимой, на зимних каникулах. Тогда деревня ему не понравилась. Да и как она могла понравиться, если кроме снега на улице ничего не было, даже людей. То ли им там нечего было делать, то ли переделывали свои дела спозаранок, когда Саша ещё спал. От скуки он быстро засох и еле-еле дождался, когда приедет мама и заберёт домой.

А вот теперь он скуки не боится. В его в голове роятся, как пчёлы, интересные задумки и, чтобы их воплотить в жизнь, понадобится много сил и времени. Главное, что хочется сделать, собрать и описать как можно больше растений местной флоры. Это первейшая цель. Для этого он везёт с собой целую кипу бумаги, книги и инструмент, с которым будет ходить на ботанические экскурсии.

Автобус привёз пассажиров в Павловку, так называется бабушкина деревня, к обеду. Бабушка, как и представлял себе Саша, уже ждала его на остановке. Видно, мама подсуетилась.

Она всё ещё считает его маленьким. Наверное, ещё наказала, чтобы бабушка позвонила, когда он придет в деревню.

Обедали они вдвоём с бабушкой. Та напекла гору пирогов. Саша очень любил эти пироги, печёные в духовке, особенно со сладкой начинкой. Бабушка знала его слабость и постаралась на славу: пироги были с яблочным повидлом, с вишней и сушёной клубникой. Саша ел старательно, а бабушка, видя его усердие, всё подкладывала да подкладывала любимому внуку пирожки. На конец, Саша взмолился:

– Бабушка, спасибо, я наелся, больше места в животе нет.

– А ты постарайся, для одного пирожка место всегда найдётся. Я ведь не зря их пекла. Может, тебе не понравились?

– Понравились, ещё как понравились. Ты не бойся, я сейчас погуляю часок и тогда ещё налягу на них.

Саша вышел на улицу, походил по двору. Бабушка жила в своём доме, который много-много лет назад построил его дедушка. В этом доме родилась и выросла его мама, несколько лет назад нежданно-негаданно умер дедушка Павел, который, как рассказывала мать, нередко говаривал:

– Не бойсь, никакая холера меня не возьмёт.

Но и на него нашлась какая-то своя «холера», свалила, иссушила, отобрала все силы и, в конце концов, саму жизнь.

Конечно, это грустная история. Но для молодёжи такие истории кажутся не совсем реальными. Они вроде ветерка, который промчался мимо, растрепал волосы, но не причинил никакого вреда: поправил причёску и пошёл дальше. Ещё не наступило время, чтобы думать о смерти. Ясно, что оно наступит, но это ведь так не скоро, что кажется совершенно не реальной историей.

Саша присел на скамейку, которая стояла напротив крыльца под невысокой

яблонькой.

– Интересно, – подумал он, – что это я уселся, как старик. Вроде не за этим приехал.

Он решительно встал, вышел со двора и пошагал по улице, которая вела на окраину деревни.

Глава четырнадцатая

Саша вышел из деревни и медленно побрёл к видневшемуся неподалёку леску. Дорога, по которой он шёл, по всему видно, была давно заброшенной, потому что уже успела зарости травой. Он шёл, внимательно вглядываясь в растущие по обочинам растения. Узнав знакомое, он непременно здоровался с ним, как когда-то учил своих студентов Сергей Мстиславович.

– Здравствуй, подорожник большой, *Plantago major*.

Ему казалось, что движением своих широких листьев он ответил на

его приветствие.

А вот невядалеке от дороги цветёт другое знакомое растение.

– Приветствую тебя, крестовник весенний, *Senecio vernalis*.

Надо полагать, тому было очень приятно, что кто-то узнал его и даже назвал по имени и отчеству.

Как-то так в общении с друзьями-растениями Саша незаметно для себя добрёл до леска и только тут увидел, что по опушке бродит маленькая девочка не старше 10-11 лет и тоже внимательно смотрит себе под ноги, как будто ищет какую-то потерю.

– Наверное, деревенская, – подумал он и громко окликнул:

– Здравствуй, Маша!

А чтобы она не испугалась, широко улыбнулся.

Девочка повернулась к нему.

– А я вовсе не Маша, я Оля.

– А я Саша. Вот мы и познакомились. Ты что тут деньги собираешь?

– Нет, они на полянах не растут. Они растут на деревьях.

– Это точно, Я как-то забыл об этом. Но всё равно, ты же что-то ищешь?

– Ничего особенного. Я хочу найти красивые растения. Нам в школе на лето задали задание: сделать гербарий.

– Всё ясно, – Саша снова улыбнулся. Он узнал в этой девочке себя, когда давным-давно, как ему это казалось сейчас, он тоже начинал с этого. – Ты, скорее всего, перешла в шестой класс и вам дали задание принести в школу три гербарных листа. А ты, наверное, отличница и привыкла все задания выполнять добросовестно.

– Ох-ох, – покачала головой Оля, – ты прям как гадалка-угадалка, всё знаешь.

– Ничего я не знаю, просто и сам такое задание выполнял.

– А сейчас, ты что тут делаешь?

– Я тоже хочу собрать гербарий.

– А тебе зачем? Ты же вроде уже взрослый.

– А мне просто нравятся растения, хочу больше знать о них.

– Первый раз такого мальчика вижу. Мальчишкам всё больше машины, да оружие нравятся. А ты вон какой. Ты в деревне живёшь?

– Что видно?

– Вроде нет.

– Я из города, приехал на каникулы к бабушке. С завтрашнего дня буду каждый день приходить сюда. А ты тоже не деревенская?

– Тоже из города и тоже приехала к дедушке с бабушкой в гости. У меня есть деревенские, а есть ещё и городские дедушка с бабушкой.

– Везёт тебе, а у меня только одна бабушка – мамина мама. Дедушка умер, а папины мама и папа умерли ещё раньше. Я их ни разу не видел, вернее, видел, но только на фотокарточке. А ты в какой школе учишься?

– В 125-ой, а ты?

– В 24-ой. Это последний год будет.

– Счастливый, а мне ещё конца края не видать. А куда ты пойдёшь после школы?

– Хочу в пед, на биофак.

– Да-а-а? – удивлённо протянула Оля.

– А что тут удивительного, я хочу стать ботаником.

– Конечно ничего удивительного. Просто там работает мой дедушка, он тоже ботаник.

– Стой, стой, – с надеждой на чудесное совпадение воскликнул Саша, – а как зовут твоего дедушку?

– Дедушка Сергей.

– Сергей Мстиславович?

– Да. А ты что, знаешь его?

– Вот чудо, так чудо. Конечно, знаю. И он меня знает. Он мне даже книжку подарил, свой определитель. Если хочешь, я тебе завтра покажу?

– Конечно, хочу.

– А можно и сегодня. Пойдём домой вместе. Ты где живёшь?

– А вот на этой улице, – Оля

махнула рукой в ту сторону, откуда пришёл Саша.

– И я там. Пойдём, а гербарий будем собирать завтра. Я тебе помогу.

Глава пятнадцатая

– Бабушка, познакомься, это Оля.

– Ну удивил, я и сама знаю, что это Оля – профессорская внучка.

– Я ей хочу книжку показать, которую мне её дедушка подарил.

– Ох, Саша, Саша, вроде уже взрослый парень, а ума не нашёл. Не с книжки начинать надо, а с пирогов. Приглашай подругу за стол, а я сейчас чай поставлю.

– Ох и правда, – спохватился Саша, – сам наелся, и заботы о других нет. – Он засмеялся, – давай за стол. У бабушки не пирожки, а вкусняшки, таких в городе не купишь.

Оля стала отнекиваться:

– Спасибо, но я не хочу, меня моя бабушка тоже кормит, как на убой.

– Садись, садись, – Саша взял её за руку и повёл к столу. – Ты мою бабушку не бойся, она добрая.

– Я и не боюсь, потому что твою бабушку я хорошо знаю. Она дружит с моей бабушкой. Они с детства подружки. Они даже в школу вместе ходили, учились в одном классе.

А тут и бабушка вернулась с чайником. Минута и все уже сидели за столом и пили чай с пирожками и шоколадными конфетами. Бабушка тоже сидела с ними и подкладывала пирожки, приговаривая:

– Ешьте, дорогие мои, не стесняйтесь. Оля, давай тебе ещё чайку подолью. Что же ты, Саша, гостью не угощаешь?

Уже через несколько минут Саша с Олей взмолились:

– Бабушка, мы больше не можем есть. В нас уже не входит.

– Ну и ладно. Вот ещё по одному съешьте и всё. Занимайтесь своими делами.

А своих дел у них в общем-то и не было. Саша достал из рюкзака определитель и показал его Оле. Он раскрыл книгу, там твёрдой рукой было начертано: «Саше Федину от профессора Новикова С.М. Надеюсь, эта книга поможет тебе выбрать свой путь в жизни». И стояла дата и профессорская роспись.

– Точно, – обрадовалась Оля, – это дедушкина роспись, я сразу узнала.

– А ты, поди, не верила, думала, я сочиняю?

– Нет, не думала, просто мне хотелось на дедушкину книгу посмотреть. А у меня такая тоже есть и другие тоже. Они у меня в шкафу стоят. Я пробовала читать, но ничего не поняла. Мама говорит, что мне ещё рано такие книги читать.

– Моя мама тоже так думала и так говорила. Только я всё равно читал. Сначала прочитал все книги в нашей библиотеке по биологии. Мы тогда в посёлке Октябрьском жили. Потом

уговорил маму, чтобы она мне выписывала книги по МБА, это значит из областных библиотек. А однажды папа взял меня в город, – Саша вдруг прервал свой рассказ. – Может тебе не интересно?

– Интересно, рассказывай.

– Так вот, приехали мы в город. Папа говорит: «Мне надо по делам часа на два отлучиться. Ты в машине будешь сидеть или тебя куда-нибудь завезти, в кино, например?» А я ему: «Хочу в магазин, где книги по ботанике продают, есть такой?» Он говорит: «Есть. Называется «Академкнига». Вот мы с ним и договорились, что я его буду ждать там. Это был самый счастливый день в моей жизни, который мне подарил отец. Я, честно говоря, и не заметил, как пролетели эти два часа. Мне страшно повело, в тот день я приобрёл много книг, с которыми и сейчас не расстаюсь.

– А когда ты с дедушкой познакомился? И где?

– Давно. Я тогда только в шестой класс перешёл, как ты сейчас. И нам тоже надо было гербарий собрать. У нас рядом с посёлком растёт небольшой лесок, а рядом с ним огромные поляны. Там-то я и думал собрать какие-нибудь травинки. Приехал туда, а там студенты на полевой практике, а с ними твой дедушка. Вот там и познакомились. Он мне тогда подарил руководство по сбору растений и изготовлению гербария. А потом они мне помогли сделать этот гербарий.

– А когда он тебе определитель подарил?

– А тут всё сложнее вышло. Наша учительница по биологии была на встрече выпускников в институте, там встретила Сергея Мстиславовича. Он вспомнил меня и передал с ней определитель. А потом мы переехали в город, папу перевели туда на новую работу. Я всё время порывался зайти в пед, хотел встретиться с твоим дедушкой, да считал, неудобно как-то.

Времени-то уйма пролетела. Он уже, поди, и забыл меня.

– Дедушка не мог забыть, у него памяти на десятерых хватит.

Глава шестнадцатая

Незаметно пролетело лето, и вновь тихой сапой подкрался сентябрь. Как-то раз уже после того как улеглись суетные и хлопотные дни начала учебного года, Саша сидел за столом и приводил в порядок гербарные листы, которые он привёз из деревни от бабушки. Листов было много, среди них оказались и такие растения, названия которых Саша не смог определить. Не потому, что не захотел и отложил на потом, а потому что не сумел разобраться в тонкостях строения растений. Не хватило данных, а может быть, и простого умения получать их из того, что есть.

«А что если завтра съездить в институт, найти там Сергея Мстиславовича и попросить у него

помощи. А, может, лучше связаться с Олей, пусть она позвонит дедушке и договорится о его с ним встрече. Незваному идти не удобно».

Саша набрал Олин номер, и попросил её переговорить с дедушкой. Оля согласилась и вскоре перезвонила ему:

– Дедушка сказал, что завтра после обеда часа в три будет тебя ждать. Он попросил, чтобы ты захватил свой гербарий. Не весь, конечно, а сколько унесёшь. Он сказал, что будет ждать на кафедре.

– А где эта кафедра?

– Спросишь на вахте, тебе там всё объяснят. Я сама первый раз так искала.

Саша ещё немного поболтал с Олей, а когда положил трубку, задумался. «Что ни говори, а всё получается так, как рассказывал Сергей Мстиславович, когда он первый раз пошёл к профессору Быкову, чтобы показать свои рисунки. Я теперь, наверное, до завтра и уснуть не смогу».

К счастью его прогноз не оправдался. Спал он, на удивление, как младенец. Утром проснулся бодрым и даже весёлым. Даже мама заметила, что у него необычное приподнятое настроение.

– Ты сегодня с утра какой-то не такой, как будто тебе медаль дали.

– Медаль – это ерунда, бери повыше.

– Орден, что ли? – удивилась мама.

– И не орден. Я сегодня после школы иду в пединститут. Меня там профессор Новиков Сергей Мстиславович будет ждать. Он попросил принести мой гербарий. А ты – медаль.

Глава семнадцатая

Саша жил недалеко от института, всего каких-то шесть остановок на трамвае. Он нередко бывал тут, то проезжал, то проходил мимо, то просто гулял в институтском саду. Он всё время надеялся хоть мимолётом увидеть

Сергея Мстиславовича, но почему-то их пути-дороги ни разу не пересеклись.

Сегодня он вышел из дома пораньше и решил не ехать, а пойти пешком: подышать свежим воздухом и хоть немного унять волнение, которое не отпускает его с самого утра.

– Вот беда, – думал он, шагая в сторону института, – казалось бы, чего волноваться. Сергея Мстиславовича я знаю давно, он меня помнит, ничего плохого он мне не сделал и вряд ли сделает. Вот и Оля говорит, что дедушка Серёжа – лучший дедушка в мире. А ей он верит, потому что Оля хоть и маленькая, но товарищ надёжный.

Так, не торопясь, он дошагал до института. Сейчас он почему-то не думал о школе, о том, что надо учиться ещё целый год, а там сдать экзамен, а потом пережить ещё много всякой разной канители. Ему казалось, что всё это пролетит в одно мгновение, и он как-то сам собой окажется здесь, на биологическом факультете.

Вахтёр, пожилая женщина, даже не оторвала глаз от кроссворда, который лежал перед ней, только буркнула: «Второй этаж, 215-ая» и указала на лестницу. Вот и 215-ая. Саша постоял несколько мгновений перед высокой выкрашенной зелёной краской дверью, а потом решительно толкнул её. В небольшой комнатке сидела миловидная девушка и что-то отчаянно быстро писала на листе бумаги. Увидев Сашу, спросила:

– Ты к кому?

– Я к Сергею Мстиславовичу.

– Он приглашал?

– Да, к трём.

– Тогда посиди, – она указала на стул, – если он приглашал, значит к трём подойдёт. И она снова повисла над своей бумагой.

«Наверное, секретарша», – подумал Саша, положил гербарий на рядом стоящий стул, устроился поудобнее сам и приготовился ждать столько времени, сколько понадобится.

Однако долго сидеть не пришлось. Хлопнула входная дверь, Саша повернул голову и растерялся. Он долго ждал встречи с Сергеем Мстиславовичем, мечтал о ней, но вот, когда она, наконец, состоялась, он вскочил со стула и не знал что делать дальше. Он только смотрел на него, хлопал глазами и улыбался во весь рот. Со стороны это, может быть, выглядело несколько комично, но Сергей Мстиславович со стороны не смотрел. Он искренне обрадовался Саше, подошёл к нему, приобнял, потом немного отстранился, внимательно посмотрел на него:

– Да, дорогой друг, я тебя ни за что не узнал бы на улице, хотя гляжу и понимаю, ты почти не изменился, только вытянулся под потолок и возмужал. – Он тут же обратился к девушке, которую Саша принял за «секретаршу», – как тебе, Машенька, такой паренёк? Смотри внимательно – это будущий профессор ботаники.

Маша оторвалась от бумаг,

посмотрела внимательно на Сашу и развела руки, показывая всем видом, что такой профессор ей нравится.

— Я так и знал, — засмеялся профессор, — что он тебе понравится. Кстати, сегодня у вас будет интересная лекция. Такой ещё никогда не было. Ну тогда беги в аудиторию. Спасибо тебе за помощь. А с тобой, — он обратился к Саше, — мы сейчас посмотрим всё, что ты принёс. Итак, — он сел на стул, который освободила Маша, — придвигайся к столу, будем смотреть то, что ты наработал за это время. С чего начнём?

— С гербария.

Он положил на стол большую папку и стал доставать из неё гербарные листы. Сергей Мстиславович взял в руки первый лист, посмотрел на него и от удивления даже легонько присвистнул.

— Что-то не так? — с волнением спросил Саша. Ему показалось, что Сергей Мстиславович не одобрил его работу.

– Что тут не так, тут всё так, – воскликнул профессор, даже лучше, чем так. Я работаю в институте уже двадцать пять лет и подобного гербария не видел ни разу. Это же образец гербарного дела. Я буду просить тебя, хотя временно передать его во владение кафедры ботаники. Пусть наши студенты, глядя на него, учатся.

– Конечно, – я оставлю, – улыбаясь во весь рот, согласился Саша, – а это ничего, что я не все растения определил. У меня со злаковыми не всё получается.

– Со злаковыми и ещё с осоковыми у всех не получается. А как ты справляешься со сложноцветными?

– С теми, что растут у бабушки в деревне, справился.

– Молодец. А твои злаковые мы вместе определим. Кстати, тебе большое спасибо за внучку. Я, знаешь ли, всё время пытался обратить её внимание на ботанику. Только, увы, ничего не получалось. Она даже и слушать не хотела о такой науке. А вот тебе это

удалось за одно лето. Теперь и она бредит ботаникой. Спасибо, спасибо, – он остановил Сашину попытку умалить своё влияние на Олю, – ты и педагогом будешь хорошим.

– Сергей Мстиславович, мне как-то неудобно говорить, но я ещё хочу вас попросить. Я решил сделать свой определитель и уже подготовил ключи к семейству розоцветных, лютиковых, паслёновых и ещё некоторых. Может быть, вы посмотрите?

– Обязательно посмотрю. Но только не сегодня. Сейчас будет лекция у первокурсников, и мы пойдём туда вместе. Не забудь взять с собой гербарий.

Глава восемнадцатая

Аудитория, где уже собрались первокурсники, Сашу впечатлила. Во-первых, своими громадными размерами, во-вторых, своей простотой обстановки. Здесь не было ничего лишнего: кафедра

преподавателя, столы для слушателей, расположенные амфитеатром, как сиденья в кинотеатре, и мониторы, подвешенные к потолку на длинных ножках, что позволяло смотреть в них, не задирая голову.

Когда Сергей Мстиславович с Сашей вошли в аудиторию, студенты, как обычные ученики, встали, приветствуя преподавателя.

– Здравствуйте, дорогие друзья, – поздоровался Сергей Мстиславович, – усаживайтесь. Сегодня я обещаю вам необычную лекцию, хотя тема её самая обычная «Гербаризация растений». Начнём с того, что вот этот молодой человек, которого зовут Александр, раздаст вам листы гербария. В этом и заключается вся изюминка. Этот гербарий именной. Он сам собрал растения, определил их названия, высушил и смонтировал на бумагу. Кроме всего прочего, он снабдил каждый гербарный лист профессионально выполненной

этикеткой. А теперь, – он обратился к Саше, – я попрошу тебя, раздать гербарий студентам.

Саша несколько смущённый таким поворотом дела пошёл по рядам, а Сергей Мстиславович продолжил:

– Вы, пожалуйста, рассматривайте Сашину работу внимательней, а пока, суть да дело, я расскажу немного о нём.

– В тот год мы с первокурсниками, как это обычно бывает в конце последнего семестра, прибыли на учебно-полевую практику в район посёлка «Октябрьский», где в то время Саша проживал с родителями. Он тогда перешёл в шестой класс, а вы, наверное, помните, что каждый шестиклассник должен был принести на урок биологии несколько гербарных листов. Вот Саша и пошёл в поход за растениями, а там встретился с нами. Эта встреча, как я понял, и как вы сейчас поймёте, перевернула всю его жизнь. Он собрал не три растения, а целую сотню и оформил свой гербарий так, что не

каждый профессор сможет так сделать. Я, скорее всего, так аккуратно, соблюдая до мелочей все правила изготовления гербария, не смог бы. А потому я хочу, чтобы Александр сам рассказал, как у него всё это получается. Иди сюда, – он поманил Сашу, – становись за кафедру, да ничего не бойся, я буду рядом.

Этого Саша, конечно, не ожидал. Он всегда немного стеснялся выступать перед людьми, даже перед одноклассниками. А тут вдруг, без подготовки, перед такой огромной аудиторией. У него задрожали ноги, перехватило горло, а лицо предательски побагровело.

– Не бойся ничего, – ещё раз попросил его Сергей Мстиславович, – ребята, – он обратился к студентам, – давайте поддержим начинающего учёного аплодисментами.

Студенты поднялись на ноги и радостно захлопали в ладоши. Ещё бы, такое бывает не часто. Аплодисменты немного успокоили Сашу. Он посмотрел

на Сергея Мстиславовича:

– А что надо говорить?

Сергей Мстиславович склонился к его уху и прошептал:

– Говори, что хочешь, сегодня ты у нас самый главный.

Саша, испугавшийся вначале, вдруг понял, что он не посторонний человек, что его слова ждут ребята, которые всего-то старше его на один год. Ко всему прочему, он, хоть и моложе, но знает больше их, и рассказать может о том, в чём для него уже давно секретов нет, а им ещё предстоит учиться и учиться.

И он начал рассказывать о том, как он познакомился со студентами, с Сергеем Мстиславовичем, как они помогли ему собрать первый гербарий, и как ему это занятие понравилось, а так же о том, как ему вдруг захотелось учиться, причём по всем предметам.

– Так я и стал «ботаником». В классе меня только так и зовут, но я не обижаюсь. Мне даже нравится. Это,

конечно, прозвище, но оно, как мне кажется, не унижает человека.

А потом Саша стал обстоятельно рассказывать, как надо собирать растения, не уничтожая их, не нанося вред природе.

– Обратите внимание, друзья, – обратился Сергей Мстиславович к аудитории, на минутку прервав Сашу, – и возьмите это себе на заметку. Самое главное, не навредить природе. Есть растения, которых на земле остались считанные экземпляры, на них дышать нельзя не то, что собирать для гербария. Я внимательно просмотрел Сашин гербарий, в нём нет ни одного краснокнижного растения. Запомните это и в будущем последуйте его примеру.

Занятие длилось долго. Саша хорошо владел темой и потому рассказывал интересно. Вообще, когда человек говорит на интересующую его тему, он становится интересным для слушателей и собеседников. Сергей

Мстиславович время от времени помогал ему, направляя мысль в нужное русло.

По окончании урока студенты долго с энтузиазмом аплодировали Саше. Придя домой, он что-то рассказывал маме, а в ушах всё время раздавался звук громких аплодисментов, адресованных ему. И даже, когда он лёг спать, этот долгий и приятный шум ничуть не мешал ему уснуть и видеть сон, в котором он вместе с Олей гуляет на огромной, усыпанной цветами поляне. А Оля, уже взрослая девушка, время от времени подбегает к нему, протягивает цветок и спрашивает:

— Товарищ профессор, а этот цветок как называется?

— Фиалка, — говорит Саша, хотя понимает, что это никакая не фиалка, а обыкновенная ромашка.

— А этот? — она показывает ему другой цветок.

— И это фиалка.

Ольга смеётся, она знает, что Саша шутит. Саша смеётся тоже, радуясь, что

шутка удалась.

– А вообще-то на этой поляне есть другие цветы?

– На этой поляне нет. Но когда-нибудь я найду цветок, у которого ещё нет имени, я назову его Ольгия в честь тебя.

Утром Саша не мог вспомнить свой сон. Шум аплодисментов в его ушах уже давно затих, но в памяти почему-то зазвучало неизвестно откуда взявшееся новое слово «Ольгия».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
кота Васьки, его Хозяйки и их друзей
продолжаются,
или
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Сказка

Глава первая,
с которой начинается новая сказка

— Хозяюшка милая, внученька, просыпайся, вставай, — бабушка Лена склонилась над Хозяйкой и легонько потрепала её за плечо.

Хозяйка что-то пробормотала в ответ и недовольно натянула одеяло на голову.

— Не прячься, — засмеялась бабушка, — вставай, посмотри, кто к нам приехал.

Хозяйка с трудом раскрыла заспанные глаза, нехотя взглянула на стоящую в дверях женщину и вдруг, забыв про сон и своё недовольство, резко подпрыгнула в кровати, соскочила с неё, чуть не опрокинув бабушку, кинулась улыбающейся женщине на шею.

— Мама, мама, — закричала Хозяйка, обнимая её и целуя в нос и губы, — Мама приехала!

Мама, молодая красивая женщина, плакала от счастья и тоже целовала дочку. Бабушка Лена стояла в уголке комнаты и вытирала глаза цветастым передником. И только кот Васька не обращал внимания на эти женские ничего незначащие, по его мнению, слёзы.

Рассуждал он, конечно, правильно. Ну стоит ли реветь, разводить мокроту, когда нет никакого горя, а есть только радость. По-доброму, надо скакать до потолка, петь песни и угощать гостей чем-нибудь вкусным и полезным для

организма: сметаной, например, колбасой, котлетами.

К несчастью, Васька не умел говорить, поэтому высказать своё мнение ему не удалось. Спасибо, хоть бабушка Лена оказалась умной старушкой. Она повела всех на кухню и стала угощать и гостей, и хозяев всякой вкуснятиной.

Васька получил всё, что ему причиталось, после чего снова отправился в спальню и улёгся на Хозяйкину кровать. «После еды, – считал он, – лучшее занятие – поспать в тёплой и мягкой постели».

А женщины остались на кухне пить чай и вести никому не нужные разговоры. Мама рассказывала, как она с Хозяйкиным папой три года работала в госпитале одного латиноамериканского государства, как они скучали по Родине, родне и в особенности по маленькой Хозяйке.

Затем бабушка доложила о том, как они жили в деревне, как Хозяйка

училась, помогала ей по хозяйству. А Хозяйка ничего не говорила, а просто счастливо улыбалась и прижималась к самому родному человеку – маме. Она слушала разговоры старших, не вникая в их суть, счастье переполняло её и ей так хотелось, как это обычно делает кот Васька, замурлыкать, чтобы все поняли, насколько она довольна жизнью.

Наконец мама встала из-за стола, поблагодарила бабушку и сказала Хозяйке:

– Всё, доченька, нам пора собираться, мы сейчас поедem домой в город, скоро за нами приедет папа.

Бабушка Лена тоже подскочила, заохала, заахала, запричитала, да погостите, мол, да не торопитесь, да отдохните.

– Что ты, мама, принялась успокаивать её дочь, – нам отдыхать некогда, Коле уже завтра надо быть на работе, а мне через два дня. И по Хозяйке мы соскучились, пусть с нами поживёт. Ей тоже скоро в школу идти.

– Ох, беда, ох, беда, пойду хоть продукты какие приготовлю, сумки соберу.

– Мама, – воскликнула Хозяйкина мама, – нам ничего не надо, у нас всё есть.

– То, что у вас есть, – отозвалась бабушка Лена, – у нормальных людей даже черви есть не будут.

Пока взрослые выясняли отношения, Хозяйка занялась своими делами. Она достала самую большую сумку и стала наполнять её нужными и не очень нужными вещами. Мы ведь редко задумываемся, нужна та или иная вещь, мы просто кидаем её в чемодан или сумку.

– А, – говорим мы обычно, – полежи, потом разберёмся.

Хозяйка не была исключением. Она кидала в сумку всё, что имело к ней хоть какое-то отношение.

– Вот, – говорила она, укладывая в сумку вещь за вещью, – сапоги, вот книжка, вот платье, вот не знаю что,

вот... А что это вот? Ишь ты палочка, похожа на указку. Бог с ней, пусть и она полежит в сумке. Может, пригодится.

Так она собиралась и собиралась, пока в комнату не вошла мама.

– Хозяюшка, ты готова?

– Готова, мамочка.

А тут уже подъехал папа, и все начали вновь целоваться, кто за встречу, кто за расставание. Папа ухватился за сумки, мама стала что-то объяснять бабушке. Они суетились, пытались что-то втолковать друг другу, и все смеялись и плакали. Хозяйкины родители успокаивали бабушку, что, впрочем, не совсем у них получалось. Хозяюшка слушала их, пока не надоело, потом перебила всех и громко сказала:

– Никуда без Васьки я от бабушки Лены не поеду. Где я буду жить, там и Васька. А если вам не нравится, то, где будет жить Васька, там буду и я.

Смолкнувший на минуту гул родительских голосов, снова оживился.

– Зачем нам в городской квартире нужен кот? – возмутилась Хозяйкина мама.

– А как я буду жить без Васьки? – возмутилась бабушка.

– А вы не спорьте, – спокойно рассудила Хозяйка, – вы ведь любите меня, и знаете, что без Васьки я ни туда и ни сюда.

Мама очень любила Хозяйку, а бабушка ещё больше, поэтому отказать ей в маленькой ничего не значащей просьбе они никак не могли. А потому среди вещей в машине Васька с большой радостью уселся на коленях Хозяйки и всю дорогу пел ей весёлые песни.

Глава вторая,
*в которой кот Васька
превращается в говорящего кота*

В городе пришлось делать то же, что и в деревне, только наоборот. Там вещи упаковывали и рассовывали по сумкам, здесь же их стали

распаковывать и раскладывать по своим местам. У Хозяйки была своя комната, поэтому свои сумки она распаковывала сама. Кот Васька на новом месте вёл себя, как показалось Хозяйке, не адекватно: сначала он обошёл все углы, потом проверил все возможные места для лежанки, потом плюнул на всё и забрался на Хозяйкину кровать. Мягче и удобнее места он не нашёл во всей комнате.

Пока Васька дремал, Хозяйка раскладывала вещи из сумок на свои места. Книги – в шкаф, карандаши – в стол, палочка, похожая на указку... Интересно, а куда эту палочку? Хозяйка думала, да ничего не придумала, а потом решила отправить её в коробку для игрушек.

– Пусть эта палочка будет волшебной, когда я буду играть с куклами.

В это время в комнату вошла её мама:

– Хозяюшка я хочу подарить тебе гномиков. Когда мы с папой были в Швейцарии, их подарили нам наши друзья. А они купили их где-то в далёкой стране. Я уже и не помню, в какой.

Гномики были так искусно сделаны, что казались живыми. Один из них старенький, словно дед, с длинной до пояса бородой, другой молоденький, совсем ещё ребёнок, сидел у старика на руках, крепко прижавшись к нему. Одеты они одинаково в длинные синие кафтаны с большими блестящими пуговицами и серые брюки. На ногах старинные лапти, а на голове – высокие остроконечные шляпы: у старика с колокольчиком на верхушке, у малыша – с соской-пустышкой. Из чего они были сделаны, Хозяйка так и не поняла: то ли из глины, то ли из меди, то ли неизвестно из чего.

Гномики Хозяйке понравились, да и как они могли не понравиться, если их подарила мама, которая три года была

где-то за границей так далеко, что и в подзорную трубу не увидишь, только в письмах бабушке она писала, что очень скучает по своей дочке, просила обязательно поцеловать её. Бабушка неизменно выполняла эту просьбу и ещё добавляла от себя два или три поцелуя.

К вечеру в квартире все успокоились. После ужина папа сел ближе к телевизору, мама, наоборот, отодвинулась подальше и взяла в руки какой-то журнал с цветными картинками, Васька растянулся на Хозяйкиной кровати, прикрыл глаза и собрался вздремнуть. И только Хозяйка ходила из угла в угол, пытаясь найти хоть какое-нибудь интересное занятие для себя. Занятия, конечно, находились, но те, которые находились, не очень интересовали Хозяйку. Наконец, безделье надоело, и она отправилась в свою комнату.

— Послушай, Вася, мне кажется, ты рано укладываешься спать. Давай лучше

поиграем. Плохо, что ты даже разговаривать не умеешь, всё молчишь и молчишь. А я должна и за себя говорить и за тебя. Так, не спорь, будем играть в волшебницу. Волшебницей, конечно, буду я. А ты будешь превращаться в разных зверей и пугать злых колдунов.

Хозяйка покопалась в игрушках, нашла палочку, похожую на указку.

– Это, Вася, будет волшебная палочка. Я сейчас надену волшебный костюм и займусь тобой.

Хозяйка вытащила из гардероба какие-то тряпки, обмоталась ими и стала похожей, скорее, не на волшебницу, а на бабу Ягу. Но это вовсе не смутило её.

– Так, Вася, вставай, – она потрепала кота по загривку, и когда тот нехотя приподнялся на своих пушистых лапах, взмахнула палочкой и торжественно произнесла, – хочу, чтобы кот Вася превратился в говорящего кота. Она ещё несколько раз взмахнула

палочкой над котом да так энергично, что чуть не столкнула его с кровати.

– Ты чего толкаешься? – заверещал обиженный кот, тебе что, в комнате места мало? Вот всегда так, ей игрушки, а нормальному животному отдохнуть нигде.

Хозяйка от неожиданности выпучила глаза. Она никак не ожидала, что её игра окажется волшебной действительностью. Палочка выпала из рук и покатилась под кровать, Хозяйка не обратила на это никакого внимания. Она немного пришла в себя, схватила кота, прижала его к груди и завизжала от счастья.

На визг прибежала испуганная мама:

– Что с тобой, дочка, что случилось?

– Ничего, мама, это мы с Васькой играем.

– Он не поцарапал тебя?

– Нет, мама, он добрый.

Глава третья,
*в которой Хозяйка и Васька ведут
интересные разговоры и встречают
гостя – Шарика*

– Ох, Вася, теперь мы с тобой заживём. Можем болтать хоть днём, хоть ночью. И как так у меня получилось, не знаешь?

– А что тут знать, – фыркнул в ответ кот, – у тебя ведь в руках палочка-превращалочка.

– Какая палочка-превращалочка? – удивилась Хозяйка, – не знаю я никаких палочек-превращалочек.

– Не заливай, Хозяйка, – съязвил Васька, – я, значит, знаю, а она нет.

– Правда, Вася, честное слово я не знаю.

– Эх, горе, такая молодая девочка, а ничего не помнит. Ну, слушай тогда. Эту палочку тебе подарила баба Яга, когда мы искали Злыдня со Злодейкой. Правда, она была немного неисправной, превращала в одну сторону. Я например,

с помощью этой палочки превратился в воробья, а вот обратно в коту она меня не превратила. Хорошо, что нашлась вторая, мы её забрали у Злодейки, а то я бы до сих пор летал по садам и огородам. Ну что, вспомнила?

– Ой, Васенька, не совсем, что-то смутно припоминаю. – Она ненадолго приумолкла, – а мы нашли эту Злодейку?

– Конечно нашли.

– А где она сейчас?

– Как где? В деревне осталась, ты же сама её от злодейства вылечила. Она стала нормальной женщиной. Жалоб на неё не слышно было.

– Да, – в задумчивости проговорила Хозяйка, – вот ты всё помнишь, а я ничего. Почему бы это?

– А тут и думать не надо. У тебя девичья память, тебе и не обязательно запоминать что-нибудь серьёзное. Для этого я у тебя есть. Мне, что в голову попадает, то навсегда там и остаётся.

– Эх, Васька, тебе бы вместо меня в школу. Тебе даже учебники бы не пона -

добились.

– Вот тут ты как никогда права. То, что надо знать коту, я и так знаю. А от твоих учебников у меня только одна бестолковость в голове. Ни в одном из них не написано, как правильно мышей ловить, когда и с какой силой мурлыкать, как спину со сна прогибать. Ты думаешь, это пустяки? Ничего подобного, такие вещи испокон веков по наследству передаются. Мой дед Тимоха был умным котом, трёх хозяев пережил, и отец Барон на три переулка умом блистал. И я не из последних, много чего повидал и пережил, думаю, ты этого отрицать не будешь?

– Ну, конечно, Васенька, я прекрасно знаю, что ты самый умный кот в округе. Да что там в округе, на самом деле говорящих котов во всём мире можно по пальцем пересчитать. Я не преувеличиваю, Вася?

– Не преувеличиваешь. А хочешь знать, кто волшебное кольцо нашёл?

– Какое кольцо?

– Какое, какое, братца Апреля, то самое, что Злодейка у тебя украла.

– Ой, Вася, я ничего не помню.

– Вот и зря. Не буду хвастать, но без меня дело не сдвинулось бы с места. Но ты не волнуйся, я, по мере надобности, буду тебе напоминать, что раньше происходило. Мне интересно было бы узнать, а Шарик тоже ничего не помнит или хоть что-то задержалось в его бестолковой голове.

– Ну что ты, Вася, Шарика обижаешь?

– А как же его не обижать, если по его милости мы в Африку к доктору Айболиту, считай, пешком протопали. Он, видишь ли, пошутил, а мы из-за него таким смертельным опасностям подвергались.

– Васенька, но ведь, когда мы из деревни уезжали, вы с Шариком целовались на прощание.

– Конечно, целовались. Мы ведь с ним друзья. Ты, наверное, не помнишь, как мы на север ходили. Если бы не

Шарик, я бы замёрз в снегу. Разве такое можно забыть? Нет, Хозяйка, друг он и есть друг. Хороший друг не бросит в беде и не забудет позвать на день рождения. Так что ты имей это в виду.

— Хорошо с тобой, Вася. А что мы дальше будем делать с этой палочкой?

— Можно ничего, а можно ещё кого-нибудь превратить. Всё от нас с тобой зависит. Нам указчики не нужны.

— А ты бы кого хотел превратить, а главное, в кого?

— Можно и не превращать, можно оживить. — Васька посмотрел по сторонам, — а хотя бы вот этих гномиков. Возьми и преврати их в живых человечков. Не знаю, оживут ли они, но если оживут, то с ними интересно будет поболтать. Они ведь весь белый свет проехали, много чего видели.

— А ты думаешь, Вася, что они по-нашему говорить будут. Они же гномы, значит, и язык у них должен быть гномичий, или гномный, или гномий.

Что-то я запуталась. А ты, Вася, как думаешь?

– Что тут думать, превращай, а там посмотрим, не смогут на русском разговаривать, пусть молчат или иностранный, то есть, наш учат. Я вот могу и на русском, и на кошащем, я даже и общезвериный язык знаю.

– А что, давай попробуем, – обрадовалась Хозяйка, – сейчас мы вас, мальчуганы, на стол поставим и оживлять будем.

Никто сейчас не скажет, почему Хозяйка назвала их мальчуганами, то ли потому что они были маленького роста, то ли просто оговорила. Васька по этому поводу возразил ей:

– Никакие это не мальчуганы, скорее всего, эти гномики – дедушка и его крохотный внучек.

Хозяйка уже подняла с пола палочку-превращалочку, уже взмахнула ей, но тут из комнаты послышался мамин голос:

— Хозяйка, иди-ка сюда, у нас новость.

Хозяйка как послушная девочка оставила игрушки и побежала на мамин зов.

— Что-нибудь случилось, мама? — задала она естественный вопрос, потому что ей и в голову не могло бы прийти, что по вечерам могут появляться новости. Но оказывается, она ошибалась. Мама казалась немного озабоченной, но в то же время загадочно улыбалась.

— У меня две новости, — сказала она, подхватив дочку на руки.

— Какие же? — в тон ей ответила Хозяйка, не сделав даже малейшей попытки вырваться из маминых рук. Вообще-то надо быть совсем бестолковым ребёнком, чтобы отбиваться от маминых объятий.

— Первая новость. Завтра приедет бабушка Лена.

— Ура! — закричала обрадованная Хозяйка.

– Не спеши, – оборвала дочкину радость мама. – Она не в гости приедет, а в больницу, ей будут делать операцию, восстанавливать зрение.

– А-а-а, – разочарованно протянула Хозяйка, – а я думала, бабушка с нами поживёт.

– Поживёт, конечно, не волнуйся. После операции мы её в деревню не отпустим. Там работы много, а ей любые нагрузки будут противопоказаны.

– А ты говорила, что у тебя две новости.

– Да, вторая новость касается в первую очередь тебя. Бабушка приедет не одна. Она привезёт с собой Шарика. Он, пока бабушка будет лечиться, поживёт у нас.

– Ура! – снова закричала Хозяйка, – вот здорово, так здорово. Он будет в моей комнате жить, я сама буду за ним ухаживать.

– Молодец, Хозяюшка, я тебя и хотела попросить об этом. А то бабушке

будет нельзя с ним возиться, а мы с твоим папой целыми днями на работе.

– Не беспокойся, мама, мне Васька помогать будет.

Тут она выскользнула из маминых объятий и помчалась в свою комнату, крича на ходу:

– Вася, Вася, у нас новость. Завтра к нам приезжает Шарик. Вот здорово. Он будет жить у нас долго-предолго.

– Ну чего ты шумишь, как оглашенная? Смотри-ка новость, Шарик приедет. Ему бы только по городам кататься, нет бы, сидел дома да лаял на прохожих.

– Ну, Вася, тут ты не прав, – обиделась Хозяйка, – Шарик – наш лучший друг. Он и меня и тебя любит. Да ты, наверное, ревнуешь? – догадалась Хозяйка.

– Ещё чего, – недовольно проворчал кот, – просто теперь в комнате места меньше будет, а шума и забот больше. Хорошо бы его на балконе поместить.

– Ты что, Васька, совсем заелся, а если тебя на балкон?

– Меня нельзя, я домашний кот.

– Хватит ворчать, домашний кот, иди-ка лучше укладывайся спать, а то завтра мы тебе с Шариком не дадим весь день валяться на диване.

– Я в этом и не сомневался, – проворчал напоследок Васька, и скорчив обиженную мордочку отправился спать прямиком на Хозяйкину кровать.

Глава четвёртая, *в которой Шарик тоже становится* *говорящим*

Утро выдалось суматошным. Хозяйкины мама с папой должны были успеть на работу, отпроситься там, а потом поехать на автовокзал, чтобы встретить бабушку. Хозяйка тоже собиралась с ними, но папа сказал, что это дело долгое, поэтому ребёнку лучше остаться дома. Хозяйка вначале хотела обидеться, но потом успокоилась,

потому что мама дала ей поручение: сходить в магазин и купить корм для Шарика.

Пока она ходила в магазин, выбирала собачий корм, наводила порядок в своей комнате, приехали мама с папой и привезли бабушку Лену и Шарика. Бабушка вошла в квартиру тихонечко, бочком, зато Шарик ворвался в прихожую с бесшабашным лаем и визгом. Он радостно скакал вокруг Хозяйки, прыгал и пытался лизнуть её губы. Та тоже запрыгала, стараясь увернуться от него. Шум усилился, и мама была вынуждена отправить эту восторженную пару в Хозяйкину комнату.

– Иди, – приказала она дочери, – успокойтесь там и приходи поздороваться с бабушкой. А то мы сейчас повезём её в больницу. Там уже ждут нас.

Хозяйка затолкнула Шарика в свою комнату:

– Посиди здесь с Васькой, а то мне некогда, – и побежала целоваться с бабушкой. Она очень любила мамину маму и всегда была рада встрече с ней.

Но вскоре родители и бабушка снова уехали и Хозяйка пошла в свою комнату, где её уже заждались Васька и Шарик.

– Ну, как ваши дела, ребята, пообщались?

Шарик снова запрыгал вокруг Хозяйки, а Васька обиженно протянул:

– Пообщаешься с ним, как же. Он только и знает, что прыгает, как дурачок, да хвостом виляет. Балбес балбесом. Ты бы хоть разговаривать его научила, да отмыла в ванне, а то он там в своей деревне, поди, никакую гигиену не соблюдал. А, может, от соседских собак и блох нахватался.

– Ох, Вася, Вася, сам-то давно ли из деревни? Ведёшь ты себя не правильно, – с укоризной сказала коту Хозяйка. – Но всё-таки послушала его и повела Шарика в ванную комнату.

Вернулся оттуда Шарик чистеньким. Хозяйка расчесала его и высушила маминым феном. Васька посмотрел на него и одобрил, важно кивнув головой:

– Вот теперь другое дело, видно, что ухоженная собака. Ты его теперь говорить научи.

– Научу, не волнуйся.

Хозяйка взяла палочку-превращалочку, взмахнула ей над головой Шарика и произнесла:

– Хочу, чтобы Шарик превратился в говорящую собаку, – и тут же окликнула собаку, – Шарик!

Шарик хотел было по привычке радостно пролаять в ответ, но из его улыбающейся пасти неожиданно для него самого вырвалось:

– Что, Хозяйка?

– Пока ничего. Это обычная проверка. Теперь и ты можешь разговаривать по-человечески хоть со мной, хоть с Васей.

– Это здорово обрадовался Шарик, – а то я всё понимал, а сказать ничего не мог. Вон Вася ворчал на меня не по делу, а я должен был только прыгать да вилять хвостом.

Глава пятая,
*в которой статуэтки превращаются
в настоящих гномиков*

Кот Васька развалился на Хозяйкиной кровати, чувствует себя хозяином. Шарик тоже мог бы валяться рядом с Васькой, но он лежит на прикроватном коврикe. Он всё ещё не может привыкнуть к мысли, что он теперь тоже городской житель, свободное животное, не стеснённое длинной цепи. Они лежат и разговаривают о том, о другом, а по сути ни о чём. Хозяйка сидит за столом, читает книгу и старается не слушать их болтовню.

Неожиданно Васька подскочил в кровати, стукнул себя лапой по голове

и закричал:

– Хозяйка, мы же с тобой всё забыли!

Хозяйка от неожиданности тоже подпрыгнула на стуле:

– Ты что, Вася, с ума спятил, кричишь, будто тебя режут. Тебя Шарик укусил что ли?

– Никто меня не кусал. Мы вот с тобой сидим, ерундой занимаемся: я Шарика развлекаю, а ты никому не нужные книжечки почитываешь.

– А что тебе не нравится? Ну, давай я буду Шарика развлекать, а ты иди книжку читай.

– Не сердись, – примиряюще заговорил кот, – я же не об этом. Помнишь, мы с тобой собирались гномиков оживить. А потом и забыли. Давай попробуем, пока время есть.

– Ой и правда. Я совсем забыла о них. Сейчас попробуем.

– А что это такое? – с интересом спросил Шарик у Васьки.

– Ничего особенного, – важно ответил тот. – Мы с Хозяйкой хотели вон те статуэтки, – он указал лапой на стоящих в шкафу гномиков, – оживить, чтобы с ними можно было разговаривать, как с тобой.

– А это не опасно? – засомневался Шарик.

– Ну что ты, – съехидничал кот, – с тобой не опасно.

А Хозяйка уже достала гномиков, поставила их на стол и полезла в тумбочку за палочкой-превращалочкой. Кот запрыгнул на стол и уселся на нём так, чтобы всё Хозяйкино действие получше рассмотреть.

Шарик тоже подошёл к столу, но сомнение, видимо, не покинуло его:

– Хозяйка, а может не надо их превращать. Пусть стоят в шкафу. От них ведь ни вреда, ни пользы.

– Ну ты и трусливый, Шарик, даже не похож на собаку, – возмутился Васька, – если боишься выйди в коридор и сиди там.

– И ничего я не боюсь, я за Хозяйку тревожусь. Нам-то с тобой ничего не будет, а у неё такой шкуры, как у нас нет, вдруг нападут на неё и покусают.

Хозяйка, слушая их разговор, рассмеялась;

– Не волнуйся, у меня ведь в руках палочка-превращалочка, я могу в любой момент их опять в статуэтки превратить.

Она подошла к столу, взмахнула палочкой:

– Хочу, чтобы эти две фигурки превратились в живых гномиков.

Три пары живых любопытных глаз пристально всматривались в гномиков, нетерпеливо ожидая результатов Хозяйкиного волшебства. Наконец те захлопали глазами, завертели головами, задвигали руками и ногами. Они ожили, что было для них скорее всего чем-то страшным и неожиданным, потому что младший гномик тут же заревел во весь свой писклявый голос, а старший втянул голову в плечи, как бы ожидая, что его

сейчас начнут бить или пытаться калёным железом.

– Эй-эй, – кот Васька потрогал мягкой лапкой старшего гномика, – вы чего тут разревелись, вас ведь никто не обижает и не собирается обижать?

– Это правда? – к радости присутствующих гномик заговорил по-русски. – А я подумал, что вы с Бугадубом заодно.

– С каким таким Бугадубом? – в один голос спросили его друзья.

– С тем, который превратил нас в статуэтки.

– Стойте, ребята, стойте, прервала разговор Хозяйка, – сейчас гномики успокоятся, я их накормлю обедом, а потом они расскажут нам обо всём, что с ними произошло.

Глава шестая,
*в которой Хозяйка, Васька и Шарик
знакомятся с гномами*

На аппетит гномики не жаловались, уплетали всё, что им

подкладывала Хозяйка. Васька даже позавидовал, глядя на них. Хотя делать этого, по-доброму, было не надо. Ведь гномики не ели много и много дней, а сам Васька обедал на дню по несколько раз. Но, наконец, и они наелись. Видно было, как они повеселели и уже начали разговаривать между собой. Всего удивительней в этой истории было то, что они разговаривали на нашем языке. Хозяйка очень удивилась этому, но на её вопрос старший гномик ответил, что гномы разговаривают на всех языках мира. Это у них врождённая способность, поэтому изучать иностранные языки им без надобности.

— Вот здорово, — восхитилась Хозяйка, — нам бы так!

— Ты, Хозяйка, опять не с того начинаешь, — важно указал на её непоследовательность Васька, — гостей мы накормили, теперь надо бы познакомиться. — Он повернулся к гномикам и не менее важно продолжил, — меня, например, зовут Василием, а эту

собачку Шариком, а девочка, которая вас кормила, — Хозяйка. — Он вопросительно заглянул в лицо старшему гостю.

— Я — Бер, а он — Еке, — ответил старший гном, — и указал рукой на малыша. — Это мой внук.

— Очень приятно, — вежливо-превежливо проговорила Хозяйка да так, что Васька даже поморщился от такой вежливости, но тем не менее добавил:

— Мне тоже. Думаю, и Шарiku приятно.

— Ещё бы, — скромно ответил тот.

Компания немного помолчала, но не потому, что ей не о чем было разговаривать, а потому, что хозяева не знали, как попросить гостей рассказать свою историю Кто и как превратил их в статуэтки, где они жили, чем занимались? Вопросов много, но задавать их сразу же после таких событий было, по крайней мере, не тактично. Даже Васька понимал это, хотя, по правде говоря, он никогда не

страдал от скромности и ненужной щепетильности. Но в данном случае он сидел и вместе с остальными ждал, когда гномы заговорят первыми.

И правда, первым заговорил маленький гномик:.

– Дедушка, я домой хочу, к маме. Пойдём отсюда.

– Потерпи немного. Сейчас мы кое-что разузнаем и сразу же пойдём домой. Вы простите, – это он обратился то ли к Хозяйке, то ли к Ваське, то ли ко всем сразу, – вы простите, – повторил он, – вы не скажете, где мы находимся сейчас?

– Конечно скажем, – первым отозвался кот, – вы находитесь у нас в гостях. Я считаю, вам сильно повезло. Если бы не Хозяйка, вы могли бы стоять в шкафу ещё лет сто, пока бы не состарились и вас не выкинули бы на помойку.

– Ну что ты говоришь, Вася? Не слушайте его, он просто пошутил, – кинулась успокаивать забеспокоившихся гномиков Хозяйка. – Наш Вася большой

шутник, — и уже обращаясь к коту добавила, — если ты будешь себя вести недостаточно культурно, я тебя превращу в обычного дворового кота и ты сам будешь лазать по помойкам.

— Ну что ты так накинулась на меня, прямо уж и слово сказать нельзя. — Васька отвернулся, слез со стола и занял свою любимую позу на кровати. — Разбирайтесь без меня, я умываю лапы.

Он зажмурился и даже хотел замурлыкать, но вовремя вспомнил, что его незаслуженно обидели и мурлыкать не стал.

— Сейчас я вам всё объясню, обратилась к гномикам Хозяйка, — мои мама с папой два года работали где-то в Америке, а когда возвращались домой, то их друзья подарили им статуэтку маленьких гномиков. Вы стояли у меня в шкафу, а сегодня я с помощью палочки-превращалочки оживила вас. И вот теперь вы здесь. И мы бы хотели хоть что-нибудь узнать о вас.

Глава седьмая

в которой гномики рассказывают свою историю

Маленький гномик ещё время от времени всхлипывал, наверное ему очень хотелось домой. Старший – тоже не прыгал от радости. Он смотрел на хозяев с явным недоверием. Видимо он принимал их не за освободителей из плена, а за соратников тех, кто превращает гномов в статуэтки. А вот сегодня они решили поиграть в гуманность, чтобы потом снова лишить их жизни. Поэтому старший гном первым делом и спросил Хозяйку:

– А вы, госпожа, служите у какого-нибудь волшебника?

– Нет, конечно, я сама по себе. Просто мне случайно попала в руки палочка-превращалочка, вот я и превратила игрушечных гномов в настоящих, как видите живых. Вы что не верите мне?

– Простите, госпожа, я не знаю, я ничего не знаю. Пока я знаю только одно. Нас с Еке превратил в статуэтки колдун Бугадуб. Боюсь, что ты его помощница и можешь причинить нам много вреда, превратить в крыс или лягушек.

– Не бойся, Бер, у нас ты в полной безопасности. Я не знаю никакого такого Бугадуба. Расскажи нам о нём.

– Я бы рассказал, но мне о нём почти ничего неизвестно. Знаю только, что несколько лет назад в наш подземный город Малюкан пришёл чужой человек. Он открыл лавку и стал торговать сувенирами и вообще всякой всячиной. У него можно было купить самые необходимые вещи. Мы, горожане, обрадовались, теперь нам не надо было бегать по городу в поисках того или иного сувенира, игрушки, книги, посуды. Всё это было в лавке Бугадуба. Я сам несколько раз заходил в эту лавку, покупал письменные

принадлежности и книги для внука. Вот для него, – он кивнул в сторону малыша Еке, – но хозяина я не видел. Потому что за прилавком стояла молодая девушка, видимо, этот злодей нанял её на работу.

Так прошло несколько месяцев. Всё складывалось как нельзя хорошо. Но однажды по городу пронёсся слух, что неизвестно куда пропали два маленьких гномика. Искали их всем городом, но найти так и не смогли. Опять поползли слухи, нашёлся свидетель, который в последний раз видел их у входа в лавку Бугадуба. С этого дня стали пропадать и другие гномы. Горожане сбились с ног, но от их розыска не было никакого толку.

Мы, может быть, никогда бы не узнали о злодеяниях Бугадуба, если бы кто-то из горожан не распознал в статуэтках гномиков, которые продавались в лавке, своих пропавших родственников. Только лучше от этого не стало. Когда Бугадуб узнал, что

разоблачён, он окончательно распоясался, и даже не стал отрицать, что превращает гномов в статуэтки, а те продаёт по всему белому свету.

Однажды горожане собрались вместе и решили разгромить лавку, ставшую всем ненавистой, а колдуна выгнать из города. Когда толпа подошла к лавке, на крыльцо вышел её хозяин. Он подождал, когда горожане подойдут ближе и что-то крикнул. От неожиданности все остановились. А он поднял руки, взмахнул ими, как дирижёр на сцене, и вся толпа сразу же без единого звука превратилась в статуэтки.

В этой толпе были родители Еке, мой сын Юч и его жена Тёрт. Мы прождали несколько дней, надеялись, что Бугадуб отпустит их. Но, увы, всё напрасно. Он собрал все фигурки, погрузил на свою самокатную коляску и увёз их в неизвестном направлении, где, скорее всего, продал как сувениры.

– А как же вы с внуком оказались у него?.. Вы ведь уже знали, что он колдун и превращает гномиков в безделушки?

– О, это, госпожа, совсем другая история.

– Но я, надеюсь, вы расскажите её нам?

– Да, да, сейчас расскажу. Вот только успокою внука. Боюсь он сейчас снова расхнычется.

– Ой, что же я, – Хозяйка соскочила с места и побежала на кухню, откуда воротилась с хрустальной вазочкой, до верха наполненной печеньем и шоколадными конфетами в красивых обёртках, которые мама привезла из-за границы. Она подхватила малыша на руки и стала подчевать его разными вкусностями. На руках он успокоился, съел конфетку, а потом прижался к Хозяйке, сладко зевнул и засопел, как говорят в таком случае, в две дырочки.

Глава восьмая,
*которая служит продолжением
предыдущей*

— Спасибо тебе, госпожа, за внука, он так переживал смерть родителей... — начал было разговор гном Бер. Но Хозяйка прервала его:

— И чего вы затеяли: «госпожа» да «госпожа»! Никакая я вовсе и не госпожа, а обычная девочка, и зовут меня Хозяйка. И дети ваши не умерли, мы их обязательно вернём к жизни. Просто я ещё не знаю, как это сделать. Но обязательно соображу. Ты как думаешь, Василий? — обратилась она к надувшемуся коту.

Васька конечно же обрадовался тому, что Хозяйка наконец-то обратила на него внимание, но постарался сохранить лицо несправедливо обиженного, потому и отвечал лениво и вроде бы с неохотой:

— Не знаю, надо, конечно, подумать.

– Вот и подумай, Вася, и не строй из себя обиженного. Слушай лучше, что рассказывает Бер, это может пригодиться.

– Я уже говорил, что мы с Еке тоже попались на глаза Бугадуба. Но это произошло позже, когда кто-то из наших узнал, что Бугадуба нельзя обезвредить обычным способом. На него можно воздействовать только заговором. И этот заговор состоит из трёх слов. Но вот что это за слова никто не знал. Я боюсь, – рассказчик при этом тяжело вздохнул, – никто никогда не узнает. Но тем не менее, надежда не оставляла нас, я имею в виду гномов Малюкана, узнать слова этого заговора.

Однажды собравшись все вместе мы решили, что каждый гном придумает три слова и пойдёт на встречу с Бугадубом. Там он выкрикнет их ему в лицо. Мы понимали, что это глупая затея, но и ждать, что колдун исчезнет сам, было бы ещё глупее. Таким образом, каждый день один или два

горожанина отправлялись по одному к Бугодубу, выкрикивали приготовленные слова. Всё напрасно, с ним ничего не происходило. Он только смеялся и тут же превращал гномика в игрушку. Но это не пугало нас и поток желающих сразиться с этим чудовищем не уменьшался.

Пришло время, настала и моя очередь. Я пошёл один и был уверен в этом, потому что оставил внука на попечение одной доброй соседки.

Было раннее утро. В нашем подземном городе солнца нет, да оно и не требуется, потому что гномы одинаково хорошо видят днём и ночью. Мы ведь живём уже не одну тысячу лет под землёй и как нельзя лучше приспособились к темноте, одним словом, нам всегда светло.

— У нас тоже некоторые создания хорошо видят ночью, — подал голос Васька. Он хотел и дальше развить свою мысль, но Хозяйка остановила его:

— Вася, пожалуйста, дай послушать. Не хорошо перебивать рассказчика.

— Да я ни чего... — попытался отговориться кот, но потом махнул лапой, мол, я тут и ни при чём, продолжайте, если вам так надо.

Бер подождал, когда Василий успокоится, и продолжил:

— Я подошёл к дому Бугадуба и стал звать его. Он долго не появлялся, но потом всё же вышел. Было видно, что он сердит и постарается выместить на мне своё дурное настроение. Чтобы опередить его я истошно закричал: «Буду гадом убью». Эти слова я придумал сам. Но и они оказались не теми, что надо. Колдун захохотал и уже поднял руки, как я вдруг увидел моего малыша. Он со всех ног бежал ко мне. Я подхватил его на руки, и тут, видно, подействовало колдовство. Вот и всё больше я ничего не знаю.

— Да, — подтвердила Хозяйка, — и статуэтка была такой. Вы держали

малыша на руках и крепко прижимали к себе.

– Хозяйка, – дёрнул её за подол платья Шарик, у которого из глаз катились крупные, как виноградины, слёзы, – мне жалко этих маленьких людей, мы должны помочь им.

– Конечно, милый Шарик, – Хозяйка погладила его по голове, – но я не знаю как.

– А я знаю. Надо поехать туда и убить этого злодея, или поймать и посадить в тюрьму.

– Пока ты его будешь ловить, – подал голос Васька, – он успеет нас всех превратить в бесценные игрушки.

– Но что же тогда делать, Вася, – в отчаянии воскликнула Хозяйка, – напрягись, подумай, ведь ты у нас самый умный?

Лесть действует на любого человека, будь он даже котом, зацепила за живое она и Ваську:

– А что тут думать, – он поднялся на кровати, подошёл к столу и твёрдо

по-командирски сказал, как отрезал, – колдуна мы, может быть, не убьём, но ехать в Малюкан должны. И, пожалуйста, не возражайте. У нас есть палочка-превращалочка и никто нам не запретит превращать статуэтки в живых гномов.

– Ура, – запрыгал от восторга Шарик, – с нашим Васькой не пропадёшь! Он всегда придумает то, что надо.

– Спасибо Вам, дорогой Василий, – растроганно поблагодарил кота Бер, – это было бы так здорово.

– Здорово-то здорово, – с сомнением покачала головой Хозяйка, – только как добраться до места назначения, не знаю. Где находится город Малюкан? Его нет ни на одной карте мира.

– Это точно, – подтвердил Бер, – на картах его нет, потому что наш Малюкан надо искать под землёй. Попасть в него не сложно, а вот выбраться из него

почти невозможно, разве только в виде статуэтки.

Глава девятая,
*в которой готовится подземное
путешествие*

– Интересно, – сказал Шарик, – а как же мы попадём в подземный город? Нам ведь понадобится какой-нибудь экскаватор.

– Да ты что, Шарик, – сразу же вмешался кот, – мы твоим экскаватором сразу весь город разнесём на мелкие кусочки. Тут надо будет лопатами запасть.

– А кто-нибудь знает, в каком месте надо копать? А то ведь можно и всю землю перерыть.

– Ничего не надо копать, я знаю, как попасть в наше государство, – успокоил всех Бер. – Для этого надо выйти в чистое поле, произнести заветные слова, земля расступится и

пожалуйста входи, если есть нужда или желание.

— А что это за такие заветные слова? — сразу же поинтересовался Васька.

— А это слова вроде пароля, — пояснил Бер.

— Так ты скажи их нам, — настаивал кот.

Бер замялся и промолчал.

— Ну что ты молчишь? — не отставал от него Васька. — Не хочешь говорить? А ещё друг называется. Сам знает, а мы, хоть пропади. Нет, с такими друзьями кашу не сваришь.

— Вася, помолчи, — остановила его Хозяйка, — если надо будет, Бер и без нашей подсказки расскажет. Может быть, ему нельзя говорить на эту тему.

— Простите, Хозяйка, но это истинная правда. По нашим законам ни один гном не может передать пароль чужому человеку, даже если он его близкий друг или родственник. Не обижайтесь, но это главное условие

нашего существования. Представьте себе, если заветные слова узнают враги, то нашу страну ждут ужасные времена. Сейчас там свирепствует один Бугадуб, а завтра их может оказаться тысячи. Кто не захочет нажиться на маленьких беззащитных человечках.

– Понял, Вася? – Хозяйка сурово посмотрела на притихшего кота.

– Понял, понял, – проворчал тот и спрятался за большой Хозяйкиной подушкой.

В это время проснулся малыш Еке и снова захныкал.

– Не плачь, внучок, – стал успокаивать его дед, – скоро мы отправимся домой, найдём твоих маму с папой. Вы будете жить вместе и ходить по праздникам ко мне в гости.

– Да, да, – поддержала его Хозяйка, – нам пора собираться в путь. Вася, хватит дуться на весь белый свет, ты у нас главное лицо. Без тебя мы не строимся с места. Слышишь?

– Слышу, – с притворным неудовольствием отозвался Васька, – сами собирайтесь. Я-то всегда готов.

Глава десятая,
*в которой наши герои собираются
спуститься под землю*

– Куда мы пойдём? – спросила Хозяйка возглавившего процессию животных и людей гномика.

– Нам надо найти пустынное поле, а лучше луг или поляну.

– А если это будет парк?

– Можно и парк, если там не ведутся никакие земляные работы.

– В нашем парке ничего не ведётся и не делается. Даже заборы ни разу не покрасили.

– Это то, что надо. Идём туда.

От дома, где живёт Хозяйка с родителями до парка хода всего десять минут. Хозяйка не раз и не два прогуливалась в нём в свободное время, чаще всего, когда родители пропадали

на работе. Но это было давно, а нынче ещё не довелось сходить туда, чтобы увидеть изменения, которые произошли за последние два-три года. А изменения были грандиозными. Ворота в парк забили досками и закрутили жёсткой проволокой, потому что на его месте чья-то умная голова затеяла строительство огромного дома.

— Постойте здесь, — шёпотом скомандовал Бер, — я сейчас. Он мышкой прошмыгнул в узкую щель в заборе и пропал. Как в таких случаях говорят, будто нырнул в воду. Прошло довольно много времени, Хозяйка уже стала беспокоиться, а кот Васька заворчал:

— Вот тоже, смотри на него, в игрушки играть вздумал, сбежал наверное. Ребёнка подбросил, а сам дёру.

— Вася, как тебе не стыдно, помолчи лучше.

— Да сколько же молчать можно. Что он там делает? Не землю же роет? — всё больше и больше заводился кот.

– А я думаю, он ищет дорогу под землю, – спокойно заметил Шарик.

– Так дорогу под землю не ищут, – хотел было снова завестись кот, как вдруг из-за забора послышался голос Бера:

– Вам надо пробраться сюда. В дальнем углу сада остался участок, через который можно попасть под землю. Я уже спускался туда. Там пока ничего не нарушено.

Пока Бер говорил это, Шарик успел обежать вокруг сада и найти большую дырку в заборе, куда спокойно могли пройти и он сам и Хозяйка, не считая Ваську и малыша Еке.

Глава одиннадцатая, *в которой начинаются подземные приключения*

Каждый нормальный человек знает песню: «В городском саду играет городской оркестр». Это нормальное состояние любого городского сада. А в

этом саду никто не играл и не веселился. Вот уже два года он был закрыт на реконструкцию. Какие-то чужие люди хотели на его месте построить большой дом, чтобы продавать квартиры и заработать на этом большие деньги. Но что-то у них не получилось и теперь заброшенными оказались и сад, и стройка.

В самом тёмной углу сада Бер остановился.

– Хозяюшка, – попросил он, – отойдите от меня. Вы не обижайтесь, но я не могу при вас говорить заветные слова. Мои земляки за то, что я отрою секрет постороннему человеку, навеки проклянут и изгонят меня из города. А жить без города и друзей ни один гном не сможет.

– Не волнуйтесь, Бер, мы уже отходим. Мы понимаем ваше беспокойство, не бойтесь мы не навредим вам.

Друзья отошли в сторону, а Бер начал колдовать над небольшой

земельной кочкой. Он что-то говорил, что-то кому-то доказывал, а потом вдруг замахал руками и зашипел:

– Идите сюда, быстрее, а то земельный портал закроется.

Хозяйка тоже заволновалась, тоже замахала рукой. Она бы могла махать и двумя руками, но на одной руке у неё сидел малыш Еке, который ничего толком не понимал и благодаря этому никому не мешал.

Портал представлял собой вход в подземелье примерно такой, какой каждый из нас видел у своих родственников в деревне, через который они забираются в подвал, где хранятся заготовленные на зиму овощи, фрукты и банки с самыми вкусными вареньями и соленьями.

Ну а за порталом открывался тот самый подвал, который и назывался подземельем. Подземелье, в которое вступили наши путешественники, было не большим, но и не маленьким. Оно напоминало скорее всего небольшую

станцию метро, потому что и влево от него и вправо уходил тёмный туннель.

— Ой, что это? — испуганно спросила Хозяйка, когда за её спиной внезапно исчез вход в подземелье и пропал свет. Тьма скрыла всех ото всех, стало страшно. И только Василий не испугался, ведь коты отлично видят и в темноте. Он прекрасно видел, что Бер подошёл к какому-то ящику или шкафчику, повернул какой-то рычажок и тут же отошёл от него.

— Хм, — подумал кот, — хорошо что гномы тоже видят в темноте, а то пришлось бы мне водить их за руки по всему подземелью.

Прошло несколько минут, и все явственно услышали гул, идущий из тоннеля.

— Что это, Бер?

— А это самокатная тележка. Сейчас мы сядем на неё, и она доставит нас в целости и сохранности в Малюкан. Да вы не бойтесь, наши самокатки, мы их так называем, не нуждаются ни в

водителях, ни в диспетчерах. Они действуют по принципу лифта. Нажал кнопку и к этому месту подкатит тележка, а отсюда один путь – в Малюкан.

– А это очень далеко? – поинтересовался Васька.

– Не знаю, – отозвался Бер, – но сегодня, я думаю, мы должны быть на месте. Наши самокаты движутся быстро, так что заскучать не успеете.

Глава двенадцатая,
*в которой путешественники движутся
в сторону Малюкана*

Самокатная тележка походила на наш обычный автобус, правда у неё не было колёс. А это значит, она не катила по подземелью, а летела, как самолёт или ракета. Вот почему эта самокатка перемещалась так быстро. В салоне горел тусклый свет. Хозяйка наконец-то смогла рассмотреть растерянные мордашки кота Васьки и Шарика,

серьёзное и сосредоточенное лицо гнома Бера и беззаботное личико малыша Еке, который спал у неё на руках. Себя она, конечно, не видела, а представить, что и её лицо было напряжено, как у парашютиста перед первым прыжком с самолёта, не могла.

Самокатка катила себе и катила. В салоне было уютно: ни тепло и ни холодно, сильно не трясло и не качало, за окнами кроме темноты ничего не было видно. На мягких креслах можно было не только сидеть, но и лежать, чем с первых же минут воспользовались кот Васька и Шарик. Хозяйка, быть может, тоже бы прилегла, но ей было жалко маленького Еке, который вот уже несколько часов сладко спал у неё на руках. Бер сидел рядом и о чём-то сосредоточенно думал. Однако это длилось не долго. Он тряхнул головой, словно отгоняя от себя надоедающие прилипчивые мысли, и обратился к Хозяйке:

— Хозяюшка, отдайте мне малыша,

а то у вас уже руки, наверное, отваливаются. Он ведь большой и его нелегко держать.

— Не тревожьтесь, мне не тяжело. Я просто беспокоюсь о том, что он вот уже несколько часов голодный. Ребёнку надо есть почаще. Я, кстати, захватила с собой кое-что на перекуску.

— Об этом вы не беспокойтесь. Мы, гномы, привычны к недостатку еды. Наши дети могут не есть по две-три недели, а взрослые не прикасаться к пище месяцами. И это ничуть не вредит нашему здоровью.

— Вот здорово! — воскликнула Хозяйка, — нам бы так. А то мама и бабушка пичкают меня по пять — шесть раз на дню да ещё всякими вкусностями, от которых невозможно отказаться.

Васька лежал в кресле с закрытыми глазами, но услышав интересный разговор, тут же вклинился в него:

— А что, Хозяйка, мы собираемся обедать?

– Пока нет. Неужели ты, проголодался?

– Что ты. Я ничуть. Это Шарик облизывается во сне.

– Я вовсе не сплю, – обиженно отозвался Шарик, – ты на меня, пожалуйста, лапой не показывай. Лучше за себя отвечай.

– Ну что ты разворчался? – Васька привстал в кресле, – я же просто пошутил. Шутки понимать надо.

– У тебя не шутки, а шуточки. Над шуточками посмеяться можно, а над твоими шуточками хоть плачь. Подковырки одни.

Хозяйка хотела вмешаться в этот спор, но в ту минуту, когда она только-только приоткрыла рот, самокатная тележка качнулась, дёрнулась и остановилась.

– Мы что приехали? – воскликнула она, обращаясь к Беру.

– Не знаю, – пожал плечами он, – вроде бы ещё рано. Но если откроется дверь, то мы должны будем выйти.

Возможно здесь надо пересесть на другой маршрут.

Всё так и вышло. Дверь открылась и путешественникам пришлось выходить в темноту и прохладу пересадочной станции.

– И что это за станция такая, недовольным голосом проворчал кот, – ни тебе освещения, ни буфета, ни зала ожидания.

– Точно, – поддержал кота Шарик и тяжело вздохнул. В эту минуту ему подумалось, что для него такие трудности пустяки, а вот для Хозяйки – тяжёлое испытание. Жалея её, он ещё раз вздохнул.

Глава тринадцатая, *в которой наши герои попадают в арестантский вагон*

Пока они вздыхали да охали, пока Бер пытался вызвать вторую самокатку, в темноте слышались чьи-то шаги, вернее даже не шаги, а топот. Он

приближался и усиливался. Не успели наши герои понять что к чему, как к ним подскочили несколько гномов, одетых в какую-то мудрёную форму, с фонарями в руках.

— Стоять, ни с места, — истошно завопил один из них, наверное их главарь или командир, — стреляю без предупреждения. Именем Верховного правителя Бугадуба Великого вы арестованы и будете доставлены в тюрьму его величества.

— Простите, пожалуйста, — вежливо, как и положено образованной девочке, обратилась к этому крикуну Хозяйка, — но мне кажется, что вы нас с кем-то спутали, мы никому не причинили вреда. Мы просто путешествуем и хотим попасть в Малюкан, чтобы познакомиться с ним и пролюбоваться его достопримечательностями.

— Не волнуйтесь, в Малюкан вы обязательно попадёте, только в арестантском вагоне и в наручниках.

Не успела Хозяйка хоть что-то возразить этому грубияну, как на её руках защёлкнулись наручники и чьи-то грубые руки затолкнули в дверь уже подошедшей самокатки. Эта тележка в корне отличалась от прежней. Здесь не было мягких сидений, красивой обивки и больших окон. Вместо всего этого посреди салона стояла огромная металлическая клетка, в которой не было даже простого сиденья. Хозяйку затолкали в неё последней, предварительно тщательно обыскав.

— Господин командир, — отрапортовал начальству обыскивавший наших героев гном, — оружия у них нет. Нашёл только вот эту палочку неизвестного назначения. — И он протянул командиру палочку-превращалочку.

— Эй ты, — рявкнул тот, глядя на Хозяйку, — говори зачем она тебе?

Хозяйка растерялась, впервые за всю свою недолгую жизнь она не знала,

что ответить взрослому человеку. Спасибо, выручил Васька.

– Верните её нам. Это зубочистка. Мы с Шариком хищные животные, едим мясо, А оно нередко застревает в зубах. Вот Хозяйка и чистит ей, – он указал лапой на волшебную палочку, – нам зубы. А без этого никак нельзя. Если зубы не почистить, застрявшее мясо начинает гнить и в нём заводятся смертельно опасные микробы.

– Фу, какая погань, – брезгливо сморщился командир и кинул палочку-превращалочку в клетку под ноги коту.

Васька поднял её и подал Хозяйке.

– Ты не хочешь превратить их в мышей или лягушек?

– Хочу, но не могу. Палочка-превращалочка на расстоянии не действует, надо, чтобы я коснулась превращаемого или хотя бы поместила её над ним. Это раз. Во-вторых, Мы не знаем, где находимся в данное время, и каким путём надо добираться до Малюкана.

– И то верно, – тяжело вздохнул Васька, – подождём до этого самого Малюкана. Там видно будет.

Глава четырнадцатая,
*из которой становится понятным, что
лучше свободы ничего на свете нет*

Неожиданно для наших героев самокатка резко затормозила и, дёрнувшись, остановилась. Двери открылись, по поводу чего Васька даже съехидничал, больше обращаясь к Беру:

– Двери открылись, можно выходить.

Но никто выходить не стал, более того, из темноты в открытую дверь кто-то с силой втолкнул трёх грязных и оборванных гномов. У одного, он был здоровее остальных и видимо, сильнее, на щеке виднелась большая рана, из которой сочилась и даже капала на пол кровь. Прикрыть рану он не мог, потому что руки были схвачены за спиной наручниками. Скорее всего, он, как

говорят в таких случаях, оказал сопротивление при задержании.

– Да-а-а, – ещё более ехидно заметил кот, – эти ребята, наверно, поймали каких-то шпионов. Ишь, как разделали их.

А «эти ребята» грубо схватили новеньких за шкирки и затолкали их в клетку к нашим друзьям. Задержанные не сопротивлялись, наверное потому, что истратили все силы на борьбу и потеряли веру в то, что смогут победить противника.

Хозяйка сразу же подвинулась к раненному гному. Несмотря на то, что у неё руки были тоже в наручниках, но к счастью не скрученные за спиной, она сумела достать из своего кармашка носовой платочек и прикрыть страшную рану. Гном поморщился от боли, но не застонал, хотя все понимали, что нажатие на рану, а иначе невозможно остановить кровотечение, было болезненным.

– Потерпите немного, – как можно спокойнее и вежливее попросила раненного Хозяйка и тут же посочувствовала, – за что же они так вас?

Гномик через силу улыбнулся и легонько качнул головой. Ему было трудно говорить из-за раны, и тогда второй гном, который выглядел постарше, ответил за него.

– Вы только не подумайте ни чего плохого, – печально сказал он, – мы не разбойники, хотя, конечно, закон нарушили. Но это не мы плохие, это закон плохой. – Он грустно улыбнулся, печально посмотрел на всех и замолчал, а через минуту добавил. – А теперь нас всех превратят в статуэтки, да и вас, наверное...

– А нас-то за что, мы ведь ни плохой ни хороший законы не нарушали? – поинтересовался кот. – Мы-то иностранцы, так сказать, туристы, хотим познакомиться с вашей культурой, посмотреть, как вы тут под

землёй устроились. Мы бы не прочь перенять ваш интересный опыт жизни под землёй.

— Какой тут опыт, — в сердцах прохрипел второй гном, озираясь на охранников, которые сидели поблизости от железной клетки, и приглушил голос, чтобы они не слышали его. — Какой там опыт. В последнее время мы живём в страшной стране. Раньше все гномы жили мирно, дружно, все работали и были счастливы. Вы ведь, наверное, помните, как мы здорово жили? — он обратился к Беру, который ничего не ответил, а только кивнул головой. — Вот видите, а сейчас... — он гневно взглянул на охранников? — эти держат всех гномов в страхе и не жалеючи уничтожают нас.

Он снова замолчал.

— А кто они такие? — шёпотом спросил Шарик.

— Громилы, они находятся на службе у Бугадуба. Недавно он назначил себя Верховным правителем, нанял вот

таких, — он снова кивнул в сторону охранников, — бандитов. Они теперь ходят по всему городу, выискивают недовольных, хватают их и бросают в тюрьму. А по пятницам туда приходит сам Бугадуб, осматривает заключённых и тех, кто ему нравится, тут же превращает в статуэтки. У него уже весь дворец заполнен такими игрушками. Говорят, он их продаёт на поверхность земли. Если так дело пойдёт, то через год или два, кроме Бугадуба и его молодчиков в Малюкане никого не останется.

Он снова замолчал, видно было, что ему рассказ даётся с трудом.

— А знаете что, — теперь уже Васька замяукал с заговорщическим видом, — давайте выйдем из клетки, а этих «героев», — он тоже кивнул головой в сторону охранников, — посадим на наше место.

— Но это невозможно, — с сожалением отозвался раненный гном, —

у меня руки в наручниках, да и решётки толстые, мне не согнуть.

– Ну это пустяки, – прошептал Васька, – Хозяйка и не такое устроить может.

– Да что тут можно устроить, – сокрушённо ответил гном.

– Вообще-то, можно, – поняв Васькину мысль, обрадовалась Хозяйка. Она достала палочку-превращалочку, взмахнула ей над наручниками гнома и приказала, – а ну, железные наручники, превратитесь в пластилиновые.

И правда, в ту же минуту гном повёл руками и наручники упали на землю. Потом она так же освободила от оков оставшихся гномов и себя.

– Вот видите, – обрадовался Васька, – правду говорил.

– Не больно-то хвастайся, – осадил его Шарик, – ты лучше расскажи, что мы будем делать, когда из клетки выйдем. Они вон какие громилы, мы с ними не справимся.

— Чепуха, — пусть Хозяйка превратит их в статуэтки или в мышей или ещё в кого-нибудь.

— Погоди, Вася, я ведь ещё никогда никого не превращала в какую-нибудь вещь или животное. А вдруг у меня не получится. Тогда они поймут, что у нас никакая не зубочистка, а волшебная палочка и отберут её. Надо подумать ещё, что можно сделать, чтобы оказаться на свободе.

Глава пятнадцатая,
*в которой друзья готовятся выбраться
из клетки*

Наши виноватые и невиноватые заключённые уселись в кружок на полу и стали усиленно думать о своей судьбе. Гномы держали руки за спиной, чтобы не дать повода страже усомниться в их несвободе. Все выглядели сосредоточенными, но глаза у каждого светились надеждой, и только Еке,

немного покуражившись, снова уснул на руках у Хозяйки.

Первым высказался Бер:

– А давайте, Хозяйка превратит нас в статуэтки и незаметно вынесет отсюда. А потом опять оживит.

– Да как же она вынесет, – возмутился Васька, – кто её отсюда выпустит. Думайте ещё.

Снова заговорил Бер, поскольку Шарику с Васькой ничего умного в голову не приходило, а остальные гномы, видимо, ещё толком не пришли в себя или просто стеснялись, боясь сморозить какую-нибудь глупость. Они ведь не знали способностей и возможностей Хозяйки.

– Надо что-нибудь превратить в настоящий пистолет и перестрелять этих охранников, – предложил он.

– Эта идея совсем не хорошая, – Васька только лапой махнул. – А если у них тоже есть оружие, и они не станут с нами церемониться, а возьмут и перебьют всех. Тут надо что-то другое

придумать, чтобы никого не убивать и самим живыми остаться.

– Ты, Вася, необычайно мудрый, – заметил Шарик, – возьми и сам что-нибудь полезное придумай.

– Я-то придумаю, не бойся. Да вот, кстати. – Васька почесал задней лапой за ухом. – А что если всех наших гномов превратить в великанов. Тогда бы они могли спокойненько взять этих бандитов за шкурку и посадить в клетку вместо нас.

– А вдруг они стрелять начнут? – засомневалась Хозяйка.

– Не начнут, – обрадовались гномы, – они даже не успеют оружие из кармана вытащить. Вот увидите, мы их скрутим в один миг, надо только замок с двери снять так, чтобы они не заметили.

– Это тоже несложно, на этот случай у меня есть неплохая идея. Пусть Хозяйка уменьшит нас с Шариком до размеров мыши, мы выберемся через решётку и начнём бегать перед стражниками. Те обязательно кинутся

ловить нас, отвлекутся, а вы в это время выскочите из клетки и повяжите этих бандитов.

— А если они вас поймают? — заволновалась Хозяйка.

— Не большая беда, — отмахнулся кот. — Убивать нас они не станут, наоборот, постараются сохранить и подарить Бугадубу. У него, я думаю, таких статуэток ещё не было.

— Молодец, Вася, — поддержал кота Бер, — это вполне выполнимо.

— Конечно выполнимо, — согласились остальные гномы.

— Хорошо, — согласилась Хозяйка, — пусть будет по-вашему. Она достала палочку-превращалочку взмахнула ей, — пусть кот Вася и Шарик превратятся в маленького котика и маленькую собачку. И тут же на глазах у всех Вася превратился в котёнка, а Шарик — в щенка.

— Стой, стой, — воскликнула Хозяйка, — что-то пошло не так. Я имела в виду маленьких по размеру, а не по

возрасту, пожалуйста, палочка преврати их опять во взрослых животных. Она ещё раз взмахнула палочкой и кот с собачкой приняли прежний вид.

— Ты, Хозяйка, неправильно сформулировала задание.

— Я это и сама поняла, сейчас повторим. Палочка-превращалочка, преврати Шарика и Васю в кота и собачку ростом с мой кулачок, — Хозяйка сжала кулачок и показала его палочке. В этот раз всё получилось.

— Вот это да, — удивились гномы, — такого чуда мы ещё не видели.

— Я и сама не видела, — проговорила Хозяйка. Перед ней сидели те же Васька и Шарик только величиной чуть больше спичечного коробка: Как вы себя чувствуете? — спросила она у них.

— Нормально, — за двоих ответил кот, — только вот вы все какими-то большими стали.

— Нет, Вася, улыбнулся Бер, — мы такие же, а вот вы с Шариком стали

малюсенькими. Давай, Хозяйка, делай нас гигантами.

– Не спеши, пусть Шарик и Вася выберутся из клетки и отвлекут бугадубцев. Ну что, ребята, за дело.

Глава шестнадцатая,
*из которой видно, что не всякая свобода
– истинная свобода*

Охранники сидели недалеко от клетки. От нечего делать они дремали, лишь время от времени бросали рассеянные взгляды на арестантов. Они знали, что из клетки убежать невозможно, поэтому так небрежно несли свою службу. Но вдруг один из них как и обычно пробежал глазами по заключённым и понял, что там, в клетке, что-то изменилось. Он протёр глаза. Всё верно, арестантов стало меньше. Неизвестно куда пропала пара животных.

– Эй, – истошным голосом крикнул

он, – вставайте, засони, у нас арестанты разбегаются!

– Ну что ты орёшь, как зарезанный, сон плохой что ли приснился? Куда твои арестанты из клетки убегут? – недовольно проворчал старший разбойник, – погляди лучше.

– Чего там глядеть, двух не хватает.

– Вот, дьявол, и правда.

А в это время мимо них промелькнули какие-то неясные тени и из дальнего угла вагона раздался собачий лай и кошачье шипение.

Все трое бугадубцев кинулись туда и увидели маленькую собачку и совсем крошечного котика.

– Лови их, – закричал старший и первым повалился на пол, стараясь схватить кого-нибудь из них. Его примеру последовали и другие. Однако поймать малышей оказалось не так-то и просто.

Пока они гоняются за Шариком и Васькой, события в клетке не замерли на

месте. Хозяйка первым делом превратила железный замок в пластилиновый, а потом попросила палочку-превращалочку превратить четырёх гномов в великанов. Палочка, наверное, никогда не видела великанов, но всё же превратила гномов в настоящих богатырей.

Хозяйка тоже никогда не видела ни великанов ни богатырей, но полученный результат обрадовал её. «Да такого богатыря и одного бы хватило, чтобы победить этих бандитов, – подумала она. – Ну ничего, лишние помощники не помешают».

Пока бугадубовцы ползали на коленях, безуспешно пытаясь поймать уменьшенных Шарика и Ваську, заключённые в клетку гномы вырвались на свободу. В одно мгновение скрутили руки не ожидавшим такого подвоха бандитам и, отобрав у них оружие, без всяких церемоний затолкали на своё место. Хозяйка с помощью палочки-превращалочки изготовила огромный

замок, который гномы-великаны навесили на решётчатую дверь.

— А теперь, — скомандовала Хозяйка, — становитесь в ряд, я сейчас буду возвращать вам прежний вид. — Палочка-превращалочка, преврати этих богатырей, Шарика и Ваську в обычных гномов и животных.

Она взмахнула руками и всё вернулось на свои места. Гномы запрыгали от радости, кинулись благодарить Хозяйку, Шарик присоединился к ним. И только Василий не принял участие в этом веселье. Он с укоризной глядел на всех, о чём-то с серьёзным выражением мордашки усиленно думал и, наконец, не дождавшись конца празднования победы громко мякнул:

— Хватит веселья, успокойтесь. Мы победили только в этом вагоне. Но лишь выйдем из него, нас снова арестуют другие бугадубовцы. Давайте не прыгать и скакать от радости, а думать, что делать дальше. Надо держать совет.

Глава семнадцатая,
*из которой становится понятной смысл
поговорки: «от сумы и от тюрьмы не
зарекайся»*

В совете приняли участие все гномы, Хозяйка и Васька с Шариком. Только Еке по своему обыкновению дремал на руках Хозяйки. Все молчали, каждый думал, что кто-нибудь из друзей окажется более сообразительным и первым начнёт предлагать план спасения.

Наконец один из гномов не выдержал:

– Пусть Василий что-нибудь предложит. Мне кажется, он у нас самый умный.

Васька, конечно, был польщён таким замечанием, но и ему ничего умного в голову не приходило. Он делал вид, что кое-какие идеи у него есть, но на самом деле в голову лезли одни пустяки. Он уже хотел начать с какой-нибудь фантазии и уже открыл рот, но Шарик не дал ему сделать это.

– Хозяйка, а помнишь, как мы убежали от бабы яги?

– Нет.

– А я помню...

– И я помню, – перебивая Шарика, закричал кот, – мы тогда стали невидимками, потому и сбежали. Тогда нам помогло кольцо братца Апреля, а сейчас у тебя есть палочка-превращалочка.

– Вот именно, – поддакнул Шарик, – я это и имел в виду, да Васька, как всегда, слова не даст сказать. Ты возьми и преврати нас в невидимок. Мы тогда на станции незаметно выберемся из самокатки. Пусть бугадубовцы побесятся.

– Молодец, Шарик, – закричали гномы, – это ты здорово придумал.

– Здорово-то, здорово, – грустно заметила Хозяйка, но мне почему-то не очень нравится.

– Ну почему, Хозяйка, – стали убеждать друзья, ведь это так классно.

– Не спешите, надо подумать. Хорошо, я сделаю вас невидимыми, а кто сделает невидимкой саму палочку? По палочке нас быстро обнаружат. Никто же не поверит, что она сама по себе летает по воздуху.

– А по-моему, – вступил в разговор Бер, – это не большая беда. Ты преврати всех гномов в невидимых великанов, а мы вас в обиду не дадим.

– А вот это другое дело, так и поступим. А вы не знаете, – обратилась Хозяйка к гномам, когда мы прибудем на конечную станцию?

– Никто не знает, – ответил Бер, – но это тоже не большая беда. Ведь свет горит только на одной станции, в Малюкане. Как только в окнах появится свет, значит мы уже на месте. Тогда ты быстренько превратишь нас в невидимых великанов.

– А что делать с Еке? – спросила Хозяйка.

– С Еке? Да ничего. Преврати его в статуэтку и спрячь в свою сумочку. Как

только мы победим Бугадуба, ты снова оживишь его.

– Хорошо, – согласилась Хозяйка, – так будет лучше.

Наступила тишина. Каждый думал о своём, даже заключённые бугадубовцы приумолкли, поняв, что из клетки им не вырваться.

Время шло и шло, самокатка катила и катила, легко покачиваясь из стороны в сторону, что никто и не заметил как сон и покой овладели всеми, даже теми, кто и не собирался спать.

Самокатка уже подошла к Малюкану. Перрон всюду сверкал фонарями, на нём толпились сотни гномов самых разных возрастов и достатка. Они шумели, кричали, звали потерявшихся ребяташек, торговцы стучали в барабаны, чтобы привлечь покупателей. Но ничего этого наши герои не слышали и не видели, им снились добрые сны. Каждому свой. Сколько бы ещё они могли спать никому не известно, если бы громкий топот и

крики бугадубцев, ворвавшихся в вагон со станции. не разбудили их

Бедная Хозяйка проснулась, когда почувствовала, что её кто-то настырно тормозит за шиворот и пытается поставить на ноги. Она хотела громко закричать, но потом поняла, что это бесполезное занятие: ни одно живое существо не смогло бы заступиться за неё. Все друзья гномы уже были в наручниках, а Шарик и кот Вася связаны прочными верёвками. На Шарика даже надели намордник, чтобы он ненароком не цапнул какого-нибудь особо нахального бугадубца.

С Хозяйкой тоже поступили по-варварски. Несмотря на то, что она девочка ей тоже скрутили руки и за спиной нацепили «железные браслеты». А потом они тщательно обшарили карманы задержанных гномов. Хозяйку обыскивать не стали, но отобрали сумочку, в которой лежал носовой платочек, две резинки для волос, расчёска и палочка-превращалочка.

Бугадубцы не стали разбираться что к чему, просто вывалили всё Хозяйкино богатство на пол. Когда они увидели, что в ней ничего интересного для них нет, то и сумочку забросили в дальний угол вагона.

Самый высокий разбойник, он же, по-видимому, и самый главный приказал вести задержанных в тюрьму. А уж там пусть Верховный правитель Бугадуб превратит гномов в статуэтки, а чужеземцев отдаст под следствие. Их тоже превратят в какие-нибудь безделушки, однако прежде надо выяснить, как они попали в подземную страну и с какой целью.

Глава восемнадцатая,
*в которой наши герои оказываются в
тюрьме*

Тюрьма представляла собой огромную пещеру с обложенными красным кирпичом стенами. Вдоль стен

размещались металлические клетки, точь-в-точь такие, как в вагоне самокатки. Даже замки были такого же размера. Это подтвердил Васька, потому что он хорошо рассмотрел всё, что находилось в самокатке, и потому что ему никто не завязал рот. В каждой клетке сидело, а вернее стояло, потому что сесть было негде, по сотне, а то и более гномов.

В тюрьме тоже было темно, поэтому Хозяйка ничего не видела, а всю информацию до её сведения доводил кот. Гномов сразу же поместили в какую-то переполненную камеру, а Хозяйку, Шарика, Ваську и Еке, который держал Хозяйку, как говорят, за подол и ни на шаг не отставал от неё, – в отдельную пустую клетку. Почему бугадубцы не отобрали у неё малыша, никто не знал, наверное трудно было предположить, что он может нести смертельную опасность самому Бугадубу и его приспешникам. Ему даже наручники не стали надевать и даже

верёвками не связали. А зря. Вы сейчас станете свидетелями того, что может сотворить малыш, когда взрослые оказываются бессильными перед вражеской силой.

Перво-наперво, едва бугадубцы отошли от клетки Еке не говоря ни слова подобрался к Ваське и начал развязывать верёвки, которыми тот был связан. Однако силёнок ему явно не хватило и тогда он попробовал развязать рот Шарику. Это удалось сделать с первой же попытки. Шарик же не стал развязывать узлы на верёвке, которой бугадубцы связали Ваську, а просто-напросто перекусил их своими острыми, как наточенные ножи, зубами.

— Эх, — печально вздохнул Шарик, — если бы у нас была палочка-превращалочка, мы бы могли освободиться сами и освободить всех этих несчастных гномов.

— Да, — поддакнул Васька, — без палочки мы пропадём. Тебе, Хозяйка, надо было бы держать её не в сумочке, а

за пазухой. Тебя же в этот раз не обыскивали.

— Ох, Вася, — тяжело вздохнула Хозяйка, — теперь хоть убей меня.

— Васька, перестань так говорить, — заступился за Хозяйку Шарик, — она ни в чём не виновата. Ты вот себя умнее всех считаешь. А что же не подсказал ей, где надо хранить эту палочку. Нечего панику разводить, надо снова думать, как выбраться отсюда.

— Ребята, дорогие мои, — взмолилась Хозяйка, — не ругайтесь, пожалуйста, ещё ни что не кончилось, всё только начинается.

— Ага, — в наступившей тишине чуть слышно проговорил маленький Еке, — поглядите, что у меня есть, и он вложил в Хозяйкину руку палочку-превращалочку.

— Что это? — изумилась она, хотя сама уже поняла, что это та самая потеря, над которой Шарик с Васькой да и она сама только что горько сокрушались. — Друзья, а ведь наш

малыш успел в вагоне подобрать палочку-превращалочку. Она вот у меня в руках. Мы спасены!

— Ну, Еке, — торжественно произнёс кот, — я просто зауважал тебя. Но мне всё же интересно, как она попала к тебе?

— Когда нас выводили из самокатки, я запнулся и упал рядом с палочкой. а когда поднимался, то прихватил и её. Вот. А сохранил палочку за пазухой.

— Ты молодец, Еке, — похвалил его кот, а потом добавил, обращаясь к Шарику, — вот видишь, ребёнок, а сообразил, что палочку надо хранить за пазухой.

Шарик тут же хотел ответить коту чем-нибудь обидным, но вмешалась Хозяйка и остудила его пыл.

— Шарик, — сказала она, — не обращай внимания на него. Ему тоже не чем гордиться, был бы умнее нас не сидел бы в клетке с нами. Я уже освободила руки и теперь могу действовать решительно. Я думаю, надо

срочно открыть все клетки и выпустить на волю заключённых.

– Правильно, – поддержал её Шарик, – их много, а охранников мало. Сила на нашей стороне.

– Может и правильно, – засомневался Василий, – а может, и нет. А если бугадубцы стрелять начнут из автоматов или пулемётов? Сколько гномов они могут погубить, тысячи. Я думаю, что нам надо потерпеть и подождать. Кстати, сегодня какой день?

– Кажется пятница, – неуверенно проговорила Хозяйка.

– Пятница, – уверенно подтвердил Шарик, – и что это даёт нам?

– А то, – поставил жирную точку в этом разговоре Вася, – по пятницам в тюрьму приходит сам Бугадуб, чтобы превращать гномов в статуэтки. Скорее всего, ему расскажут о пойманных шпионах, он заинтересуется и захочет посмотреть

на нас. А тогда мы попробуем каким-нибудь манером отвлечь его и самого превратить в игрушку.

Глава девятнадцатая,
в которой на арене появляется Бугадуб

— Хозяйка, ты только посмотри, как бугадубцы забежали.

— Смотрю, Васенька, да ничего не вижу. Хорошо вам, котам, вы и в темноте всё видите, а мне свет нужен.

— Ну ты не обижайся, Хозяйка, я просто забыл, что люди в темноте слепые, как куры. Ладно, извини и не расстраивайся, я буду смотреть и тебе обо всём докладывать.

— Я и не обижаюсь, а ты внимательнее смотри и потолковей рассказывай, мне ведь тоже интересно знать, что там происходит. Да и Шарику, наверное, тоже.

— Конечно, — подтвердил он.

Но Васька ещё не успел открыть рот, чтобы начать рассказ о событиях

происходящих вне камер с заключёнными, как в тюрьме вспыхнули десятки ярких фонарей и сразу же стало светло, словно днём при ясной солнечной погоде. У Хозяйки даже глаза заболели и ей пришлось тут же закрыть их, потому что у неё потекли слёзы, а перед глазами замелькали чёрные мушки. Так она простояла несколько минут, а потом стала потихоньку открывать веки, а когда она полностью привыкла к свету, увидела, что в широком проходе между клеток выстроился целый отряд бугадубцев, одетых в чёрные мундиры и вооружённых большими резиновыми палками.

— Интересно, этими палками они будут нас выгонять из клеток или они нужны им для других целей? — сама себе задала вопрос Хозяйка.

— Поживём увидим, а чем дольше поживём, тем больше увидим, — философски отреагировал на этот вопрос

Василий, – если, конечно, увидим, – после небольшой паузы добавил он.

А в это время раздался истошный крик, и все бугадубцы, вытянувшись в струнку, застыли в строю. Казалось, что они не дышат, и не моргают, и даже их сердца замерли в испуге перед маленьким толстеньком человечком в разукрашенном золотыми красками камзоле. Он медленно шёл вдоль строя, вглядываясь в лица прислужников, осматривая их с ног до головы, будто бы разыскивая кого-то или желая узнать, не кроется ли среди них крамола.

Крамолы он, скорей всего не нашёл. Дойдя до конца строя, он отдал какой-то приказ старшему прислужнику и тотчас несколько бугадубцев сорвались с места и побежали к клеткам с заключёнными. Они вытащили из ближайшей клетки несколько гномов, Хозяйка насчитала пять, и погнали резиновыми дубинами в сторону маленького толстого человечка. Тот снова дал какую-то команду и

прислужники стали усаживать гномов на пол, заставляя их принимать самые неуклюжие позы. Одного усадили с поднятыми руками, второго уложили на бок, третьего заставили подогнуть ноги калачиком. Когда усадили всех, человечек взмахнул над ними руками и все гномы тут же превратились в статуэтки точь в точь какую мама подарила в своё время Хозяйке.

– Это Бугадуб, – сказала она, – вот как он, оказывается, уничтожает гномов. Видите, на что способны преступники ради денег. Я этого не потерплю, сейчас пойду и всё выскажу этому мерзавцу.

– Не городи чепуху, – строго сказал кот. – Ты и выйти не успеешь, как превратишься в очаровательную статуэтку. Тебя продадут за большие деньги. Надо ждать. А вот когда нас подведут к нему, то он, скорее всего, захочет побеседовать с тобой. Я думаю, ему будет интересно узнать кто ты такая, зачем приехала в эту страну и кто тебе открыл тайну пароля. Вот тогда ты,

выждав момент, и сможешь взмахнуть своей палочкой над головой Бугадуба.

Хозяйка промолчала, хотя ясно поняла, что Васька как никогда прав. Надо ждать и ждать и ждать. Однако смотреть на то, что вытворяет Бугадуб она больше не могла.

— Отвернись, Хозяйка, — посоветовал ей добрый Шарик, — не смотри на это злодейство. Думаешь мне легко, я бы тоже с удовольствием выскочил из клетки и впился зубами в этого толстого и противного борова.

— Не оскорбляй борова, — посоветовал ему Васька, — ни одно животное не поступит так.

— Верно, — вздохнула Хозяйка.

— Смотрите, — взвизгнул Шарик, он в этой компании оказался самым глазастым, — наших повели.

Да, в числе очередной пятёрки шли Бер и трое гномов-попутчиков.

— Я всё-таки пойду, — в отчаянии крикнула Хозяйка и уже сделала несколько шагов к выходу, но Шарик и

кот мёртвой хваткой уцепились за её платишко, не давая больше сделать ни одного шага.

Глава двадцатая,
*в которой говорится, что всякому
злодейству приходит конец*

– Отпустите меня, – закричала Хозяйка и в сердцах шлёпнула кота и Шарика по лбу, – вы как хотите, но я сидеть в клетке и прятаться за чужие спины не собираюсь. Я не могу спокойно смотреть, как убивают моих друзей. Вы оставайтесь здесь, а я пойду.

Васька сначала хотел обидеться за шлепок по лбу, Хозяйка ещё ни разу так не обижала его, но потом передумал.

– Да мы с Шариком и не собирались отсиживаться здесь. Мы с тобой пойдём. Правда, Шарик?

– Какой разговор. Я этого Бугадуба до смерти закусая.

– А я ему глаза выцарапаю.

– Хорошо, – согласилась Хозяйка, – вы попробуйте отвлечь его, а я попытаюсь взмахнуть над ним палочкой.

Она выглянула из клетки: Бугадуб уже поднял руки над приговорёнными к смерти друзьями и громко крикнула:

– Сейчас же прекратите безобразничать, отпустите гномов. Они ни в чём не виноваты.

Бугадуб от неожиданности вздрогнул и опустил руки:

– Это кто там посмел кричать в моём присутствии?

– А это задержанные шпионы. Они чужестранцы, – подобострастно ответил главный прислужник.

– А что они делают в клетке, тащите их сюда, я сделаю из них чудесные игрушки.

Он даже улыбнулся по такому случаю, представляя по какой цене пойдут такие необычные статуэтки.

Бугадубцы рванули изо всех сил выполнять поручение шефа, но не добежав до клетки пяти шагов в испуге

остановились и стали пятиться назад. Из открывшейся двери навстречу им вышел громадный тигр и ещё более громадный волк, верхом на котором ехала маленькая девочка, а сзади шагала гном-великан, который держал громадного волка за хвост. Они неторопливо с достоинством королей направились в сторону Бугадуба. Надо признаться, что он тоже не ожидал ничего подобного, поэтому и у него затряслись поджилки, как это обычно бывает у трясущихся от страха людей или животных.

— Стойте, — заверещал он, — не подходите, а не то я превращу вас в статуэтки.

— Он боится, — шепнул тигр Хозяйке, а в страхе он может натворить чего угодно.

— Я поняла, — так же шёпотом ответила Хозяйка, а обращаясь к Бугадубу крикнула, — прекращайте обижать гномов и убирайтесь из их города.

Но Бугадуб уже немного пришёл в

себя и нахальство девчонки ему не очень понравилось.

– Вы кто такие, чтобы учить меня? Я здесь хозяин и мне решать, что делать с этими бездельниками. Я спрашиваю ещё раз, кто вы такие?

– Мы? – Хозяйка ловко соскочила с волка и выступила вперёд. – Мы, – она приложила руку к груди, – Хозяйка, Вася, – она указала на огромного тигра, – Шарик. она кивнула в сторону волка.

– Как? – вытаращив глаза прохрипел Бугадуб, – как...

– Хозяйка, Вася, Шарик, – спокойно повторила Хозяйка.

Едва с её губ сорвался последний звук, Бугадуб начал синеть, задыхаться, как рыба на берегу, и медленно оседать на пол. Подбежавшие бугадубовцы хотели поддержать его, но какая-то неведомая сила всё сильнее и сильнее прижимала его к полу, и все старания помощников оказались никчёмными. В конце концов он упал на землю и на

глазах у всех начал медленно превращаться в каменную статую.

Глава двадцать первая,
*в которой рассказывается о том, что
зло — преходящее явление*

Такого конечно никто не ожидал. Все думали, что ещё минута-вторая и дерзкая девчонка со своими зверями, как и все гномы до них, превратятся в те же самые жалкие игрушки. А тут произошло такое, что в головах подземных человечков произвело настоящую революцию. Кто-то закричал «Ура!» — это были, скорее всего, приговорённые к смерти гномы, а кто-то безутешно заплакал. Это ревели обездоленные бугадубцы, понимая, что впереди их не ждёт ничего хорошего.

Ни они, ни заключённые не знали, что произойдёт в следующую секунду. То ли бугадубцы кинутся загонять гномов в клетки, то ли те начнут битву с предателями. Разрядил напряжённую,

прямо скажем, предвоенную обстановку тигр, который стоял рядом с Хозяйкой.

– Всем охранникам, – крикнул он, – оставаться на своих местах. Сейчас вы будете принимать присягу на верность новой правительнице – волшебнице Хозяйке. Вы видели, как она легко справилась с вашим царьком Бугадубом. С вами она справится ещё проще и быстрее.

А в это время спасённые «преступники» бросились открывать клетки и выпускать на волю томящихся в них гномов, ожидающих своей смерти. Радости их не было конца.

– Интересно, – спросила подбежавших к ней Бера с друзьями Хозяйка. – вроде бы все гномы добрый и умный народ, а откуда взялись эти бандиты.

– Не знаем, – надо бы у них самих спросить.

– Не надо у них спрашивать, – вмешался один пожилой гном, который стоял неподалёку и внимательно

прислушивался к разговору друзей, – я всё знаю и могу рассказать. Эти прислужники самые обычные гномы, а сделал их злыми и беспощадными Бугадуб при помощи колдовства. Он ведь мог превращать гномов не только в статуэтки, но и в покорных ему бандитов. Если их не уничтожить, они всегда будут делать только пакости, вредить нашему народу.

– Что вы, что вы, – в испуге воскликнула Хозяйка, – разве можно убивать живых человечков.

– Тогда их надо превратить в статуэтки. Пусть стоят в магазине Бугадуба и своим видом напоминают нам о тяжёлом испытании, которое выпало на долю жителям Малюкана.

– Нет, нет, – снова вступилась за бугадубцев Хозяйка, – надо попробовать их перевоспитать. Вы посмотрите, ведь они все, как один, молодые, здоровые и сильные человечки. Они ещё могут послужить своему народу.

Пока Хозяйка вела умные разговоры с посторонним гномом, освободившиеся «преступники» стали окружать охранников. Видно было, что через несколько мгновений здесь, в тюрьме, произойдёт кровавое сражение, какого никогда в истории Малюкана не было.

— Хозяйка, — толкнул её в бок кот Васька, — сейчас они поубивают друг друга.

— И правда, — ахнула Хозяйка, — а потом громко крикнула своим друзьям-животным, — бегите туда, надо остановить побоище.

Тигр и волк не мешкая ни минуты кинулись в самую гущу толпы. У них был такой свирепый и решительный вид, что гномы в испуге остановились, а охранники сбились в кучу, ожидая свой смертный приговор.

И тогда Хозяйка подняла палочку-превращалочку и взмахнула ей над валявшимися на полу статуэтками,

которые ещё несколько минут назад были молодыми и здоровыми гномами.

– Палочка-превращалочка, сделай эти статуэтки живыми.

Для пущей убедительности она взмахнула ей несколько раз, и статуэтки тут же заморгали глазками и стали что-то лепетать друг другу.

Хозяйка поняла лишь то, что они думали, будто их оживил всё тот же Бугадуб. Не для того, чтобы отпустить домой, а чтобы поиздеваться над ними и наделать ещё больше пакостей. И только когда им объяснили, что произошло на самом деле, они от радости заплакали. А Хозяйка смело подошла к насмерть перепуганным бугадубцам, подняла над ними палочку и твёрдым голосом сказала:

– Палочка-превращалочка, будь добра, преврати всех бугадубцев в обычных гномов, которыми они были до их превращения в злодеев.

Могло показаться, что палочка ни чего не сделала. Бугадубцы были по-

прежнему молодыми и сильными, но души их уже оттаяли, и они с ужасом вспоминали свою прежнюю жизнь, вернее службу у Бугадуба. Многие из них тоже плакали и просили прощения у окруживших их земляков.

– А теперь, Хозяйка, наша с Шариком очередь. Мне надоело таскать тигровую шкуру, да и Шарик тоже не волк. Сделай нас самими собой, тем более теперь нам не кого пугать.

– Хорошо, хорошо...

Хозяйка махнула палочкой и снова вокруг неё радостно запрыгал неугомонный Шарик. А Васька указал ей на гиганта Еке, который головой упирался в высокий потолок пещеры.

– Ах, да, – воскликнула Хозяйка, – иди же ко мне, мой малыш.

Глава двадцать вторая,

*в которой рассказывается, что на
каждое зло есть противоядие – добро*

Недолго длилась эйфория, недолго жители Малюкана прыгали от радости.

Наступил момент, когда надо было решать дальнейшую судьбу города и его жителей, а главное судьбу тысяч и тысяч статуэток, которые хранились в доме и магазине Бугадуба. Бер напомнил, что сотни, а, может, и тысячи статуэток были проданы в разные чужеземные страны, и теперь они хранятся на полках шкафов у любителей разных экзотических фигурок.

— Да, — согласилась с ним Хозяйка, — надо решать эту задачу всем вместе.

— Всем вместе не получится, надо, чтобы народ выбрал городской совет по восстановлению порядка. Как не упирались Хозяйка, кот и Шарик их сразу же большинством голосов назначили руководить этим советом.

— Вот дела так дела, — проворчал Васька, — никогда не думал, что стану чиновником и буду решать судьбу целого народа.

Кот Василий хоть и ворчал, однако в душе был всё-таки доволен. Как-никак он тоже внёс свою лепту в освобождение

города от тирана и то, что народ помнил его заслуги, немного тешило кошачье самолюбие.

Совет ещё не начинал своего первого заседания, а кот уже успел продумать всю его деятельность и заявил, что мешкать не надо ни одной минуты.

– Пусть каждый житель города, – скомандовал он немедленно отправляется на поиски статуэток. Всё найденное приносите сюда, а Хозяйка тут же оживит их.

На это предложение возражений не поступило. Гномы один за другим исчезали за стенами тюрьмы и уже вскоре возвращались назад, неся в руках самые простые и самые причудливые статуэтки. Они устанавливали их на полу, чтобы Хозяйке было легче подойти к ним. Многие оставались ждать начала таинства превращения, другие же убегали за новыми статуэтками. Хозяйка только успевала

махать палочкой-превращалочкой и произносить слова с просьбой к ней.

Новообращённых гномов становилось всё больше и больше, им рассказывали обо всём, что произошло во время их отсутствия, указывали на Хозяйку, как на спасительницу. Воскресшие гномы выстроились в очередь, чтобы выразить ей благодарность, а потом каждый успевший сказать «спасибо» тут же убегал на поиски других статуэток. Каждый мечтал найти хоть одну из них, чтобы помочь ни в чём не повинному человечку.

Хозяйка работала весь день и всю ночь. Наконец, поток статуэток стал заметно уменьшаться и утром прекратился совсем.

— Всё, уважаемая Хозяйка, сказал подошедший к ней Бер, статуэтки кончились. Мы очень благодарны тебе. Я в особенности. Видишь этих молодых людей? — он указал на стоящих неподалёку от них красивую девушку и

высокого парня. – Это мой сын Юч и его жена Тёрт. Бугадуб не успел продать их в чужеземные страны.

– Очень приятно, – ответила Хозяйка и разрешила поцеловать ручку благодарному сыну Бера. – А теперь всем надо отдохнуть, а нам подумать о возвращении домой.

Глава двадцать третья,
*в которой говорится, что все дороги
ведут домой*

– Правильно говоришь, Хозяйка, – отозвался Васька, – погостили и пора честь знать. Нас уже, поди, дома заждались.

– Конечно заждались, – поддержал друга Шарик. – И бабушка Лена, наверное, уже из больницы выписалась. Я уже и по деревне соскучился.

Но тут гномы, знакомые и незнакомые стали уговаривать их остаться и ещё погостить, посмотреть

город Малюкан, поближе познакомиться с горожанами.

– Поживите у нас хоть недельку, Юч и Тёрт вам покажут все наши достопримечательности. У нас ведь в городе есть и дворцы, и театры, и музеи, и даже цирк, в котором показывают дрессированных мышей, кротов и дождевых червей. Да, да не удивляйтесь, мы и с ними нашли общий язык.

– Интересно, – проворчал кот Василий, почему же вы не нашли общий язык с Бугадубом, вроде бы тоже гномом был.

– Ой, ой, – отозвался один пожилой гном, – Бугадуб не был гномом.

– Ну что вы говорите, – сразу же не согласился Вася, – он такого же роста, с такой же длинной бородой и одет так, как все гномы.

– Это простая маскировка. На самом деле он был чужаком. Вы обратили внимание, когда он пришёл в тюрьму, для него сразу же включили свет. А почему? Да потому что он в

темноте ничего не видел, а гномы видят. Нам свет не нужен.

– Интересно, я вот тоже чужак, ничуть не похож на гнома, а мне свет тоже не нужен. Вернее нужен, но я могу обходиться без него.

– Ой, Василий, не сравнивай себя с Бугадубом, – прервала Васькины рассуждения Хозяйка, – ты лучше подумай, как мы будем возвращаться домой.

– Тут нечего думать, сядем в вагон, доедем до своей станции, выберемся на поверхность, пролезем в дырку в заборе, а там до дома рукой подать.

– Что ж, Вася, ты, как всегда говоришь правильно. Я думаю, друзья, – она обратилась к гномам, – вы проводите нас до нашей станции?

И тут в рядах гномов появилось какое-то замешательство. Они о чём-то пошушукались, даже поспорили и наконец, Бер с печальным выражением лица, явно сочувствуя нашим героям, объявил:

– Увы, Хозяйка, вам надо или погостить у нас или добираться до своей станции одним. Вы уж простите нас, но произошло непредвиденное. Бугадубцы, которые служили на дальних станциях, вывели из строя ветки, по которым самокати движутся в Малюкан. А это значит, что провожающие вас гномы не смогут вернуться назад.

– А мы, значит, не сможем выбраться на поверхность, потому что не знаем пароля, а вы чужакам его не даёте.

Гномы снова пошушукались. По их лицам было видно, что они пришли к какому-то важному соглашению и готовы рассказать о нём Хозяйке и её друзьям.

– Вы знаете, почему погиб Бугадуб? – спросил Бер.

– Я – нет, – простодушно ответил Шарик, – наверное, Хозяйку испугался.

– И мы не знаем, – за себя и за Хозяйку ответил кот.

– А на самом деле всё просто, Хозяйка произнесла три слова, которые волшебной силой и погубили Бугадуба. Весь наш народ ни день и ни два подбирали эти слова, но даже близко ничего не придумал.

– А что за слова такие, я ведь ничего не говорила? – удивилась Хозяйка.

– Говорила. Эти три слова «Хозяйка», «Вася» и «Шарик». Кто бы мог подумать, что эти слова, известные каждому гному с самых пелёнок, могли бы уже давно принести нам свободу.

– Мы ничего не понимаем. До знакомства с нами вы не могли знать эти слова. У вас ведь нет ни кошек, ни собак и хозяйками ваших девочек не называют.

– Не торопись, Хозяйка, сейчас ты всё поймёшь. Вы помните, что все гномы знают секретный пароль, с помощью которого можно в любом месте выйти на поверхность земли. И вы знаете, что мы никогда ни при каких

обстоятельствах не выдаём его тайну. Однако сейчас мы решили, что вам мы его передадим, потому что вы спасли нас от смерти и вечного рабства. Вы не чужие, вы свои. С сегодняшнего дня вы почётные жители города Малюкана и почётные гномы. А вот и пароль: «Киращ ясав акиязох». Надо найти участок земли, где не ходили свиньи и коровы и где люди не работали лопатой или плугом, наклониться к земле и шёпотом трижды произнести пароль. Земля обязательно пропустит вас. Не забудьте только поблагодарить её за это.

— Ой-ой, — ойкнула Хозяйка, — надо записать этот пароль, а то я его не запомню.

— Запомнишь, — засмеялся Бер, — попробуй прочитать его наоборот. Прочитала? Нет? Давай тогда я прочту: Хозяйка, Вася, Шарик. Это ваши имена, а «киращ ясав акиязох» тоже ваши имена, но прочитанные наоборот. Обидно, что ни один гном не догадался

прочитать слова пароля наоборот. Тогда мы могли бы и сами победить Бугадуба.

Когда Хозяйка, Василий и Шарик садились в вагон самокатки, многие малюкане искренне плакали, им было жаль отпускать своих героев, как они понимали, уже навсегда. Гномы окружили их кольцом, каждый хотел пожать им на прощанье руки и лапы, погладить кота и собачку по мягкой шёрстке. Казалось, желающим попрощаться поближе не будет края, но, к счастью, у всего на свете бывает конец. Наступила последняя минута перед отправлением самокатки. Бер обнял Хозяйку, поцеловал в мордочку кота, погладил Шарика и уже направился к выходу из вагона, как вдруг Хозяйка, что-то вспомнив, громко окликнула его.

— Бер, дорогой, подожди минутку. Возьми себе волшебную палочку-превращалочку. Я надеюсь вы отыщите по белу свету всех своих земляков и все статуэтки превратите в живых человечков.

Бер едва-едва успел крикнуть: «Спасибо», подхватить брошенную ему палочку, как двери самокатки автоматически закрылись, и чудесная машина помчала наших героев со скоростью космического корабля домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Закадычные друзья
5

Ботаник
112

Приключения кота Васьки, его Хозяйки и
их друзей продолжаются
194